

ТУТ НЕ ОДНО ВОСПОМИНАНЬЕ

СБОРНИК ПАМЯТИ
НАТАЛИИ МИЛИЕВНЫ АНИЧКОВОЙ

Москва 2003

Н.М.Аничковой

Я прочла этой книги немногие строки,
но для мысли открылась бескрайняя даль.
Путь предельно тяжелый, предельно далекий...
и на сердце легли торжество и печаль.

Слышу повесть простую о прошлых несчастьях,
и глаза наполняются, как ни держи,
закипают слезами обиды и счастья:
счастья – за человека, обиды – за жизнь.

Это счастье – знать, что бывало и будет
то, чего и судьба не растопчет вконец,
через что проходили не падая люди,
сохранив полноту и богатство сердец.

Вот подобран и склеен хрусталь по осколкам,
только ведь жизнь – не хрустальный пусяк –
не заменишь другим, совершеннейшим сколком...
Вопрошаешь: «За что?» - и в ответ: «Просто так...»

Я ловлю эту повесть взволнованно, жадно,
для чего так хочу разобраться я в ней?
Для того ли, чтоб знать, как судьба беспощадна?
Для того ли, чтоб верить, что люди сильнее?

Карпова Татьяна Дмитриевна

На Соловецких каналах, летом 1964 г,
фото Надежды Григорьевны Левитской

СОДЕРЖАНИЕ

Карпова Т.Д.

Н.М.Аничковой. Стихи.2

Левитская Н.Г.

НАТАЛИЯ МИЛИЕВНА АНИЧКОВА7

Солженицын А.И.

НАТАЛИЯ МИЛИЕВНА АНИЧКОВА И НАДЯ ЛЕВИТСКАЯ.....3

Аничкова Н.М.

ЧЕТЫРЕ ПРАБАБУШКИ И ИХ ПОТОМСТВО.....23

ИЗ ПРОШЛОГО.....55

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

НА МАСЛЯНОЙ

СПОРТ

ПИСЬМА ТАТЬЯНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ЛИВЕРОВСКОЙ.....61

Письмо ПЕРВОЕ

Письмо ВТОРОЕ

Рождественские каникулы

Письмо ТРЕТЬЕ

ИЗ ПРОШЛОГО (продолжение)78

ЭПИЗОД №1

ЭПИЗОД №2

ИРМА – НАТАША

СОЛДАТИКИ	
ВОСПОМИНАНИЯ «О САМОМ ПРОСТОМ»	94
КАСЯ	
ТЮТЬКА И БАЙКАЛ	
ГУСЬ И УРАЛ	
ЛОСКУТКИ ИРАНА.....	128
СТИХИ.....	144
КАРЕЛИЯ И ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛ, лето 1963	180
ДОПОЛНЕНИЕ	
ДНЕВНИК 1967	221
Письма А.Г. ВЕРЕЩАГИНУ	223
СЕ-СЛАВИНО	256
Левитская Н.Г.	
БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ МЕНЬШАГИН	261
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	277
БИБЛИОГРАФИЯ:	290.

Родители:

Милий Адрианович
Аничков

Мария Ивановна
(ур. Беляева)

Н.Г.Левитская

НАТАЛИЯ МИЛИЕВНА АНИЧКОВА

/1896 – 1975/

Наталия Милиевна Аничкова родилась 16 июня 1896 г. в Петербурге. Отец ее Милий Адрианович Аничков долгое время был гласным Петербургской городской думы, а жила семья в «запасной половине» Зимнего дворца у двоюродного дедушки Наталии Милиевины - Милия Милиевича Аничкова, который работал в гофмаршалской части «кем-то вроде коменданта всех царских дворцов», по ее собственному выражению.

Окончив гимназию Таганцевой, где преподавали в то время историки С.Ф.Платонов (позже академик) и А.И.Заозерский, литературовед М.И.Ливеровская, в 1915 Наталия Милиевна стала сестрой милосердия Крестовоздвиженской общины и до 1918 года проработала в прифронтовых госпиталях и передовых медицин-ских пунктах в районах Вильно, Пскова, Двинска.

Вернувшись с фронта домой, Н.М. поступила на романо-германское отделение филологического факультета Петроградского университета и одновременно работала в Гидрологическом институте, выезжая каждое лето в Карелию с Олонецкой научной экспедицией. Экспедиции возглавлялись Гл.Ю. Верещагиным. Спасая родных из голодного Петербурга, он включал их в состав сотрудников экспедиции. Так Н.М. и ее мать Мария Ивановна три лета подряд провели в Карелии. Милия Адриановича уже не было в живых. Вскоре после большевицкого переворота он был зверски избит пьяными матросами; так и не оправившись от этого, умер от голода в 1918 году. В эти же годы (до ~ 1922-го) в Петербурге вымерла семья Трапезниковых – сестры Милия Адриановича Софьи.

В ~ 1922 году в ожидании ареста покончил с собой любимый дядя Василий Адрианович Аничков, выбросившись в лестничный пролет дома, где они все жили, на глазах своей сестры Надежды Адриановны Воронцовой-Вельяминовой. Тогда же умерла и Мария Ивановна.

8 – Надежда Григорьевна Левитская

После всех этих смертей Наталия Милиевна, бросив всё в Петербурге, буквально бежала в Москву. Здесь она остановилась у дальних родственников - Наталии Владимировны Марниц (ур. Верещагиной), с дочерью которой, Екатериной Александровной Таваст-Шерной, они надолго сдружилась. Семья Марницев жила в доме Шереметевых на Воздвиженке, так называемой «Вышке» (угол с улицей Грановского).

В это время в Москву из Средней Азии вернулся троюродный брат Н.М. Петр Петрович Арапов, дружба с которым началась еще со встреч на двинском фронте первой германской войны. Вскоре они поженились и стали жить на Живодерке, недалеко от Белорусского вокзала.

Одновременно то тлел, то разгорался мучительный роман с Михаилом Александровичем Реформатским. По Чайновскому делу в 1930 он был арестован, приговорен к 10 годам, которые отбывал в Долинке (Сев. Казахстан), где заболел туберкулезом. После досрочного освобождения в 1934г. он был сослан в Мценск, а в 1938 г. арестован вторично и отправлен в Орел. Наталия Милиевна ездила к нему в Долинку, Мценск и Орел, но здесь она уже не застала Михаила Александровича. В Орле шли расстрелы, и добрые люди посоветовали ей уезжать, «пока цела».

Все годы до второй мировой войны Наталия Милиевна по большей части работала по договорам в библиотеках, издательствах или на секретарских должностях, регулярно оставляя себе свободным лето, когда она своим ходом или устроившись в подходящую экспедицию, отправлялась в места весьма отдаленные, где были родные, друзья, знакомые.

В 1930 Нат. Милиевна навестила в Красноярске свою троюродную сестру Н.И.Аничкову, в составе Топографо-геодезической экспедиции объездила в 1931 Карагандинскую область, в 1934 была на Каме, побывала в Тотьме у внучек Александра Брюллова Веры Павловны Шевелевой и Евгении Павловны Струмилло (1935), прошла с экспедицией Шексну в 1939-м, несколько раз ездила на Байкал, где на Лимнологической станции директорствовал Гл.Ю.Верещагин.

Н.М.Аничкова и П.П.Арапов,
Двинский фронт, 1916 г.

Петр Петрович Арапов,
12.03.29 г.

В альбоме Нат. Милюевны фото 16 г. соседствует с «тегеранским», для обоих сделана общая подпись: «Супруги Араповы 1916 и 1943 гг». Портрет 29 г подписан Милюевой: «Как соловей поёт сей муж с душою, но вот беда - что соловей поёт одной весною, а он - всегда!»

И все годы – передачи, посылки, короткие поездки в ближние и дальние места ссылок и бесконечно – письма, письма, письма... длинные, неторопливые, обстоятельные, содержательные.

Попав в Москву еще в начале 20-х годов, Н.М. заинтересовалась ее историей, активно участвовала в работе общества «Старая Москва», для которого подготовила и прочла доклад об архиве Бодэ-Сологубов, обнаруженном в так называемом «доме Ростовых» на Поварской.

В сентябре 1941 Наталия Милюевна эвакуируется на Байкал и работает на станции у Верещагина. В феврале 1943 уезжает на Урал в глухую деревню Ермолино Пермской области, куда была вывезена из блокадного Ленинграда ее единственная родная и любимая тетушка Надежда Адриановна Воронцова-Вельяминова. В это же время П.П.Арапова, участвовавшего в обороне Москвы, переводят в Иран, где ему поручена организация автодорожной службы от Персидского залива до границы Советского Союза. Он получает право выписать к себе семью, и в конце 1943 года Наталья Милюевна, оставив тетушку в Москве, уезжает к мужу.

В Иране Наталия Милиевна сначала преподает русский язык офицерам иранского генштаба в специальной школе при ВОКС (Всесоюзное общ-во культурных связей с границей), а потом работает секретарем при командующем группой советских военно-воздушных сил в Иране (генерале Лаврентьеве). Одновременно она жадно знакомится со всем окружающим: с новыми для нее культурой, бытом, народом. Пользуясь свободным знанием французского языка, широко распространенного среди образованных слоев Тегерана, заводит знакомства вне советской колонии. Не только сама посещает музеи и достопримечательности страны, но организует и водит экскурсии для советских офицеров и особенно солдат, работающих при Доме офицеров, «хозяином» которого в порядке общественной нагрузки был Петр Петрович. Эта деятельность и эти знакомства стали впоследствии основанием для обвинения в шпионаже и измене Родине.

Главной фигурой, вызывавшей подозрения «органов», был русский священник <см. с.119> местной православной церкви, с которым Н.М. особенно подружилась. От него она узнавала новости со всех театров военных действий, о событиях в странах и мире, о которых советские газеты умалчивали. Был этот батюшка человеком старой культуры, широкой эрудиции и пользовался большим уважением в Тегеране: на улице к нему подходили просить благословения. По делам церкви он нередко бывал в Иерусалиме. Петр Петрович опасался этого знакомства, но иногда говорил: «Сходи ко к «бате», узнай, что в мире делается».

Вернулись Араповы из Ирана в конце 1945 г, а в 1946-м Петр Петрович скоропостижно скончался. До 1949 года Наталия Милиевна работала на разных должностях во Всесоюзном химическом обществе им. Менделеева. 9 июня 1949 она была арестована вместе с врачом-гомеопатом Грузиновым, юристом Н.Н.Милютиним и Викторией Генриховной Загорянской, с которой Наталия Милиевна была знакома еще по гимназии Таганцевой и которая крупно ее заложила на следствии. Всем им «шился» монархический заговор, измена Родине, шпионаж и, конечно, «антисоветская агитация». Доктор Грузинов умер во время следствия, а остальным удалось отбиться от

объединения дел в группу. После года допросов (следователи Мельников⁺⁺ и Красовский) у Наталии Милиевны осталась только «антисоветская агитация», т.е. 58-10, и без суда ОСО дает ей 10 лет. Срок свой она отбывает в Унжлаге (Центральный «комендантский» пункт на станции Сухобезводное между Горьким и Кировом).

Учитывая возраст, всю жизнь преследовавшую Наталию Милиевну астму, тяжелую гипертонию и уже дававшую о себе знать стенокардию, а главное - "легкую" статью 58-10, Наталию Милиевну не послали на общие работы. Она была сестрой-хозяйкой в санчасти производственного ОЛП`а, какое-то время заведовала пекарней, а большую часть срока провела в больнице, или в качестве больной, или работая сестрой-хозяйкой в одном из корпусов. На женских ОЛП`ах Унжлага Наталия Милиевна пользовалась известностью за огромный мешок с книгами, который таскала с собой с ОЛП`а на ОЛП, и которые щедро давала читать окружающим. А блатные из венерического корпуса, где она вела хозяйство, говорили: «Сестра-хозяйка у нас ничего, только цветов не трожь». Цветы Н.М. самозабвенно разводила по всей больничной лагерной зоне.

Второе лагерное увлечение и отвлечение – самодеятельный театр, где Наталия Милиевна сыграла несколько крупных ролей. Поскольку лагерь в те времена был чисто женский, это были всё мужские роли. Главные из них - Бобыль в «Снегурочке» Островского, Граф в «Трактирщице» Гольдони и еще один Граф в «Девушке с кувшином» Лопе де Вега. Руководила драматическим ансамблем ленинградка, преподаватель английского языка Ольга Альфредовна Стерлинг. Оформляла спектакли талантливая художница З.М.Грецова, а главным партнером-«соперником» Наталии Милиевны была Т.К.Владимирова - великолепный Кавалер из «Трактирщицы», <с.148 / 149>.

В конце 1955 Наталию Милиевну освободили по «активке» как безнадежно и неизлечимо больную, но без реабилитации, без снятия судимости и права жить в Москве.

⁺⁺ Петр Андреевич – следователь, которому Н.М. осталась благодарна и безуспешно пыталась найти после освобождения.

Она прописалась у друзей – сестер Брюлловых в Ростове Великом, где они доживали свою бесконечную ссылку, и целый год, в ожидании реабилитации, как пуганый заяц, мыкалась по знакомым, продавая сохранившиеся книги. Через год пришла желанная реабилитация, а еще через три года – комната в Москве и пенсия.

Выйдя на пенсию, как и всю свою жизнь, Наталия Милиеина оставалась очень деятельной. Она принимала живое участие в охране памятников старины и организации общества охраны памятников, до его превращения в бюрократическую контору, много ездила по любимому Северу, снова побывала в Карелии и на Соловках, в Кирилловом и Ферапонтовом монастырях, на Вытегре, в глухом Каргополье. И всё это в начале 60-х, дикарем, когда там еще не было лавины туристов, когда Север не стал еще модным. Последние десять лет были освещены безоглядной работой в помощь созданию главной поминальной книги по всем невинно убиенным и затерянным на просторах Архипелага ГУЛаг.

Чем бы ни занималась Наталия Милиеина, она всегда умела увлечь этим окружающих, убедить в нужности, полезности своего дела, умела показать, что оно не ее, а общее, всем нужное, необходимое, даже обязательное. Вокруг нее не было равнодушных: человек или подпадал под ее обаяние, покоряясь ему, или ощетиивался враждебностью, ощущая психологическую, а чаще «классовую» несовместимость.

Уже много лет Милиеины нет среди нас, но по «ее дням» - 26 января, когда она скончалась, 16 июня в день ее рождения и 8 сент. в именины – собирается полный дом старых друзей и почитателей. Тогда читаются оставшиеся в ее архиве стихи, семейные предания, очаровательные рассказы из времен эвакуации или иранские миниатюры. Этот сборник – запоздалая дань памяти замечательной современнице, сумевшей не только светло и достойно пройти через все испытания нелегкого времени, но и осветить путь окружавшим её.

Москва, 1989, 2003.

А.И.Солженицын

**НАТАЛИЯ МИЛИЕВНА АНИЧКОВА И
НАДЯ ЛЕВИТСКАЯ[†]**

И так же в письме заявила о себе до того неизвестная мне Наталия Милиевна: что она – бывшая зэчка, и дочь её приёмная, тоже зэчка, благодарят за «Ивана Денисовича» и готовы помогать, чем могут. А для заманки, чтоб я верней отозвался, приправлено было, что Павел Дмитриевич Корин – их сосед, могут познакомить; что они любительницы путешествовать по глухому Северу; и разнимчивые фотографии тех мест.

«Бывший зэк» был для меня открывающий пароль. «Бывшие зэки» была у меня в архиве переписки самая почтенная папка, и уже не одна сотня писем в ней. Какие другие, а этих я не пропускал, почти из каждого что-то выписывал и со многими потом встречался. Как-то поехал и на Большую Пироговку к Аничковым. И обнаружил, что подделки нет, они те самые, за кого себя выдают: вечные зэчки с душою не замершей; живут как попало, на перекладных; не удивятся, если завтра к ним опять *придут*; и в ежегодных летних путешествиях, самых отчаянных для 65-летней и совсем не здоровой Мильевны, они забирались в такие дремучие места, куда и не всякий молодой решится. Вот этот дух неприобретательства, весёлое неуверенности в завтрашнем дне и горячая преданность вчерашнему злосудному - и соединили нас в дружбе. Мы не могли не сойтись. Еще в первую встречу я поопасался слишком открываться, а уж со второй – покатилося. И с первой встречи и до самой разлуки я, кажется, ни разу не оставлял их без поручений по нашему общему делу – и всегда выполняли они как главное и самое радостное в своей жизни.

[†] Наталья Мильевна Аничкова и Надя Левитская / А.Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», М., «СОГЛАСИЕ», 1996, с.455 - 462

Этот зэческий дух и лагерное прошлое единили их двоих в семью. В остальном они были совершенно разные: коротенькая, толстая, весёлая, не по возрасту возбуждённая Мильевна, с характером неустойчивым и даже капризным, - и высокая, худая, не по возрасту сдержанная, вечно в работе, чёткая, оглядчивая Надя. Как-то в лагере Мильевна игрою судьбы стала заведующая хлеберезкой⁺ – и спасла от крайнего истощения сиротку Надю, подкормила, и душевно подбодрила. И это соединило их навеки, как мать и дочь. Наталия Мильевна была из древне-дворянской семьи, дедушка её – видный чин дворцового ведомства, училась она в Таганцевской гимназии, все друзья её детства – петербургская дворянская молодежь, в революцию рассеянная, расстрелянная, бежавшая. Советское пятидесятилетие продолжало разбрасывать всех родных её и любимых, близких и дальних, никого не осталось. Надя была из слоя невозвышенного, хотя отец её – Григорий Андреевич Левитский, биолог, ближайший сотрудник Вавилова, погибший от Лысенки. Их семью посадили не как семью, но в четыре приёма, отдельно – отца, мать, затем её саму, затем и брата, и каждого по независимому делу. Родители погибли в лагере, а Мильевна – спасла Надю, и с вечной благодарностью Надя и прилепилась к ней. То и замечательно было во всей их нынешней жизни, этим они напоминали супругов Зубовых и Тенно, и, наверно, многие зэческие семьи, что вот – выпал неожиданный подарок, незаконный прирезок, привесок к прежним зэческим годам, и только в свете тех лет получал смысл. И каждое 5 марта, день смерти Сталина, этот постоянный высший смысл их жизни стягивался к символу: они убрали свои комнатёнки как музей, расставляли фотографии расстрелянных и погибших в лагерях, сколько достать могли, заводили траурную музыку, - и несколько часов сквозь этот музей шли приглашённые знакомые и бывшие зэки.

На сумятицу военных и революционных лет наложился и весьма когда-то взбалмошный характер Наташи Аничковой, и так вся жизнь её прошла кувырком, не оставив ни семьи, ни специальности. Надя же с детства знала немецкий язык и

⁺ Пекарней <Н.Л.>

держалась теперь им в библиотеке иностранной литературы. (Во время войны, еще девочкой, она имела лёгкую возможность из Псковщины отступать вместе с немцами, но не отступила и была наказана лагерем, а, говорит, не пожалела никогда, что осталась на родине).

Поэтому первейшая и естественная помощь мне от Нади стала – переводы. Множество сделала она мне их – газетных статей, рецензий, потом – и целых книг, которых по недостатке времени я никогда бы по-немецки не одолел. Да как! – хорошо поняв и систему мою и направление интересов, она не переводила всю книгу сплошь, что новый труд для меня составило бы – такой большой объём читать. Она конспектировала и группировала по нужным темам, с ясными заголовками, на листах определенных размеров. (С особенной благодарностью вспоминаю, как она обработала – часто в электричках да в метро, у самой же тоже времени не было! – книгу генерала Франсуа и воспоминания генерала Гурко, которых на русском не существует). Она же перевела книгу Земана, о связях Ленина с германским м.и.д.

А у Мильевны был иной талант: иметь множество разнообразных знакомых. Вообще для конспиратора это не всегда пригожий талант, но у Мильевны оборачивался счастливо: о какой бы новой неожиданной нужде я ни заявлял, она некоторое время думала – и всегда догадывалась, к кому надо обратиться. Срочно понадобилось мне спасти хранилище рукописей от Теуша – я кинулся к «ЭНЭНам» («НН» - соединённо звали мы их так, от первых букв имён), - бестрепетно взяли они к себе. Но у них квартира – двор проходной и под подозрением, ненадёжно, Мильевна думала – придумала знатного геолога **Бориса Абрамовича Петрушевского**, со свободой заграничных командировок даже, обратилась к нему – и он согласился, и верно держал хранилище года три-четыре, одно время даже с добавлением нескольких «Архипелагов». (По конспирации я его не только не видел, но старался и фамилии не помнить, и не знать, где он живёт. Так никогда и не познакомились. Поклон ему низкий.) Некуда было деть один экземпляр окончательного «Архипелага»? – Мильевна думала, находила, увозила. (Были и промашки. Повезла далеко, с пересадками, пароходами в Весьегонский заповедник – кажется,

благородному, надёжному человеку, а он испугался, жена испугалась, - и пришлось Мильевне назад волочить всю тяжесть, проигрыватель, килограммов десять, не в её бы возрасте! Повезли в Ленинград, кажется в хорошие руки отдали (двоюродная сестра), вдруг вызывают: заберите, не хотим такой ужас держать. И снова искать, уж теперь непременно в Ленинграде, - придумала, нашла! До сих пор там закопан один «Архипелаг», а я так и не знаю ни фамилии, ни места, знаю, что «под яблоней».⁺ Машинистку нужно найти – очень хорошую и очень надёжную, самые страшные вещи ей дать (а платить-то нечем, всё на энтузиазме). А еще хорошо бы – и переплетчика тайного, надёжного: эти пачки листов потом затрёпываются, теряются. Мильевна подумала – и вместе нашла: машинистку, **Ольгу Александровну Крыжановскую**, - и её я не видел никогда, а сколько она нам сделала, сколько хранила! – поклон ей до земли, а муж её **Андрей Иванович**, кадровый военный, инженер-полковник, между сердечными приступами еле держась, - переплетал мне все самиздатские «Архипелаги», всех «Телят» и много «Девяносто шестых», записки благодарственные я ему писал, а руки не успел пожать – он умер.

При таких обширных знакомствах (да при интеллигентской толчее в иностранной библиотеке) – в самиздат пускать самое естественное дело. За многие годы что б ни пускал я в самиздат – эНэНам всегда мы с Люшей Чуковской отсчитывали экземпляры, от одного до пяти. (У Люши с Надей хорошо были поставлены встречи на станциях метро, - и места и минуты известны, и обеим по дороге, с работы, на работу, только бросить по телефону – утром или вечером. Пунктуальностью, ответственностью они сходны были обе, стоили друг друга.) «Читают “Ивана Денисовича”» от начала и до конца всё эНэНЫ сделали весной 1968 – и напечатали, и распустили по рукам.

Мильевна считала за честь распространять самиздат не по Москве только, а в провинцию побольше. Среди других таких

⁺ И перележал «Архипелаг» вместе с «Танками» сохранно 20 лет у благородно-бесстрашного Алексея Алексеевича Ливеровского, теперь откопан. (Примеч. 1989).

мест был у неё Екатеринбург. Вообще я сильно промахнулся с «Кругом-96»: считал, что вот-вот будем его распространять, надо заготовить побольше, увлеклись, напечатали четыре «закладки», то есть 20 штук, - а куда девать потом? Несколько раз «Круг» чуть не проваливался из-за этого множества. (В одном хранении лежала неподъёмная стопа этих «96-х», потом все сожгли. Один экземпляр, не разобравшись, я допустил эНэНов загнать в Екатеринбург. И человек-то этот – **Осённый Сергей Иванович**, оказался совсем малознакомый. Авантюрная Мильевна познакомилась с ним во время летнего путешествия, и на чём? – сцепились об «Иване Денисовиче», он – бранил. Она его не только переубедила, но записала в друзья и доверенные и стала засылать ему самиздат – да вот и «96-ой». Впрочем, Осённый не подвёл, а даже очень оказался твёрд. (В главном корпусе книги этот эпизод был рассказан нарочито искажённо, чтоб на человека не навести. В 1971 в Новочеркасске, проездом, мы с А.А.Угримовым познакомились с ним, опять-таки у знакомых Мильевны.) Опасность на него надвинулась непредсказуемо: его племянник вернулся из армии, где разбалован был службою на радиозаглушке, нето радиоперехвате, и захотел «на гражданке», в Екатеринбурге, устроиться так же. Но тут для этого потребовалось много анкет, и всех родственников указать, потом этих родственников Органы должны были пристально изучить. И при изучении обнаружилось, что на Осённого есть донос, что он давал читать «Раковый корпус». В провинции это очень опасно, это как бомба! Но гебисты по нетерпению не стали дальше следить (*да куда ж дальше?! – «Раковый корпус»!!!*) – а прямо явились, несколько человек! – к нашему хранителю! Сам «96-ой» был у Осённого на безлюдной зимой летней дачке, приезжай – бери, что-то было и в квартире, да ещё в эту минуту сидел у него знакомый, только что взявший и в сумку сунувший «Август». Смышлёный знакомый окинул взглядом гостей: «Ну, слушай, я пошёл!» А провинциальные гебисты даже рады уходу свидетеля, не задержали. Больше того – и обыска в комнате не стали устраивать (лапти какие-то), а повезли Осённого к себе в учреждение и только там спросили: «Признавайтесь, *есть* “Раковый корпус”?» Смекнул наш бедняга, что лучше признать. «Привезите!» Поехал домой – привёз. И вроде отстали от него

пока. А может – следят? А что делать с «96-м»? Мильевна от усердия ему велела: хранить как зеницу ока. И решил он – хранить. После вызова в ГБ это было смертельно, а – хранил. Связь же с нами была редкая – в письме много не скажешь, ехать под слезкой нельзя, послать некого, - успели мы только узнать, что – слезка, что приходили, и не можем крикнуть ему – *сожги!!* И несколько месяцев, до естественной оказии, так и висел «96-ой» топором над ним и над нами. Только к весне 1973 Осёнов удостоверялся в распоряжении и – сжѐг.

Одно время Мильевна (давно на пенсии) активно действовала в обществе охраны русской старины и памятников. Потом увидела, как там в казѐнщину упирается, да и по здоровью требовалось больше дома сидеть, а вулканый нрав не давал ей успокоиться, и она то и дело придумывала мне какое-нибудь новое знакомство, новый источник сведений, нового полезного человека – хотя я не искал такого и не спрашивал. И часто убеждала меня, что это нужно, я знакомился. Сейчас перебираю – целый фейерверк, даже всё вспомнить нельзя. Это она познакомила меня и с **Дмитрием Петровичем Витковским**, старым «беломорцем». Она – и с зятем Короленко А.В.Храбровицким, любителем архивов, - по своему почину он множество сведений мне перетаскал и нужных и ненужных. (В благодарность мы размякли, дали ему один том «Архипелага» подержать в руках полчаса без выноса – и потѐк по Москве слух об «Архипелаге», и даже за границу перекинулся. Сколько усилий было опровергать, сколько опасений!) Тут и след Пальчинского: Мильевна нашла живую свояченицу Петра Акимовича, от неё почерпнул я немало, только так и ввѐлся он у меня после «Архипелага» - да в «Август» и «Октябрь». Нужны были семейные достоверные свидетельства о генерале Свечине? – добывала их Мильевна, иногда тратя месяцы переписки, запросов, чьих-то поездок. О городе Тамбове? – раздобывала единственного в Москве геральдиста Ю.Шмарова, из Тамбова родом, живой свидетель всего, рассказывать из собственной жизни неохоч, но уж справки, справки по всей губернии! Нужно мне вместо себя кого-то послать походить по местам восстания и расспрашивать

совсем незаметно, аккуратней меня? – находилась в срок Валентина **Павловна Холодова**⁺, биолог, много ездившая по Средней России, а по моей просьбе ехала в Тамбовскую область. А не хочу ли я живое содействие в Исторической библиотеке? – вот они, сотрудники. А не хочу ли я получить важные секретные донские материалы? Да и к Корину же свела, как обещала, успел я познакомиться с этим замечательным человеком – и своими глазами увидеть этюды «Руси Уходящей» А вот чего уж совсем не ждал, не спрашивал, не догадывался: нанюхала Мильевна, что в Ленинграде у одной казачки хранится архив Фёдора Крюкова и – им написанная ещё дореволюционная тетрадошка с первой частью «Тихого Дона»! Для работы мне это не только не нужно, но отвлечение рьяное, – а как отказаться? у кого не запыхает кровь на такую приманку?

Заметил я, убедился, и уверенно Мильевне говорил: счастливая у вас рука!

Ну и я, бывало: есть обнадёживающий человек, а времени на него нет, к кому бы прицепить? – к эНэНам! Был такой **Николай Павлович Иванов**, внук священника, – сколько ясности в понимании, сколько мук через советские дебри доискаться своих, сколько замыслов, какой замах! – но ничего крупного сделать ему не удалось, и мне мало в чём помог: собирался он накатывать на ротаторе «Архипелаг» – но это оказалось невозможным. А в полезную экспедицию съездил для меня в Тамбовскую область: собрал и архивный материал, и повидался с сестрой тамбовского знаменитого бунтаря Петра Токмакова. Искали эНэНы даже невесту ему, не нашли. (И ото всех связей с нами его едва не запихнули в психушку, уже задерживали его рязанские психиатры.) К эНэНам же подцепил я и Риту Шеффер – тоже разорённая русская судьба, о ней отдельно.

А пока «потолки» у эНэНов не считались опасными, они, конечно, и считывали нам тексты – весь «Архипелаг» считали, и не его одного. В 1966, в 1967 жилали они в Рождестве-на-Истье, когда наша дачка пустовала летом: такие близкие люди стали, такая простота этих отношений зэческих, с шуточками и похамливанием, – естественно было звать их в свой любимый

⁺ Один из изготовителей этого сборника.

угол пожить, а Мильевна из дальнего ярославского заповедника везла мне рассаду черноплодной рябины. Когда Мильевна жила в Рождестве, Надя, дрожа за неё, как редко за какую мать дрожит дочь, после полного рабочего дня в Москве два часа добиралась до Рождества и утром два часа назад, и всегда пешком со станции Башкино. Хорошо она ходила пешком. Исходила мои любимые места едва ль не гуще меня. На этих полянах и опушках вижу её как вписанную. Когда в мае 1968 мы печатали «Архипелаг» в две машинки, Надя приезжала на каждый третий день и забирала напечатанное, от провала. (Все пять экземпляров забранных надо ж было потом куда-то и рассовать!) Она же и спасала рукопись начатого «Архипелага» в сентябре 1965, участвовала в операции Тенно.

Осенью 1969, едва поселился я во флигеле у Ростроповича, оказалось, что главный дом опустел, некому жить, а сами Ростроповичи уезжали за границу надолго и спешно, искать некогда. И предложили мы им – эНэНов. Стива бросился к Аничковым в своём стиле и темпе, ошеломил, очаровал – и перевёз их в несколько часов. И поселились они так на две зимы: в главном доме они, во флигеле – я, большей частью один, да во дворе чёрный лохматый нью-фаундленд, которого полюбили они страшно, и он их. Оккупировали трое эзков участок в спецзоне, рядом с зампредсовмина!.. Хорошо поживали мы! – я дорожки чистил от снега, за котельной следил, Надя возила всю левую почту в Москву и из Москвы, захаживал я к ним пошутить, да работа гнала. Они же в просторах дома Ростроповичей развернули добрый самиздат – печатанье, сверку. И мне помогали, чем могли – так хорошо работать, когда листы передавать сподручно, близко, - не привыкли мы так. С эНэНами же и с Люшей, в отсутствие Стивы (он за границей был), мы и «встречали» мою нобелевскую церемонию в подчердачной «таверне». Мильевна же присутствовала и когда милиция приходила выселять меня из Жуковки.

Так часто потом уже никогда мы больше не встречались. Гоняя в московском сгущении дел, я забирался к ним редко – но простота между нами до конца осталась зеческая, классическая, сроднённая незабвенными пайкой чёрной, столом невытертым и

мискою баланды. Не во всякой семье так просто, как у нас с ними.

Последнюю мою зиму в Москве Мильевна долго болела. Я назначил, что на Рождество приеду, она бодрилась. И в самый назначенный день, как раз ехать к ним, - из Парижа я получил «по левой» два первых экземпляра «Архипелага» - ещё сигнальные, ещё раньше, чем ГБ и ЦК получили, первые в СССР. Я не успел даже книжку дома развернуть, одну оставил Але, другую – схватил и поехал к энэНам.

Развернул – у них, и это было справедливо. Вместе с ними листали – за тем столом, за которым знакомились 10 лет назад, когда ещё весь, весь путь был впереди. Вместе с ними распахнули и ту страницу, где было шесть фотографий расстрелянных – шесть фотографий, данных Мильевной из их мартовской выставки, и среди них – её любимый когда-то человек...

За эти несколько лет вложилась Мильевна всей своей жизнью в мою работу, и вот фотографиями своих близких – врезалась навсегда в «Архипелаг», во все его издания, на всех языках.

А уже начинался у нас Землетряс. Затем я был выслан. Аля собиралась к отъезду. Все эти полтора месяца бурления у нас сочувствующих и иностранцев – Надя не приходила, при её бесправном положении был бы ей конец. А один раз, перед самым отъездом нашей семьи, зазвонил телефон. В трубку не назвали, но знакомый голос, плачущий голос сказал:

- Передайте ему, что это были счастливые годы, таких больше не будет.

Прошёл год – и мы узнали о смерти Мильевны. Она уже много лет болела разными болезнями, и тяжело, и в лёжку, и говорил я ей не раз: «Мильевна, надо дожить до “Архипелага”!», «Мильевна, надо дожить до общего торжества!» Всякий раз она поправлялась. В январе 1975 у неё случился инфаркт.

Узнав о смерти Мильевны, мы написали Наде из Цюриха, пригласили, не хочет ли переехать к нам, разделить нашу жизнь и работу. Ответила Надя: нет, родины никак не бросить.

Церковь в Подъячевке, где проводил свою жизнь незаметным помещиком Аркадий Руфович Степанов.

Ниже: его единственный сын Анатолий Аркадьевич:

Схему родственных связей Н.М.Аничковой см. между страницами 53 - 55, она составлена на основании текста «Четырех прабабушек».

К старинным нравам
вкус имеющим

ЧЕТЫРЕ ПРАБАБУШКИ И ИХ ПОТОМСТВО

(по семейным преданиям)

Руф Семенович Степанов был известный масон александровских дней и крупный помещик Саратовской губернии. Вместе с князем Голицыным он считался основателем масонской ложи в Москве.

Жил Руф Семенович или в Москве или в саратовских просторах, в своем родовом поместье Подъячевке, круто и мудро управляя им, так и другими именьями, носящими занятные названия – «Миткарей» и «Хованщина» (эти названия дошли до наших дней – так именуются два села близ Пензы).

Сын Руфа Семеновича – Аркадий Руфович провел жизнь незаметным помещиком, произвел на свет одного сына и четыре или пять некрасивых дочерей. Если б не дедушка, выйти им замуж, весьма вероятно, удалось бы не всем. Но Руф Семенович не слишком разбирался в средствах, и когда молодой заезжий офицер Милий Адрианович Аничков проигрался в пух и прах, он заплатил его долги, взяв с него слово, что он женится на его меньшей и самой некрасивой внучке Софье.

О том, что получилось из этого брака, будет рассказано ниже, а теперь обратимся по порядку к старшей внучке – Александре, которую Руф Семенович выдал за небогатого помещика своей же губернии – обруселого немца Христиана Христиановича Карлсгоф.

Семейное предание передает, что Христиан Христианович и Александра Аркадиевна жили, как старосветские помещики, в полном мире и согласии, вызывая у соседей зависть у одних и умиление у других. Именьем управляли вместе, и если головой всему был Христиан Христианович, то душой, несомненно, была Александра Аркадиевна. Ни одного самого маленького шага не делали они, не посоветовавшись друг с другом, а уж любили и почитали друг друга не удивление всем.

Только одна единственная тучка маячила на их безоблачном горизонте. Это была разность их вероисповеданий. Христиан Христианович был лютеранином, и это обстоятельство червем подтачивало душу глубоко религиозной Александры Аркадиевны. Все ее мольбы, обращенные к Христиану Христиановичу о переходе в православие были им отринуты с несвойственной ему суровостью. Это было единственное, в чем он не уступал жене никогда.

Следующая из дочерей Аркадия Руфовича - Анна - была замужем за тамбовским помещиком Щепотьевым, и ее сын Петр - Владимирский улан - был любимым племянником Александры Аркадиевны. Он тоже любил тетку и время от времени наезжал к ней в гости, всегда неожиданно и ненадолго, оставляя после себя впечатление промелькнувшей громкой кометы. Ему поверяла тетка свои страхи и сомнения в том, что на том свете быть ей с Христианом Христиановичем в разных местах и как ей это горестно. Племянник терпеливо выслушивал излияния тетки – его посещения удивительно совпадали с днями безденежья в его кармане – и щедрый куш из теткойной руки «на дорогу» бывал более, чем кстати.

Супругам Карлсгоф было уже за пятьдесят, когда Христиан Христианович крепко занемог. Он метался в бреду в горячке (других болезней тогда почти не знали), а Александра Аркадиевна ломала руки от отчаяния, что он может умереть, не перейдя в единственно правильную веру - православие. Из села был вызван священник и Александра Аркадиевна предложила ему совершить обряд крещения (или, как говорят по церковному, «присоединения»), пообещав крупную сумму для нужд церкви. Священник согласился, однако при условии, чтобы Александра

Аркадиевна представила хотя бы одного восприемника – крестного отца или крестную мать. Новая задача для Александры Аркадиевны – ведь нельзя же делать крестным отцом дворянина кого-нибудь из дворни! При мысли об этом даже ее кротость возмутилась. И вдруг... на дороге колокольчик и столб пыли! Все выбежали на крыльцо – уж не из соседних ли бар кто-нибудь жалуется, вот был бы выход из положения! Так и есть – тройка заворачивает во двор, и из запыленного таратаса торчит лихо заломленная на затылок уланская фуражка Петра Щепотьева. Он под мухой, ему хочется выспаться, он плохо понимает, о чем лепечут ему тетка, дворовые, батюшка. Он не успевает опомниться, как стоит в ногах умирающего и присутствует при обряде крещения.

– Имя, имя, какое имячко желаете вы дать дяденьке? – шепчут ему со всех сторон. Петр моргает и брякает первое, пришедшее на ум: Иван!

Потом его кормят, поят, ласкают, дают выспаться и, наградив, как обычно, деньгами, отправляют поскорее к маменьке рассказать о безнадежном состоянии раба Божиего Ивана.

Между тем, вопреки ожиданиям лекаря, Христиан Христианович начинает поправляться! Он не подозревает того, что он уже не последователь Лютера, и радостно возвращается к жизни, не замечая того, как дворовые, обращаясь к нему, стараются никак его не называть, потому что в их представлении называть его прежним именем зазорно, а новым – боязно.

Однажды Христиан Христианович сидел на балконе и к радости своей почувствовал, что ему снова захотелось курить, то есть что жизнь вернулась к нему в полной мере. Он велел казачку подать ему чубук и тот, подавая, сказал:

- Извольте, Иван Петрович!

- Да что это такое, матушка, - обратился Христиан Христианович к жене, - или я оглох? Уже в который раз чудится мне, что меня обзывают Иваном Петровичем!

Вместо ответа Александра Аркадиевна повалилась мужу в ноги и покаялась ему во всем происшедшем. Христиан Христианович побагровел и, первый раз в жизни подняв руку на

жену, побил ее, не сходя с места, тут же поданным ему чубуком, а после удалился в свой кабинет и заперся. Весь дом не дышал, пока он сидел взаперти час или два. Выйдя, наконец, он прошел к жене и сказал ей:

- Сделанного не воротишь, Саша. Видать на всё воля Божья! Зови попа, пусть служит благодарственный молебен о выздоровлении раба Божия Ивана. Только одно мое повеление, чтоб петькиного духа у нас в доме не было – этой дерзости молокоосу не прощу.

С тех пор по большим праздникам часто можно было видеть обоих старичков в церкви, стоящих около клироса, истово молящихся, одновременно опускающихся на колена, вместе подходящих ко кресту.

Оба прожили до глубокой старости. Был ли прощен и снова допущен в дом крестный отец – неизвестно, но имение, когда не стало старичков, перешло к нему.

Улан со временем, повидимому, остепенился. Он был женат на Александре Владимировне Болховитиновой, и они дали трем своим детям прекрасное образование.

Старший их сын Владимир Петрович (женатый на Лохвицкой-Скалон) был врач и большую часть жизни прожил в Константинополе, работая в посольстве.

Младший сын Сергей Петрович - инженер путей сообщения - сравнительно рано умер.

Дочь – Надежда Петровна – в 18 лет объявила отцу, что она желает тотчас же получить на руки свою долю наследства, так как она решила посвятить себя воспитанию женщин и хочет открыть гимназию. Никакие уговоры бросить эту затею - не помогли. Тогда отец отправил упряму путешествовать по Европе, а она в Англии стала слушать лекции по педагогике; вернувшись в Москву закончила курсы Герье – тоже педагогические, и в двадцать два года, вырвав от отца свои деньги, купила особняк на Воздвиженке и открыла в нем женскую гимназию. Одновременно в своем имении близ станции Подсолнечная у нее была сельскохозяйственная школа для крестьянских детей.

Надежда Петровна Щепотьева

Надежда Петровна не вышла замуж, отвергая всех претендентов, и всю жизнь не изменила избранному ею делу. Летом она отдыхала, путешествовала, часто навещала рано

взяла их к себе и дала им блестящее воспитание и образование. В Отечественную войну ее племянник Алеша, - как и отец – путеец, в чине майора героически погиб, взрывая мост и взорвавшись сам. Сестра его - Елена Сергеевна - достигла степени доктора технических наук; радоновые ванны – её изобретение. Теперь (1952) она обхаживает свою 85-летнюю тетушку и прежде чем пройти на прием к этой уважаемой старушке, надо получить разрешение Елены Сергеевны, которая зорко следит за состоянием Надежды Петровны.

Надежда Петровна сохранила свежую память, пишет по просьбе Бонч-Бруевича свои мемуары, делает научные переводы для своей племянницы и ее сотрудников. Гимназия, созданная Надеждой Петровной, была закрыта около 1920 года, просуществовав около полувека. Несколько поколений прошло через ее стены, и много сердец с благодарностью думает о Надежде Петровне. До сих пор старушки, почти такие же старые, как она сама, приходят ее навещать.

Надежда Петровна – прекрасная переводчица с трех основных европейских языков, и стихотворная форма ей также

не чужда. Много переводила Виктора Гюго – одного из самых любимых ею авторов, а недавно, прочтя стихи Симонова, посвященные неизвестному погибшему солдату, блестяще их перевела. Надежда Петровна сказала кому-то, что это стихотворение ей удалось так хорошо потому, что читая его, она вспомнила, как погибал ее племянник Алеша.

Итак, потомство прабабушки Анны было удачным.

Перейдем к третьей внучке масона – Агнии. Она, как и Анна, покинула саратовские степи для тамбовской лесостепи, выйдя замуж за Николая Михайловича Верещагина – обладателя большого родового имения «Гостеевка» и еще нескольких хуторов в том же уезде.

Николай Михайлович оставил по себе память плохую. Он славился своей жестокостью с крестьянами и прогремел всякими злыми выходками, вроде, например, приказа выкупать в пруду, несмотря на октябрь месяц, агронома, который, проезжая, недостаточно низко ему поклонился:

- Ты кто?

- Землемер.

- Так я заставлю тебя воду мерить!

Николай Михайлович умер как-то странно, на охоте. Шептались о том, что он был застрелен сзади.

Трое сыновей Николая Михайловича были в ту пору уже взрослыми, офицерами, и еще был маленький Юрий, лет пяти, над которым, как над плодом поздней любви, трепетала мать.

Старшие сыновья были отчаянные игроки, моты и шалопаи. Мать изнемогала, оплачивая их долги, и, наконец, объявила им, что больше платить не намерена. Свои пиры и проказы братья устраивали не в Гостеевке, где жили мать и маленький Юрий, а на упомянутых хуторах. И вот однажды, когда мальчик мирно играл перед домом, во двор влетела тройка, из коляски выскочила фигура в маске, схватила мальчика, снова вскочила в коляску, и тройка была такова. Между тем в подметном письме Агния Аркадиевна прочла, что буде она положит в дупло некоего дуба энную сумму денег, Юрий вернется к ней цел и невредим. Обезумевшая от страха Агния Аркадиевна отослала просимое и на следующее утро ее кудрявый любимец вернулся к ней

веселый с кучей игрушек, рассказывая, как он весело провел время, как его ласкали дамы, как он пил сладкое вино и т.п. За раннее детство Юрия братья умыкали его таким манером раз пять или шесть. Он мне рассказывал об этом в двадцатых годах нашего столетия, будучи семидесятилетним стариком и, рассказывая весело смеялся. Юрий Николаевич был педагогом, написал несколько трудов по педагогическим вопросам. Он был женат на шведке, урожденной Ребиндер, которая несколько охладила бурную татарскую кровь Верещагиных струей скандинавского холода. От этого брака родилось два сына и три дочери.

Старший сын – Глеб Юрьевич напоминал мать *en beau* - высокий, стройный светлый шатен с синими глазами – сын шведки. Он был по специальности лимнолог (озеровед), чл. кор. Академии наук, секретарь Международной лимнологической ассоциации, объездил много стран Европы и США, владел западно-европейскими языками, был блестящим ученым и очень интересным собеседником. Был самобытен и оригинален. Будучи биологом, верил в Бога. На поставленный ему однажды вопрос, как же это может сочетаться, ответил: «Чем дальше в лес биологи-ческих наук, тем больше таинственности и загадок..., а впрочем, не будем об этом говорить!»

Из старших братьев Юрия Николаевича с годами остепенился красивый Владимир. Однажды на станции Тамбов стоял царский поезд – царская семья возвращалась с юга. Многие представители дворянства съехались на станцию почтить своим присутствием высочайшую семью. Государыня стояла у окна вагона и, увидев Владимира Николаевича, воскликнула: *«Quel bel homme!»* Так он потом и шел по губернии как «бель-ом». Итак, он остепенился и мирно, хотя довольно рано, закончил свои дни хозяином Гостеевки.

Два других брата вошли в историю своего рода с печальной стороны. Особенно Аркадий, который от шалостей семейного порядка и губернского масштаба перешел к проделкам очень грязным, хотя и обставленным с шиком и лихостью, перенеся место действия в Москву. В качестве последнего «прости» родимому краю Аркадий и его дружки выкинули следующую штуку: они уезжали в Москву с ранним утренним поездом, ночь

всю не спали – кутили, носились по Тамбову на тройках; затихло всё лишь после отхода поезда, а когда обыватели стали вставать и выходили на улицы, то не верили глазам своим: все вывески до единой во всем городе были перевернуты вверх ногами...

В Москве Аркадий вступил в ряды грабительской шайки, называвшейся «Червонные валеты». Клуб червонных валетов заимствовал свое название от одноименного клуба в Париже, действовавшего под предводительством таинственного Рокамболя. Члены шайки были исключительно из числа золотой молодежи. Проделки шайки отличались таким лихачеством и были столь неожиданны, что многие москвичи с нетерпением ждали очередного газетного описания происшествий, связанных с червонными валетами. Орудовали они в 70 - 80-х годах, обычно в масках, оставляя на месте действия карту с червонным валетом. Вот, например, одно их дельце:

В лавку церковной утвари в Столешниковом переулке входят два элегантных молодых человека и торгуют митру. Она им нравится и они просят продавца надеть ее на голову, чтобы взглянуть, как она выглядит издали. Ничего не подозревающий продавец выполняет их просьбу. Тогда один из молодых людей ударяет по верху митры так сильно, что она проваливается до шеи продавца и он перестает видеть, заключенный в этот металлический футляр. А молодые люди кидаются к кассе, огребают всю выручку, выскакивают на улицу, где их ждет, распахнув полость, лихач, и еще через минуту исчезают в морозном дыму. На крики продавца сбегается народ, его голову выпрастывают из митры с великим трудом, он чуть не задохнулся в ней, а касса опустела, и молодые люди, любезно оставившие визитную карточку с червонным валетом, уже где-нибудь за заставой.

Еще наглее была проделка с продажей генерал-губернаторского дома. Это было уже тогда, когда полиция шла по следам червонных валетов, и терять им, как говорится, было нечего. Погожим летним днем несколько изысканных молодых людей позвонили в генерал-губернаторский дом (нынешний Моссовет) и вызвали старого лакея. Они сказали ему, что через несколько минут придет семья иностранцев, которой они покажут дом по поручению хозяев, не захотевших для этого

приезжать с дачи, где они были вчера. Лакей знал молодых людей, бывавших в доме его господ на раутах, обедах, балах. Ничего не заподозрев, он им разрешил показать дом. Иностранцы приехали, их повели молодые люди, говорили с ними не по русски, и сопровождавший их лакей не понял, о чём шла речь. Между тем, молодые люди, выдавая дом за свой, запродали его иностранной семье по сходной цене, а на следующий день оформили купчую в подставной нотариальной конторе. Так был продан генерал-губернаторский дом в Москве!

За несколько дней до своего ареста Аркадий, который уже скрывался в ту пору, держал пари с кем-то из головорезов золотой молодежи, что просидит в партере Большого театра целое действие рядом с полицмейстером. Он вошел в зал во фраке, элегантный, надушенный, красивый; вошел уже после поднятия занавеса. Указанное им заранее место пустовало – так было подстроено его сообщниками, а было их у него - по всему городу! Он спокойно уселся в кресло рядом с полицмейстером, предварительно вежливо ему поклонившись. Тот застыл, но не встал и ничего не предпринял, решив, вероятно, что Аркадий Верещагин не уйдет от него во время антракта. Не тут-то было! За несколько минут до окончания действия Аркадий встал, быстрыми шагами вышел из партера, по коридору помчался прямо за дверь, а там – рысак и поминай, как звали!

Процесс червонных валетов происходил в 1877 году, длился весь февраль месяц. Подсудимых было 47 человек и чуть ли не 300 свидетелей. Обсуждался нескончаемый ряд идеальных мошенничеств, доведенных до чистоты лондонской отделки. Это ли не процесс!? Публика осаждала зал суда. Всем хотелось увидеть *jeunesse dorée* в совершенно небывалой обстановке. Аркадий Верещагин сказал блистательную речь. Все валеты были осуждены и закончили свои дни в Сибири. Аркадий получил Иркутскую область и одно время, вероятно на какой-нибудь пересылке, сидел вместе с Плехановым.

Удрал только глава, или как его называли, «король» шайки, Шпейер – офицер какого-то гвардейского полка(?) Он удрал за границу. Повидимому, все червонные валеты были заражены лихачеством. Подобно тому, как Аркадий отколол номер с Большим театром, Шпейер, загримировавшись под кучера

русской упряжи, привез к суду лучшего прокурора Москвы Набокова, который обвинял валетов, пожелал «вашему сиятельству» успеха и, хлестнув лошадей, умчался.

Остается младшая внучка масона – Софья Аркадьевна. Я уже сказала выше, что дедушка купил ей мужа, оплатив его долги. Это был Милий Адрианович Аничков, о котором семейные предания передают следующее:

Мать Милия потеряла мужа – Адриана Фадеевича Аничкова, когда мальчику было шесть лет. Вскоре она вторично вышла замуж за очень богатого саратовского помещика Жукова. В его имении, среди фонтанов, боскетов, статуй, в роскоши и неге, вырос Милий. Две его сводных сестры (впоследствии Поливанова и Врангель) во всем ему потакали и напропалую баловали вместе с матерью Милия и своим отцом. Таким изнеженным баловнем Милий попал в Пажеский корпус, но там не остепенился и, в конце концов, испортил себе карьеру необдуманной и дерзкой выходкой. Случилось это, когда Милий уже заканчивал Пажеский корпус. Однажды в корпус пожаловали высочайшие гости: Николай I с супругой Александрой Федоровной. При обходе ими выстроившихся кадет Милий умудрился при помощи зеркальца напустить на царицу солнечного зайчика. За эту предерзость он был выпущен не в гвардию, а в армию, и попал в Пензу, от которой недалеко находилось степановское родовое гнездо Подъячевка. Такова линия судьбы: от солнечного зайчика – в Пензу, а из Пензы в объятия далеко не солнечной Софьи Степановой.

Произошло это так: после крупного проигрыша в карты Милий обратился за деньгами к матери. За недолгое время он обращался к ней не в первый раз, и она, желая сына остепенить, ему отказала. После некоторых колебаний, не застрелиться ли ему, Милий обратился к Руфу Семеновичу и... стал мужем Софьи!

Не знаю, был ли у них медовый месяц. Предание гласит, что жить, как кошка с собакой, они стали сразу. Тем не менее, они произвели на свет пятерых сыновей и одну дочь.

Милий Адрианович служил по интендантству, но вором не стал; напротив – славился своей честностью и добросовестным

отношением к делу. Ему было лет 45, когда при переправе казенного груза через реку воз с чем-то ценным рисковал утонуть, и Милий Адрианович спас казенное добро, но насквозь промок, схватил скоротечную чахотку и сгорел в несколько месяцев.

Софья Аркадьевна осталась одна с кучей детей на руках. Судьба этих детей не безынтересна.

Внук масона – Анатолий Аркадьевич Степанов

Девочку Александру взял на воспитание к себе в Подъячевку дядя Анатолий Аркадьевич – внук масона. Когда Александра выросла, он выдал ее замуж за помещика того же уезда – Николая Владимировича Каракозова, и они зажили в своем имении Жмакино на реке Колышлей (Сердобского уезда).

Родной брат Николая Каракозова – Дмитрий, идеалист, витавший в облаках, а по отзыву некоторых родных – неустойчивый, болезненный физически и психически человек, примкнул к революционному движению и после неудачного покушения на Александра II был повешен. На единственной сохранившейся фотографии Дмитрия Каракозова он выглядит болезненным и бесхарактерным. Неустойчивость психики была и у его сестры, которая уже в пожилом возрасте покончила с собой. Возможно, что уход в революционное движение был порывом неустойчивой души Каракозова. Ведь еще в тюрьме он написал царю покаянное письмо.

Вскоре после казни семье Каракозовых велели переменить фамилию¹, и они стали именоваться Владимировыми (по отцу). Только после революции младшая дочь Александры Милиевной – Ольга Николаевна – врач-хирург, оставшаяся незамужней, снова получила возможность стать Каракозовой, прибавив эту фамилию к Владимировой, так что она стала носить двойную фамилию - Владимирова-Каракозова.

Старшая дочь Александры Милиевной - Софья - вошла случайно в литературу под именем Леночки в одноименном рассказе Куприна. Получилось это вот как: брат Софьи и Ольги – Аркадий учился в Александровском военном училище вместе с Куприным. Они были дружны и летом вдвоем приезжали гостить в Жмакино, в котором жила и которое вела Александра Милиевна после довольно ранней смерти своего мужа – Николая Владимировича Каракозова. Молодые люди дружили с соседями – Араповыми и часто гостили в их имении Пановка в шести километрах от Жмакина. Куприн в «Леночке» вспоминает под настоящим именем Александру Милиевну, Аркашу, Олю, но героиню – Соню переименовывает в Леночку. Аркадий внешне сильно походил на своего погибшего дядю Дмитрия, был также

¹ Перемену фамилии потребовали дворяне Саратовской губернии.

бесхарактерен и рано умер от саркомы мозга. За это сходство его особенно любили, а после смерти оплакивали в семье, даже поставили в память обоих что-то вроде обелиска в степи и посадили кругом маленькую рощу; а в какие-то памятные дни ходили туда служить по обоим панихиду. Тело Дмитрия Каракозова после казни выдано родным не было, а Аркадий тоже умер не в Жмакине.

Куприн ухаживал сразу за обеими сестрами, хотя, если судить по его воспоминаниям из рассказа «Леночка», он увлекался одной Соней. Трагикомическая развязка двойного ухаживания произошла в июльский Ольгин день (11/24-го), когда за именинным столом, с головой, закружившейся от вина, зноя и барышень, Куприн сделал предложение руки и сердца едва выходящей из возраста подростка Оленьке с длинными косами по колено; его звонкий шопот был услышан почти всеми, сидевшими за столом, и в том числе – строгой и чопорной Александрой Милиевной. Подозвав казачка, она что-то шепнула ему. Через десять минут к крыльцу подкатила тройка.

- Господин Куприн, лошади для вас поданы, - ледяным голосом объявила Александра Милиевна. Будущий писатель простился, уехал и больше в доме Александры Милиевны не бывал, но нежность к семье сохранил; она просвечивает и в «Леночке» и в «Юнкерах»; в последнем рассказе хоть и вскользь, но тоже упоминается, Аркаша, его сестры и их двоюродные сестры: Маша Полубояринова и Сонечка Аничкова.

«Леночка» - Софья Николаевна Арапова, урожденная Каракозова, дожила до глубокой старости (83 лет). Все попытки поговорить с ней о Куприне терпели неудачу – старушка не могла простить ему, что он без ее разрешения ввел ее в литературу. Однажды я попросила ее сказать только одно: была ли у нее встреча с Куприным-Возницыным на пароходе, как это описано в «Леночке».

- Ах, Боже мой, конечно нет! – воскликнула старушка. Если это восклицание было правдивым, начало рассказа – вымысел писателя, но возможно и то, что она отказалась признать встречу из-за предрассудков.

Вернемся к Софье Аркадьевне Аничковой – бабушке-самодурке. Итак, после смерти Милия Адриановича она осталась с шестью малыми детьми и очень малыми деньгами – теми, которые они с Милием Адриановичем еще не успели растратить после продажи усадеб Миткарей и Хованщина.

Пока дети были маленькие, Софья Аркадьевна, как кукушка, распихала их по чужим гнездам саратовских помещиков, а сама разъезжала от одних к другим, навещая по очереди своих детей. Был у нее свой дормез, крепостной кучер, лошадь, а больше не было ничего!

Ездил она как-то раз в Тамбовскую к сестре Агнии Аркадьевне Верещагиной. За несколько лет до этого сестры поссорились и Софья Аркадьевна дала клятву в том, что ее нога никогда не ступит на землю сестриной усадьбы Гостеевка. Но тоска по сестре пересилила, она поехала к ней, продумав занятный способ не нарушить клятвы: за всю неделю, которую Софья Аркадьевна прожила в Гостеевке, она ни разу не выходила из своего дормеза, так что нога ее действительно не коснулась гостеевской земли, а Агния Аркадьевна и прочие жители усадьбы приходили в гости к Софье Аркадьевне в ее дормез.

Чудила бабушка везде. В Подъячевке у брата Анатолия Аркадьевича, приехав туда однажды, когда дочери Александре было 14 или 15 лет, так что ее уже одевали в длинное платье, Софья Аркадьевна, убоявшись того, что взрослая дочь будет наводить на мысль о ее собственном возрасте, приказала Александре надеть короткое платье и выпустить из-под него края панталончиков, как это делали согласно моде тех дней девочки лет до двенадцати.

Когда среднему сыну Николаю было лет восемь, Софья Аркадьевна поссорилась с теми родными, у которых воспитывались ее сыновья Николай и Милий, засунула детей в свой дормез и покатила на зиму в Москву. Эта злосчастная зима навсегда ярко запечатлелась в памяти обоих братьев. Мать с утра отправлялась по гостям, туда, где ее поили и кормили; о сыновьях не заботилась никак, зачастую оставляя их даже совсем без еды.

Николай очень любил следующего по старшинству брата – пятилетнего Милия, кормил себя и его. Он уходил на Москва-реку, помогал прачкам полоскать бельё в прорубях и втаскивать в гору санки с бельём. Бегал помогать соседнему булочнику. На полученные копейки дети кормились.

Зачастую мать сыновей била. Ловкий Николай вывертывался и убегал ночевать к приятелю-гробовщику, который укладывал мальчика спать на стружки в изготовленный новый гроб. На утро, высмотрев из-за угла, что мать отправилась по гостям, Николай возвращался домой утешать и кормить маленького Милия. Дружба братьев продолжалась всю жизнь. Оба окончили кадетские корпуса, где учились, конечно, за казенный счет.

После корпуса Николай поступил в университет, содержал себя уроками и блестяще учился.

Милий после корпуса пошел в пехотное училище и вышел из него в офицеры в Финляндский полк.

Необыкновенный случай помог Милию выдвинуться.

Александр III пришла однажды мысль освежить ряды своих придворных, влив в них струю молодежи из некоторых полков, которые он любил. Для этой цели он потребовал от командиров этих полков (не объясняя им причины) список тех офицеров, которые были известны своей неподкупной честностью. В списке, поданном командиром Финляндского полка, Милий Милиевич Аничков стоял первым.

Милий Милиевич Аничков

Поразило ли царя имя и отчество молодого офицера или он захотел помочь отпрыску обедневшего дворянского рода – осталось неизвестным, но в списке офицеров, отобранных Александром III, Милий Аничков тоже оказался на первом месте.

Так Милий Милиевич стал придворным и лет в сорок был уже генералом. Работал он в гофмаршальской части кем-то вроде коменданта всех царских дворцов, очень часто уезжал то в Ливадию, то в Царское Село, а к Зимнему дворцу жил в непосредственной близости в так называемой «запасной половине» Зимнего, что давало ему возможность в любое время дня и ночи бывать во дворце и проверять, что там делается. Ревностный служака, он этим не пренебрегал и порядок во дворце поддерживал образцовый.

«Запасная половина» - дом на Дворцовой набережной впритык к стене Эрмитажа. В квартире Милия Милиевича на третьем этаже была тайная дверь, ключ от которой он всегда хранил при себе. Открыв дверь, он попадал в Эрмитаж, а пройдя Эрмитаж по висячему крытому мосту над Зимней канавкой, выходил в Зимний дворец.

Я родилась в квартире Милия Милиевича, который был братом моего родного деда, а моим grand` oncle`ем и крестным отцом. Несколько раз за мое детство и отрочество я ходила с дедушкой Милием Милиевичем через заветную дверь в Зимний дворец к обедне. После обедни я всегда умоляла его показать что-нибудь интересное.

- Нет тут ничего интересного, - отмахивался дед, которому все эти intereu`ы оскомину набили. Но однажды он смилостивился и показал мне только что привезенные четыре письменных столика для великих княжон: Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. Они были красного дерева, низенькие и с множеством тайных ящичков, которые открывались при нажиме разных кнопок и поразили моё воображение. Во всем остальном комнаты великих княжон были обставлены просто. Впрочем, в Зимний они приезжали редко, а жили, главным образом, в Царском или в Ливадии.

Другой раз, остановившись наверху высокой парадной лестницы, стены и колонны которой были увешаны золотыми и серебряными блюдами – подношения царю в разные памятные даты, - дедушка сказал мне:

- Есть в царской семье одна взрослая шалунья – великая княгиня Ольга Александровна. Дети обожают, когда «тетя Оля» к ним приезжает, потому что она всегда выдумывает веселые

игры. Однажды они всей компанией вот на этих самых золотых блюдах устроили «катанье с горы», скатываясь с верху лестницы до самого низа по ковру, который ее устилает. Себе бока отстукали, а блюда помяли, пришлось их после в ремонт отдавать.

Бедные девочки! Могли ли они думать тогда, что будут стоять под дулом револьвера и умрут из-за своей психопткки-матери? А их шалунья-тетя, наверное, очень удивилась бы, узнав, что ей суждено стать обладательницей фермы в Канаде и работать на ней вместе с мужем и двумя сыновьями.

- А наследник шалун? – спросила я у дедушки.

- Да, шалун, и одна из его шалостей мне очень не понравилась. Он спрятался за портьеру в комнате матери, его стали всюду искать, мать ломала руки, теряла сознание, хотели обыскивать пруд в парке царскосельского дворца. Всё это продолжалось часа полтора-два, а у него хватило выдержки не выйти из-за портьеры даже тогда, когда мать упала в обморок. Он показался лишь, когда хотели спускать пруд, и он пожалел, что пруд останется без воды.

В 1913 году повсюду праздновалось 300-летие дома Романовых. Особенно пышными были торжества в Петербурге и Москве. Скромный дедушка Милий хмурился и как бы невзначай ударялся в воспоминания об Александре III, говорил о его скромности, бережливости, уважительном отношении к народной копейке.

Как-то раз в том году я у Деда обедала и после обеда пошла с ним вместе в его кабинет, выходивший окнами на Неву. Дедушка расстегнул сюртук, засунул руки в карманы и, глядя на Неву, задумался. Он всегда после обеда «кейфовал» таким образом у окна. Я улеглась на ковер из шкуры белого медведя и собиралась подремать. Вдруг слышу, дедушка бормочет себе под нос:

- Поцарствовали, довольно – ох, как довольно!

Потрясенная этими словами, я зашевелилась. Дед быстро обернулся – он, видимо, забыл о моем присутствии.

- Что ты тут делаешь? - спросил он громко и сердито, - уходи-ка отсюда, дай мне покой... - Не выдержала душа даже у такого старого и преданного царедворца, каким был дедушка Милий Милиевич.

В 1917 году через тайную дверь, о которой я говорила, пришел к Милию Милиевичу из Зимнего дворца Керенский. Милий Милиевич был болен, но Керенский попросил разрешения пройти к кровати больного. Его провели. После нескольких приветственных и любезных фраз Керенский сказал: “Правительству известно, что вы честный человек и что гофмаршальская часть при вас была в превосходном состоянии. Мы предлагаем вам, Милий Милиевич, остаться на прежнем посту”. Но дедушка под предлогом болезни отказался. Через несколько месяцев после визита Керенского он умер. В одной из Петербургских газет был помещен некролог.

Чтобы закончить о дедушке Милии Милиевиче, надо рассказать о его поздней женитьбе.

Когда Деду было лет пятьдесят, он женился на некой Елизавете Петровне Андро де Бюи Гинглят. Мудрёная фамилия эта принадлежала ее мужу, петербургскому крупному чиновнику, потомку французских эмигрантов. Милий Милиевич их развел и женился на Елизавете Петровне. Елизавета Петровна происходила из духовной среды.

Мои родители и я, жившие до тех пор в огромных дедушкиных апартаментах, после свадьбы Деда сняли себе отдельную квартиру.

Елизавета Петровна не была ни красива, ни пикантна, не обладала ни вкусом, ни умом, но у нее была развита чрезвычайно практическая сметка, она была весела и болтлива, чем, вероятно, и пленила одинокого старика. Очень скоро она крепко забрала в руки Милия Милиевича, но в вопросах службы он по-прежнему оставался сам собой, не позволял себе ни малейшей поблажки ни в чём и с великой неохотой разрешал иногда Елизавете Петровне прокатиться в дворцовом экипаже, запряженном прекрасными лошадьми. К нам дедушка, если ехал

один, всегда пользовался городским транспортом, то есть конкой, потом трамваем, и лишь глубоким стариком стал брать дворцовые экипажи.

В приданое Елизавета Петровна принесла дедушке своего сына Бориса Андро де Бюи Гинглят, подростка. Он учился в Училище правоведения, был явно и ярко глуп, из Училища правоведения усвоил всё самое плохое, чем правоведа славилась: самоуверенность, спесь, тщеславие. Впрочем был добродушен и кротко сносил вышучивания моего отца.

Елизавета Петровна лелеяла мечту быть представленной ко Двору, но потерпела неудачу – разведенные женщины не имели права быть в свите Государыни. Дедушка ликовал, потому что при его скромности желание Елизаветы Петровны его никак не устраивало, а может быть в глубине души он понимал, что она не достаточно *comme il faut* для того чтобы быть в царской свите. Сам Дедушка бывал на выходах, приемах, обедах и т.д. лишь тогда, когда не быть было невозможно, а вернувшись домой, отдувался и ворчал.

Была у него целая коллекция меню царских обедов и ужинов, очень красивых, разрисованных хорошими художниками. И вот, как-то под веселую руку, он дал их окантовать и развесил по стенам своей просторной уборной. По этому поступку можно решить, что Дедушка обладал большим юмором. Нет, - весь юмор достался на долю его старшего брата Николая Милиевича, но веселым Милий Милиевич бывал, и тогда мне, девченке, с которой он не умел разговаривать, весело подмигивал левым глазом. (Я тоже не умею говорить с детьми и тоже подмигиваю им левым глазом – наследственность!)

В начале 1918 года, уже после смерти дедушки Милия Милиевича, я была как-то в гостях у Елизаветы Петровны. Она, конечно, была в ужасе от всего происходящего. Изрядную порцию критики и всяких жереминад она закончила патетическим заявлением:

– Да, я не Шарлотта Корде! Иначе бы воспользовалась тайной дверью (ключи от нее по легкомыслию Временного правительства оставались у Е.П.), проникла бы во дворец и

убила бы зазнавшегося юристишку! – подразумевался, конечно, Керенский.

Бедная Елизавета Петровна и бедный сын ее Борис Андро – конец их был плачевен. Борис был арестован в тридцатых годах, как и все почти бывшие правоведаы, и с тех пор пропал – может быть был расстрелян, может быть умер сам. Его жена, урожденная княжна Щербацкая, очень милая женщина, и пятилетний сын Сережа в начале войны выехали из Ленинграда в эвакуацию и тоже где-то пропали. Елизавета Петровна, вышедшая в третий раз замуж за прелестного старика-профессора Серафимова, в блокаду сначала похоронила мужа, умершего от голода, а через несколько месяцев умерла и сама по той же причине. Меню в дедушкиной уборной стали горькой иронией.

Старший брат Милия Милие-вича - Николай также достиг высоких должностных ступеней но по штатской линии. Он был тайным советником, товарищем министра просвещения (Делянова) членом Государ. совета, председателем Палестинского общества и т.д. Он умер в 1916, а Милий Милиевич – в 1918 г. Софья Аркадьевна жила то у одного сына, то у другого, больше – у Милия Милиевича, где у нее, в его огромной холостой квартире при Зимнем, были свои прекрасные ком-наты. Сыновья никогда не попрекали Софью Аркадьевну своим тяжелым детством, и старость ее обставили как нельзя лучше.

Директор Департамента министерства Народного Просвещения
Н. М. Аничков (по поводу 25-летия служебной деятельности).

Николай Милиевич Аничков

Чудила бабушка до конца жизни. При ней на ее половине жили какие-то старушки-приживалки. Во время молитвы перед киотом Софья Аркадьевна заставляла старушек молиться одновременно с ней, стоя по обе стороны. Вера, 15-летняя внучка Софьи Аркадьевны, дочь Николая Милиевича,

подсмотрела однажды, спрятавшись за портьеру, как приживалки ловили мгновения, когда Софья Аркадьевна, лежа лбом в пол, особенно увлекалась молитвой, вскакивали и хватали со стола сахар и конфеты. Если бабушка болела и не могла пойти в уборную, ей подавали в комнату судно, и она всегда велела завешивать полотенцами иконы Христа и Николая Чудотворца, потому что они мужчины и при них неудобно пользоваться судном. Бедная Богородица, как женщина, оставалась незавешенной. Если же бабушка отправлялась по длинному коридору в уборную, то это было целое шествие: впереди бежала приживалка со свечой и затыкала дырку в унитазе – чтобы не дуло.

Несмотря на явную дурь, бабушка обладала какой-то степенью литературного дарованьяца. Александринский театр в Петербурге принял к постановке ее пьесу «У заставы». Милий Милиевич, который только морщился от чудачеств «мамаши», страшно обозлился, узнав о ее вступлении на литературный путь. Он поехал в театр, отобрал пьесу и сжег ее под бабушкины вопли¹.

После смерти бабушки Милий Милиевич так же варварски поступил со всеми полученными и хранимыми ею письмами, а среди них было два письма от Достоевского!

Славясь своей честностью, неподкупностью, добротой, будучи чем-то неуловимо обаятельным, дед Милий Милиевич не блистал умом в противоположность своему брату Николаю, обладавшему умом тонким и едким. Софья Аркадьевна боялась старшего сына, а Милия Милиевича – недолюбливала. На вопрос одной дамы, кем служит Милий Милиевич, Софья Аркадьевна ответила громко и при Милии Милиевиче: - Да чем-то вроде царского повара, - намекая этим на хозяйственную работу сына, которую она, вероятно, презирала.

Перехожу к деду Николаю Мильевичу.

¹ Был у нее еще роман, озаглавленный «Дебаркадер», он тоже был сожжен.

О его должностях и чинах я уже сказала. Он был женат на поповне Любове Иосифовне Васильевой, но вывез свою поповну из Парижа, где она родилась и выросла. Была дочерью священника русского посольства во Франции, отца Иосифа, известного праведностью жизни и великолепными проповедями. Внешне бабушка Любовь Иосифовна была настоящей попадеей: толстая, круглая, какая-то вся мягкая и уютная², а говорила и картавила по-французски с чисто парижским блеском. Любопытно, что эту картавость и тонкость знания французского языка и любовь к французской литературе переняли все ее пять детей. Судьба этих детей драматична.

Старший, очень красивый, Иосиф блестяще окончил Пажеский корпус. Легкая карьера гвардейского офицера была ему широко открыта, и дедушка Николай Мильевич, сам штафирка, втайне радовался перспективе иметь в семье красавца-гвардейца. Увы! Серьезный Ося объявил отцу, что военная карьера его не прельщает и что он поступает учиться в Технологический институт вместе со своим двоюродным братом Василием Адриановичем Аничковым. Деспотичный Николай Милиевич, которого боялась вся семья, пригрозил проклятием. Ося настоял на своем, дедушка – на своем: он Осю проклял!

В Технологическом институте оба двоюродных брата Аничковы великолепно учились. На последнем курсе Ося укололся китайской тушью и в три дня сгорел от заражения крови. Религиозная семья сочла это за плод проклятия и долго жила в тисках ужаса. Острее всех перенесла потрясение старшая сестра Вера – она нервно заболела, а по выздоровлении объявила, что потеряла веру в Бога.

Также в три дня потеряла семья младшего, тоже красивого, сына Милия. И он был талантлив. Окончил СПб консерваторию как пианист, успел дать один или два концерта, заболел гнойным аппендицитом и от него умер.

² Прабабушка Софья Аркадьевна ненавидела Любовь Иосифовну и звала ее «просвирней». При случае старалась настроить против нее внуков, но безрезультатно, так как Любовь Иосифовну любили все.

Средний сын - Николай - некрасивый, угрюмый, сделался ученым с мировым именем. Он был патолого-анатомом и сделал максимально возможную по блеску карьеру ученого: был действительным членом Академии наук СССР, а также медицинской Ак. наук. С 1949 в течение нескольких лет был даже президентом Ак. медицины. С 1916 и до смерти читал лекции в своей Alma mater – Военно-мед. академии и возглавлял кафедру по патологической анатомии, а в Институте экспериментальной медицины с 1920 и тоже до конца жизни заведывал отделом патологической анатомии. Был много лет подряд депутатом Верховного совета и Ленинград-ского городского совета. Имел звание генерал-лейтенанта медицинской службы, получил сталинскую премию, два раза – орден Ленина и кучу всяких медалей.

Женился во время I Германской войны на гречанке Наталии Мильтиадовне, которая работала в его госпитале сестрой милосердия. Очень хорошенькая и милая, она принесла Николаю Николаевичу несчастье: у нее в семье было наследственное сумасшествие, и она скрыла это от Николая Николаевича. Заболела она года через четыре. Бред был ужасный – половое безумие. Она раздевалась донага и бросалась на стену с разбега, чтобы разбиться. Благодаря медицинским связям Николая Николаевича, ее держали в отдельной палате с мягкими стенами.

До болезни успела родить сына, которого назвали любимым именем рода – Милием. И Милий, а впоследствии и его сын – Николай, окончили Военно-медицинскую академию, так что Аничковы укоренились в этой академии.

Второй раз Николай Николаевич женился лишь после смерти Наталии Мильтиадовны, которую навещал до последнего часа. Женился уводом на жене своего дальнего родственника Сергея Викторовича Аничкова, тоже медика-фармаколога, впоследствии тоже ставшего академиком, очень хорошего, доброго и многостра-дального человека: вторая жена его умерла, а взрослая дочь повесилась.

Новая жена Николая Николаевича, дважды Аничкова, до замужества Бартенева Вера Алексеевна, по всеобщему признанию и родных, и знакомых, и сослуживцев Николая Николаевича – ужасная женщина-стяжательница. Она до

неприличия забрала Николая Николаевича в руки, не разрешая ему ни навещать, ни помогать сестрам Вере и Ольге. Когда Ольга умерла, Николай Николаевич послал ее дочерям через своего адъютанта 300 рублей с просьбой, чтоб ни в коем случае об этом не узнала Вера Алексеевна.

Я рассказываю эти пошлые подробности, потому что они очень характерны для жен академиков... Между собой эти жены живут, как паучихи в банке, и всё обогащаются, обогащаются, обрстая дачами, машинами, тряпками, фарфором, картинами...

Еще один сын бабушки Софьи Аркадьевны - Адриан Милюевич (1835 – 1892) был моим прямым дедом и старшим братом двух предыдущих. Он окончил Военно-инженерную академию и сразу переключился на педагогическую деятельность. Был инспектором I кадетского корпуса в Санктпетербурге, потом директором военно-учительской семинарии в Москве и, наконец, инспектором военной прогимназии. В этой должности его настигла беда. Добрый человек, он прикрыл растрату многодетного фельдшера Ялкуненова. На Адриана Милюевича донесли. Он вынужден был уйти и уехал в Пензу, а затем в Калиш, был директором учительской семинарии и председателем педагогического совета в женской гимназии. В Калише умер 20 декабря 1892 – за четыре года до моего рождения.

Адриан Милюевич в ранней молодости, сразу после окончания Военно-инженерной академии, получил назначение в саперный батальон в Тифлисе, и до перехода на педагогическую работу пожил несколько лет в Тифлисе. Там женился на Надежде Ивановне Одронж-Павлович, которой было пятнадцать с половиной лет. Была она дочерью председателя тифлисского суда, Ивана Лаврентьевича, которого жители города очень почитали за ум и честность.

Мать бабушки Надежды Ивановны была хохлушка Василенко, и ее мать графиня Браницкая - полька, кишиневская (?)

помещица, ездившая в карете цугом шестерней.

Адриан Милиеви́ч Ани́чков(1835-1892)
и его жена Надежда Ивановна (ур. Одронж-Павлович)

Эта карета цугом так поразила мое воображение в раннем детстве, что я ее запомнила навсегда и вот вспомнила в свои 75 лет!

Итак, крови во мне понамешано всякой – и татарской от царевича Берки, взятого в плен в Золотой орде при Иване Калите и получившего при крещении имя Ани́ки, откуда и пошли Ани́чковы, и крови польской, и малорусской, и великорусской. Может быть эта смесь и породила тот чад легкомыслия, в котором прожил жизнь мой отец и доживаю я – его сколок?

Окончив I кадетский корпус и затем Павловское военное училище в Петербурге, мой отец Милий Адрианович уехал по назначению в полк, стоявший в Либаве, нынешней Лиепае.

Уму не постижимо, что он там вытворял, рассеивая провинциальную скуку! Сидя однажды за какую-то проделку «на губе» (гауптвахте) он держал с офицерами пари, что проведет вечер в театре в ложе рядом с ложей командира полка. В эту ложу после поднятия занавеса вошла местная львица – очень красивая дама, а сзади нее – черный арап, который и застыл за ее стулом, держа на откинутой руке ее мантию. Изменивший цвет кожи, а каким-то образом и свой рост, мой отец выиграл пари.

Он снимал в Либаве комнату пополам с другим молодым офицером – остзейским немчиком. У немчика всё происходило по расписанию: с 7 до 8 утра он играл экзерсисы на скрипке, нарушая богатырский сон Милия Адриановича. Мольбы Милия Адриановича прекратить это дело на него не подействовали. Через несколько дней немчик проснулся от близкой барабанной дроби. Было шесть часов утра, Милий Адрианович, с едва

разлепленными от сна глазами, сидел на кровати и отбивал барабанную дробь, а у него в ногах улыбался денщик.

- Милий, ты с ума сошел! – завопил немчик.

- Нисколько! Я буду учиться на барабане с шести до семи, а ты на скрипке – с семи до восьми.

Немец понял и съехал на другую квартиру. Ссоры, впрочем, не было. Милий Адрианович был чем-то неуловимо обаятелен, и ему часто многое прощалось такое, что не простилось бы другим¹. Некоторые дамы звали его «Милый Адрианович».

Еще юнкером Милий Адрианович страстно влюбился в гимназистку – мою будущую мать. Она и папина сестра Софья учились в одной гимназии и бывали друг у друга в гостях. Выросла мама в СПб на Петер-бургской стороне на углу Введенской улицы и Кронверкского проспекта, где в очень большом тенистом саду стоял их деревянный дом, больше похожий на дачу.

Мой дед с маминой стороны - Иван Яковлевич Беляев был биржевым маклером. Жили они большой семьей: четверо детей, бабушка и прабабушка (фотографии у меня есть).

В саду, в беседке, родители объяснились, но мама категорически объявила, что выйдет замуж лишь после того, как папа окончит Академию Генерального штаба – он мог поступить в нее хлопотами дедушки Милия Милиевича. Пять лет была мама невестой, а отец с Академией всё оттягивал и оттягивал. Мама отчаялась и отказала ему. Отец с горя решил застрелиться. Продырявил себе легкое, долгое время хворал, но не умер. Мама за ним ухаживала самоотверженно и сдала свои позиции.

¹ Сохранилось несколько офицерских писем к отцу, когда он ушел с военной службы, и они писали к нему из Либавы в Петербург. Письма очень ярко характеризуют бесшабашность и пустоту офицерской жизни.

Мария Ивановна Беляева,

В 1888 году они поженились, а в 1896 году появилась на свет я. Жили родители в это время у деда Милия Милиевича на даровой квартире запасной половины Зимнего. Отец работал чиновником таможи и жить приходилось на его скромное жалование. Когда окончилась таможня и началась Городская дума, я не знаю. Знаю только, что в башне на Невском (городская Дума и управы) отец был гласным долгие годы. Общественная работа, к которой, в сущности, сводилась его деятельность в Думе, была ему по душе.

Наташа с родителями 1904 г, 8 лет

Году, кажется в 1904 /?/ в СПб свирепствовала холера; больницы были переполнены больными этой страшной болезнью. Папа в этот год был председателем больничной комиссии городской Думы, и ему каждый вечер звонили из канцелярий всех городских больниц и давали сведения о движении холерных больных.

Принимала их я - восьмилетняя, - аккуратно записывала, - папы в эти часы дома не бывало. Сначала из больниц проверяли, не перепутал ли что детский голос, но вскоре, убедились, что всё в порядке, и к голосу моему привыкли.

Папа каждый день объезжал несколько больниц, всюду совал свой нос, нисколько не боясь заразы. Борьба с холерой по городским больницам была поставлена безукоризненно, и папин портрет был помещен в каких-то американских газетах. Он этим гордился. Я тоже! Фотографию с его росписью латинскими буквами – храню.

В СПб существовало благотворительное общество «Синий крест». Его возглавляла великая княгиня Елизавета Маврикиевна – жена великого князя Константина Константиновича, автора книги стихов «К.Р.», пьесы «Царь иудейский» и др. Вся семья Константина Константиновича была известна своей серьезностью, культурой и одаренностью. Особенно талантлив был сын Олег Константинович, который тоже писал стихи. К сожалению, именно он погиб в бою 26 сентября 1914 года, и Петербург искренне о нем горевал и сочувствовал популярному великому князю Константину Константиновичу.

Мой отец принимал участие в «Синем кресте», бывал с докладами у Елизаветы Маврикиевны, всегда хвалил ее и К.К., высказывая одновременно сожаление, что основная царская семья совсем другая.

На 22 линии Васильевского острова был один приют «Синего креста» для девочек. Из-за большой отдаленности от центра или из-за плохого руководства приют едва теплился. Папа сердился, решил взяться за него сам и создать хорошее ремесленное училище. Он привлек несколько интеллигентных дам⁺, которые не нуждались в оплате своего труда, и они стали учить девочек (их там было около ста) некоторым ремеслам и начальным наукам по 4-х классной программе.

Для привлечения средств Милий Адрианович придумал найти в приютскую церковь хорошего проповедника, который проповедями расшевелил бы прихожан на пожертвования. Он поехал в духовную академию и попросил ректора дать такого священника из очередного выпуска. И ему дали... Гапона!

Гапон о ту пору был молод, эфффектен, с приятным голосом, он был умён, смел, сразу понял, что требуется моему отцу. Красноречием он обладал замечательным, проповедями трогал молящихся до слёз, ему целовали руки, кланялись поясным поклоном, и в приют потекли люди и деньги. По воскресениям во время обедни около скромного двухэтажного приюта на 22 линии можно было видеть экипажи и кареты тех, кто приезжал из центра города...

<На этом записки, к сожалению, кончаются>

⁺ Скорее всего, среди них были «сёстры Брюлловы», с.8 и 12.

Царевич Берка (Аника)

....Адриан Фаддевич Аничков

Милий Адрианович Аничков

жена Софья Аркадьевна Степанова, з/м Аничкова ↓

Дети: ►

► Александра, з/м Каракозова, дети:

Ольга√, Аркадий√, Софья з/м Арапова ↓

.сын Петр Петрович Арапов

Примеч: у мужа Ник. Каракозова был брат Дмитрий -
террорист

► Адриан, жена Надежда Ивановна Одронж-Павлович √

Дети:

– Милий, жена Беляева М.И. → дочь Нат. Милия Аничкова

– Софья з/м Трапезникова, дети:→ Софья, Нина

– Василий Аничков√

– Надежда, з/м Воронцова-Вельяминова√

► Николай (товарищ министра просвещения)

жена Васильева Любовь Иосифовна

Дети:

– Вера, з/м Потулова, сын Никита Александрович

– Ольга

– Николай (ак медицины),

Первый брак: Нат.Мильтиадовна √

Второй брак: ур. Бартенева Вера Алексеевна

(Вера по I браку Аничкова)

Дети:

– Иосиф√ и Милий√ (оба умерли в молодости)

– сын Милий → сын Николай

► Милий (гофмаршальская часть Зимнего)

жена Андро де Буи Гинглят ↓

– пасынок Борис Андро де Буи Гинглят,

Жена Щербатская, →

сын Сергей

54 – Из прошлого

! Здесь и далее √ означает отсутствие детей

Руф Семенович Степанов ↓

Аркадий Руфович Степанов, Дети -«четыре прабабушки» ●:

- Александра з/м Карлсгоф (старшая) √
муж Христиан Христианович
- Анна з/м Щепотьева
муж тамбовский помещик, дети:
 - Петр Петрович Щепотьев улан, жена Александра Влади-мировна Болхвитинова, дети:
 - Владимир (врач в посольстве Константинополя),
 - Сергей Петрович инж. путей сообщения Умер рано.
 - Надежда, Создала гимназию в Москве и школу на ст.Подсолнечная
Воспитывала Алексея и Сергея - детей рано умершего брата Владимира. Переводила Гюго.
- Агния з/м Верещагина, муж Николай Михайлович, дети:
Верещагины ◇:
 - Юрий Николаевич ◇, жена Ребиндер ↓
сын Глеб Юрьевич ◇ лимнолог ↓
сын Андрей Глебович ◇ лимнолог
 - Николай Ник. ◇ √
 - Владимир Ник. ◇ →. Наталья: з/м¹ Васильева
з/м² Марниц,
дети: Владимир Александрович Васильев
Екатерина Александр. з/м Тавастшерна
 - Аркадий Ник. ◇ (из шайки червонных валетов)
- Анатолий √ - в группе «червонных валетов»
- Софья Акадьевна з/м Аничкова
*ее дети описаны на предыдущей стр.

ИЗ ПРОШЛОГО[†]

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Каждую зиму в учебных заведениях Петербурга, мужских и женских, устраивались балы (по одному в каждом учебном заведении). Исключение составляла серьёзная гимназия Таганцевой, где допускались только «литературные утра» по поводу каких-либо литературных дат.

Балы в институтах и гимназиях проходили более или менее незаметно; славились балы в некоторых мужских учебных заведениях. Танцевали пажи, лицеисты, правоведы, морячки, кадеты, юнкера, гимназисты, реалисты. Самый грандиозный бал бывал в Морском корпусе 6 декабря в день Николы. Зал корпуса был настолько велик, что обойти его вальсируя было почти всем не под силу. Да и по красоте этот бал был, вероятно, на первом месте или, во всяком случае, наряду с пажеским, потому что сочетание золота погон и нашивок с черными мундирами делало изящных гардемаринчиков элегантными изысканно, тогда как пажи были нарядны очень уж броско.

Каждый кадет или юнкер имел право пригласить на бал своих родных, друзей, знакомых (в каком количестве – я забыла). Они уступали друг другу это право, что порой вызывало весёлые недоразумения. Встречая в вестибюле своих приглашенных, «хозяин» зачастую запутывался, не узнавал «своих», расшаркивался перед чужими. Начальство, которое по большей части само вышло из этих же стен, смотрело на всё это сквозь пальцы. На каждом балу бывали ответственные дежурные, они поддерживали образцовый порядок, а больше начальству ничего и не требовалось.

К упомянутому грандиозному залу Морского корпуса вела длинная анфилада больших комнат, возможно, - демонтированных классов. В некоторых комнатах были устроены уютные гостиные, в других – поставлены всякие

[†] Несколько слов, предваряющих эти записки, отнесены далее, см. с. 71.

аттракционы, вроде например, модели корабля, который весь освещался изнутри, или всякие уголки-клумбы с живыми цветами, или изящные ларьки с угощениями и т.д. Между танцами в этих гостиных отдыхали, беседовали, флиртовали – особенно в полутёмных.

Во всех остальных учебных заведениях всё было по этому же образцу, с той малой разницей, что, например, в Михайловском артиллерийском училище стояли модели не кораблей, а каких-нибудь забавных древних пушек. Все эти балы с нетерпением ожидалась петербургской молодежью, и обсуждались до бала и после него.

НА МАСЛЯНОЙ

В Петербург на масляную приезжали из Финляндии «вейки». Происхождение и значение этого слова мною забыто. Вейка – чухонец (финн) в финской шапке, на маленьких финских санках, запряженных маленькими, но очень резвыми лошадками, которые увешаны бубенцами.

Всю масляную неделю извозчики бывали в загоне – все предпочитали ездить на вейках. Кататься ездили главным образом на Острова, на Стрелку, в дороге вейки гонялись друг с другом. В булочных в эти дни выпекалось большое количество выборгских кренделей, и шиком считалось мчаться на вейке, закусывая выборгским кренделем.

Достать вейку вечером было трудно, днём – легко. Однажды, по дороге в гимназию, встретив нашу первую ученицу Наташу Фок, очень серьезную девочку, я убедилась в необходимости плюнуть на гимназию и провести день на вейке, объехав Острова и ряд других приятных мест. Мы чудно провели день, но на обратном пути напоролась на одну свою учительницу. Получился скандалчик. Наташу Фок⁺, как соблазненную и раскаявшуюся, - простили. Наташу Аничкову, как нераскаянную соблазнительницу, решили исключить из гимназии. После хлопот родителей всё утряслось.

⁺ Дочь будущего академика, физика.

С П О Р Т Спортom занимались почти все, но как-то он дифференцировался по классовому признаку.

Подростки - юноши и девушки из аристократических семей занимались главным образом верховой ездой, учились и практиковались в манежах, а в конце года срывали лавры, участвуя в concurs hippiques.

Буржуазная прослойка увлекалась лыжами. Многие семьи на зиму нанимали комнату на даче в гористой местности по Финляндской железной дороге. Туда завозили керосинки, посуду, лыжи, и по воскресениям молодежь ехала туда бороздить лыжами окрестные холмы.

Я тоже, конечно, ездила, но подлинное блаженство от лыж я испытывала на масляной и на Рождестве, когда в своих Березицах ездила за лошадью, держась за длинные вожжи, надетые на лошадь. Вот это было катание!

На Крестовском острове в Санкт-Петербурге находился шикарный яхт-клуб. Все мальчики Елисеевы (елисеевский магазин!) в количестве четырёх, были его членами и иногда приглашали меня провести с ними день в Яхт-клубе. Они катали меня на санках с высоченных ледяных гор; я смотрела, как они лупили друг друга в хоккее, а однажды они взяли меня прокатиться на их буере по Финскому заливу, но вскоре меня от резких поворотов стошнило, и больше они меня с собой никогда не брали.

Коньками увлекались все слои общества, но были катки фешенебельные (как например при Пажеском корпусе, где заливались даже аллеи сада), а были простые катки для всех.

Недалеко от нашего дома находился самый обыкновенный, но очень большой каток с беговой дорожкой вокруг. По дороге из гимназии, когда я шла одна, я заворачивала на этот каток, где у меня были дружки. Один из них – бегун – носился со мной по кругу, посадив меня на закорки. Однажды он меня уронил, и я долго хромала. Дотошная моя мадемуазель дозналась в чём дело, и с тех пор меня стали перехватывать у катка высылаемые навстречу горничные или все, кому было не лень.

На лето спортивные радости в городе затихали, так как молодежь разъезжалась по дачам и усадьбам.

Н. Анискина

ПРОГРАММА
ДОМАШНЯГО СПЕКТАКЛЯ
30 декабря 1907 года.

I.

Демьянова уха.

Демьянъ *Въра Шмеманъ.*
Фока *Володя Пыхачевъ.*
Жена *Наташа Аничкова.*
Пряха исполнить *Оля Раухъ.*

Недоросль.

Отрывокъ изъ комедіи Фонъ-Визина.

Простакова *Наташа Шмеманъ.*
Митрофанъ *Митя Шмеманъ.*
Еремѣевна *Кира Дроздова.*
Кутейкинъ *Коля Брянскій.*
Цыфиркинъ *Ваня Аверинъ.*
Правдинъ *Алеша Милорадовъ.*

«Не спится, Няня».

Сцена изъ поэмы „Евгеній Онѣгинъ“.

Татьяна *Ира Шиффъ.*
Няня *Варя Шиффъ.*

Князь Михайло Рѣпнинъ, гр. А. Толстого.
Хвостикъ, басня Фруга.

Прочтеть *Андрюша Барановскій.*

Антрактъ 20 минутъ.

II.

Бѣжинъ лугъ.

Сцена изъ рассказовъ Тургенева.

Федя *Въра Шиффъ.*
Ильюша *Наташа Аничкова.*
Костя *Ляля Пыхачева.*
Павлуша *Боба Симсопъ.*
Ваня *Володя Пыхачевъ.*

Красная шапочка. Исполнить *Боба Симсопъ*
Я былъ лысымъ! объявл. Прочтеть *Ваня Аверинъ.*

Антрактъ 10 минутъ.

III.

Скульптура.

1) Какъ хороши, какъ свѣжи были розы.

Исполнить *Оля Раухъ.*

2) Вѣра, Надежда, Любовь.

Исполнять *Наташа Шмеманъ, Ира и Варя Шиффъ.*

3) Маленькая кокетка.

Исполнить *Вѣра Шмеманъ.*

4) Пастушкі и пастушки. Саксонскія фигурки.

Исполнять *Вѣра Шиффъ, Наташа Аничкова,
Ляля Пыхачева, Боба Симсонъ.*

5) Молодой скульпторъ.

Исполнить *Володя Пыхачевъ.*

„И мѣсяць, и звѣзды, и тучи толпой“.

Прочтетъ *Андрюша Барановскій.*

Solo на скрипкѣ *Митя Шмеманъ.*

Антрактъ 10 минутъ.

IV.

Снѣгурочка.

Исполн. *Кира Флорцова*
~~Люба Ролкина~~ и вся труппа.

«Морозъ красный носъ».

Стихотвореніе Некрасова.

Прочтетъ *Алеша Милорадовъ.*

Морозъ *Митя Шмеманъ.*

Вдова... .. *Ляля Пыхачева.*

Примечание к программке спектакля:

Митя Шмеман, дважды упомянутый среди исполнителей – отец теперь широко известного священника, мыслителя, проповедника и друга Александра Солженицына.

ПИСЬМА ТАТЬЯНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ЛИВЕРОВСКОЙ

Милая Таня! Я не могу выполнить Твоего желания и написать воспоминания о Твоей маме за годы нашей с ней близости, написать в полном объеме, дать что-то вроде curriculum vitae – мне это не под силу. – Прошло полвека! Многое выветрилось из моей памяти. Попробую описать несколько эпизодов.

Письмо ПЕРВОЕ

Сегодня хочу рассказать Тебе и Твоим братьям о самом романтическом романе Марии Исидоровны.

В десятых годах века ваша семья жила на Васильевском острове, в доме для служащих Морского корпуса. Твой чудный отец - врач корпуса - занимал квартиру, кажется на третьем этаже, а над вами жил профессор-холостяк Павел Васильевич Гельмерсен, читавший гардемаринам свой курс морских перевозок. Он был широко образованным человеком: помимо своей специальности знал несколько языков, разбирался в литературе, чудно играл на рояле, закончив консерваторию по классу профессора Есиповой, известной как лучшая среди прочих преподавателей консерватории. Мог ли Павел Васильевич не обратить внимания на Твою маму – лингвистку, поэтессу, музыкантшу и певицу, человека с тонким вкусом? На изящную, кокетливую, весёлую женщину? Он часто спускался со своего четвертого этажа на ваш третий, подолгу беседовал с Алексеем Васильевичем, с которым был дружен, и музицировал с Марией Исидоровной: то он играл один, то М.И. пела под его

62 – Из прошлого

аккомпанемент, а зачастую он просил М.И. самой себе аккомпанировать, садился поодаль и ею любовался.

Кончилось всё это тем, что Павел Васильевич по уши в Марию Исидоровну влюбился.

Долго он страдал молча, кажется - целую зиму. М.И. всё это видела, веселилась и была заинтригована, почему П.В. не признается ей в любви? Она привыкла к быстрым, решительным победам, и поведение П.В. было ей непонятно. Сама она тоже увлеклась П.В., но не так уж сильно.

Однажды М.И. собиралась на какой-то вечер или бал и очень обдуманно и тщательно одевалась. Бледно-розовое воздушное платье очень шло к ее рыжеватым волосам. Она вышла в гостиную, где сидели Алексей Васильевич и Павел Васильевич. Её встретили восхищенные взгляды обоих. Кто-то должен был за М.И. заехать, но опаздывал. Она села за рояль, стала петь, несколько раз вскакивала и кружилась в танце, продолжая себе подпевать.

- В этот вечер я погиб окончательно, - сказал мне П.В. в 1931 году.

В ближайшие дни запруда прорвалась! Стояла тёплая весна, окна открывались настежь. Вечером П.В. стал играть у себя дома и так подбирал вещи, что в каждой, в той или другой форме, звучала любовь.

В одну из пауз запела Мария Исидоровна. Она ответила ему тем же, тщательно подобрала несколько романсов. И они стали перекликаться: он объяснится звуками фортепиано, она – голосом. Некоторые слова М.И. пропускала, некоторые заменяла своими, например, в известной арии Далилы (в опере «Самсон и Далила») слова «от страсти умираю» она заменила – «свиданья ожидаю» и т.п. Так продолжалось часа полтора, всё стало предельно ясным. Финальной вещью был Григ «Люблю тебя!» П.В. сыграл пьесу, М.И. спела тот же романс.

– Всё! – послышался голос П.В., и крышка рояля громко захлопнулась.

В последующие дни М.И. напряженно поджидала появления П.В.- его и его признания! А он пришел лишь через неделю, и первые слова его были:

– Пришел проститься! Уезжаю в своё четвертое кругосветное плавание.

М.И. остолбенела, а Алексей Васильевич – не очень... По всей вероятности, - он всё понял.

Когда Алексей Васильевич зачем-то вышел, М.И. тихо спросила: – Это бегство? Но зачем?

И Павел Васильевич ответил:

– Я слишком уважаю и люблю вас обоих.

Когда вернулся в комнату Алексей Васильевич, Павел Васильевич встал, обнял его, почтительно и нежно поцеловал обе руки М.И. и быстрым шагом ушел.

Это было последнее свидание Ливеровских с Павлом Васильевичем Гельмерсеном.

Рассказ о «музыкальном объяснении» я услышла от Твоей мамы в 1920 году. Он мне понравился своей поэтичностью настолько, что я запомнила его на всю жизнь.

А сейчас я сделаю маленькое добавление, оно кажется мне уместным.

В 1931 году в санчасти концлагеря в Долинке в Казахстане лежали два больных заключенных: Павел Васильевич Гельмерсен и Михаил Александрович Реформатский. Однажды ночью им не спалось, лежали они на соседних койках и могли, тихо разговаривая, не тревожить других больных.

Реформатский предложил Гельмерсену: – Давайте развлечём друг друга рассказом о своём самом благоуханном романе.

Михаил Александрович
Реформатский
и «любимая ученица
М.И.Ливеровской»
20 –30 годы.

Гельмерсен согласился и начал первым. Он рассказал всё, о чём написано выше, но имени своих друзей не назвал. Когда он кончил, Реформатский, усмехнувшись, сказал: – А звали вашу златоволосую даму Мария Исидоровна.

Гельмерсен подскочил: – Откуда вы знаете?

– От любимой ученицы М.И. и, кстати, о моем романе с ней я собирался вам рассказать, а сейчас скажу вам только, что «музыкальное объяснение» она рассказала мне как пример редчайших теперь романов, в которых красота и рыцарство возвышаются над всем остальным.

Письмо ВТОРОЕ

В 1914 году я перешла в 8-ой класс гимназии Л.С.Таганцевой. Эта гимназия славилась объемом и серьёзностью своего учебного плана. Учеников из нее принимали во многие высшие учебные заведения без сдачи экзаменов на аттестат зрелости.

В старших классах преподавали несколько профессоров из Университета и других учебных заведений. Нам объявили, что всеобщую литературу будет читать профессор Университета Иван Иванович Гливенко, но он успел прочитать две лекции: вступительно-обзорную и еще одну, а потом куда-то исчез. Читал он по существу интересно, но по форме – занудно. Мы зевали, ворчали и с сожалением вспоминали наших блестящих учителей средних классов. Во второй половине сентября в класс вплыла начальница гимназии, а за ней лёгкой ритмичной походкой вошла изящная молодая женщина. Мы встали.

– Дети, - обратилась к нам начальница, - Иван Иванович серьёзно заболел, и вместо него западную литературу вам будет читать доцент Университета Мария Исидоровна Ливеровская.

Первые слова Марии Исидоровны были:

– Девочки, Иван Иванович вам наверное уже сказал, в чём состоит предмет западной литературы. Сегодня давайте просто

знакомиться. Мне хочется узнать ваше отношение к моему предмету. Вот, например, ваше... – быстро пройдя между рядами парт, она протянула руку к девочке из третьего ряда – замечательно хорошенькой, даже красивой, но сонной после очередного бала и где-то в своих мыслях витающей, Ире Гарязиной. Однако Ира не растерялась и сказала:

– Я знаю, что в этой литературе много романов, и я с нетерпением их жду.

– Чтобы набраться опыта, - раздался чей-то иронический голос из заднего ряда парт.

Все рассмеялись, М.И. тоже и спросила: - Как ваше имя?

– Ира Гарязина.

– Спасибо, Ира, за вашу непринужденную откровенность.

Класс весело зашевелился. Все поняли, что с этой учительницей скуки не будет.

И действительно, - её не было никогда. Уроки М.И. проходили в атмосфере взаимной благожелательности, были всегда оживленными, на них часто звучал смех.

Через несколько недель мы почувствовали, что М.И. раздражала некоторых учительниц. Видимо, они не прощали ей женственности, пикантности, веселости и всяческих успехов, в том числе у учителей мужского пола. Сделав это открытие, мы решили доканать своих учительниц отличными успехами в предмете М.И. Учились прекрасно и тянули за собой тупиц и лентяек.

Уроки М.И. приходились на последний час учебного дня, и стайка девочек, быстро одевшись, шла ее провожать. М.И., прогулки ради, большую часть пути делала пешком. Постепенно стайка таяла, девочки отставали, расходясь по своим домам. Дольше всех провожала М.И. я, с нетерпением ожидая минуты, когда мы с ней останемся вдвоем.

В начале октября М.И. сказала мне: – Я хочу вам кое-что рассказать, Наташа, однако заручившись вашим честным словом, что это останется между нами. Мне кажется, что я могу на вас положиться. Я покраснела до корней волос и слово дала.

М.И. продолжала: – На учебном совете мне делали характеристики некоторых учениц, чтоб мне было легче

ориентироваться. Вас мне охарактеризовали, как отъявленную лентяйку и по этой причине безнадежно плохую ученицу. Во время урока я близко вижу вас и Зину Раутиан на первой парте около моего стола. Вижу серьезный вдумчивый взгляд милой Зины и как ёрзает, выражая свои ощущения, шалунья Наташа. Я не могу допустить, чтобы слушая так, как вы слушаете и реагируете, вы могли бы всё, что я вам говорю, пропускать мимо ушей и забывать. Как, Наташа?

Я снова зарделась.

– Словом, - продолжала М.И.,- я держала пари с двумя учительницами, что вы будете в восьмом классе учиться отлично. Не подведите меня.

– Нет, нет! – закричала я на всю улицу.

И я её действительно не подвела.

В первый же после этого разговора урок по педагогике у ненавистой мне учительницы Ольги Ивановны Вознесенской я взяла вольную тему «Ребенок и сказка», чем повергла О.И. в великое удивление. Написать сочинение у меня, правда, не хватило пороку, но в ближайшие дни к нам домой пришел в гости знакомый студент – большой фантазёр Виктор Покровский⁺ и написал мне блестящее сочинение, которое я нахально прочитала в классе и получила оценку «отлично».

Другое сочинение для той же учительницы в конце зимы мне написал юнкер Михайловского артиллерийского училища Вова Бурман. Ненависть к педагогике я не могла преодолеть!

Мария Исидоровна, узнав от меня про эти жульничества, сначала рассмеялась, но тут же сказала, что я поступаю нечестно, и это её огорчает. По всем другим предметам я училась хорошо, к большому удивлению всего педагогического совета, о чем мне рассказывала М.И. и некая Дуняша, подававшая на совете чай и ко многим из нас благоволившая...

Каждый раз, когда я получала «отлично», мы с М.И. шли в кондитерскую на Караванной и отмечали это событие уничтожением пирожных.

⁺ Виктор Петрович Покровский, см. фото в кн. «Архипелаг ГУЛАГ», т. I.

[#] А.А.Ливеровский уже присутствует на этих страницах, см. с. 16.

Как-то в октябре М.И. увела меня к себе домой и познакомила со своим мужем Алексеем Васильевичем и с детьми. Я сразу подружилась с десятилетним Лешей[#], и, как он даже теперь вспоминает, когда я приходила, мы устраивали бедлам и бурное веселье. А.В. и М.И. обладали редким для родителей талантом работать под детский шум и не очень взыскивать за шалости.

По средам у них бывал жур-фикс. Собиралась молодежь совсем «зеленая» или только что вышедшая из этого возраста. Частыми посетителями были Константин Васильевич Мочульский и Виктор Максимович Жирмунский – однокашники Марии Исидоровны. по университету, в те годы – блестящие доценты, подающие большие надежды. Бывал германист Гвоздев и литературовед Борис Михайлович Эйхенбаум, изредка Зоя Лодий и её муж – профессор русской литературы Адрианов. Из учениц М.И. бывали я и Ася Концевая. Родственников я не перечисляю, из них глубже всех запомнилась очаровательная Ниночка.

Царила полная непринужденность и веселье: пели, играли на рояле, танцевали, декламировали, играли в различные игры. За ужином кто-нибудь говорил спич, конечно - весёлый. Однажды Жирмунский и Мочульский сказали речи по латыни и М.И. им ответила тоже по латыни. Алексей Васильевич, блиставший остроумием, всех по очереди поддевал, но на него никто не обижался – обаятельный человек, он был любим всеми.

М.И. водила меня на концерты Зои Лодий в Малый зал консерватории. В те годы Зоя Лодий была в зените своей славы. Программы ее концертов придумывались и разрабатывались совместно профессором Адриановым, Марией Исидоровной и самой Зоей. Почти всегда они вытаскивали на свет Божий какую-нибудь старину русскую или иностранную. Сама М.И. часто пела французские бержеретки 18 века /les bergerettes/ - у неё была их целая тетрадь. Исполняла она их великолепно, особенно те, в которых был задор и легкомыслие. Так и вижу ее лукавые глаза, спадающую на них золотисто-рыжую прядь и слышу⁺⁺:

⁺⁺ Н.М. слышит, конечно, французский оригинал.

Молодые девушки, не теряйте времени –
фиалки срываются только весной...
В расцвете юности выбирайте друга,
если он непостоянен – отвечайте ему тем же!

Рождественские каникулы

На рождественские каникулы 1913-1914 гг. я собиралась на две недели в свои новгородские Березицы, чтобы подышать свежим воздухом, походить на лыжах, покататься на тройке и, главное, ублажить своим присутствием маму, проводившую ту зиму в деревне.

И вдруг, Мария Исидоровна сказала мне, что она непрочь проехаться со мной вместе. Восторг мой был безграничен!

Мой отец дал маме телеграмму, чтобы она за нами выслала лошадей в Боровичи. На вокзал папа приехал нас провожать. Он был в высокой бобровой шапке и в шубе с бобровым воротником. Этот декор очень шел ему.

Ведя шуточный разговор (оба они были на него мастера), М.И. явно папой любовалась, а когда поезд тронулся, она сказала: – Ваш отец очарователен и настоящий барин.

По тем временам это был комплимент.

Березицы (не сохранились)

От станции в Боровичах мы ехали на тройке, и М.И. радовалась этой езде по-детски.

В Березицах мы отсыпались, долго сидели за чаем у самовара; мама, по всем признакам, изучала Марию Исидоровну, и она ей нравилась, но всё же она ревновала меня к ней. Я давала М.И. уроки ходьбы на лыжах, но ученицей она оказалась неважной, и мы это дело бросили.

Ездили кататься. М.И. и мама сидели в санях, я ехала на лыжах на длинной бечеве, привязанной к спинке саней. В поле кучер лошадей гнал, и я мчалась сзади. Мама и М.И. охали! В лесу, где было трудно лавировать между деревьями, я подтягивалась к саням и валилась в ноги своим мамам прямо сверху полости.

Дома после обеда М.И. подолгу сидела у рояля - играла, пела, подготавливала новую программу для Зои Лодий.

Угощала нас мама всякого рода деревенскими кушаньями: М.И. её об этом попросила. Свеже-вытопленное молоко с пенками, рассыпчатая каша из русской печки, квас, грибы всех видов заготовки, брусника мочёная с яблоками, морошка, душистый свежий ржаной хлеб, настойки и кисели из разных ягод... и самовары, самовары без конца - целый день.

Как-то мы с мамой рассказали М.И. о наших дальних родственниках, чьё красивое родовое имение находилось в десяти верстах от Березиц, а хозяева - любопытные люди. М.И. загорелась с ними познакомиться.

Владели этим большим имением со странным названием Зализеньё три брата Аничковы. Один из них, Иван Иванович, бывший камер-юнкер, после слишком весёлой жизни доживал свой век в Зализеньё и им управлял; у него были парализованы ноги, и он передвигался в кресле-каталке. Другой брат, Дмитрий Иванович, военный в больших чинах, жил в Петербурге, изредка наезжая, вернее - налетая в Зализеньё, по большей части за деньгами – он играл на бегах и своих лошадей выставлял.

70 – Из прошлого

Семьи обоих братьев жили в Петербурге, приезжая в деревню на летние и зимние каникулы. Третий брат, Александр Иванович, был холостяк средних лет и терпеть не мог женщин.

Александр Иванович окончил университет и консерваторию, знал и хорошо владел всеми европейскими языками и был широко образован в области гуманитарной. Друг его – художник Браз, часто гостивший в Зализенье, открыл в дяденьке способности к живописи, стал его учить владеть кистью и сделал А.И. вполне грамотным художником. Жил А.И. отдельно – в большом доме было для него слишком шумно. Он построил на краю парка свой дом в три комнаты. Оба дома были в стиле ампир.

Зализенье, большой дом (теперь развалины).

Почти ежегодно А.И. уезжал на несколько месяцев в Европу – Францию и Англию чаще всего. Один или два раза его картины удостоились быть выставленными в парижском Салоне, а в конце 20-х годов, доживая жизнь в Лондоне, А.И. ежегодно выставлял свои картины на лондонской рождественской выставке Christmas exhibition, и его зимние пейзажи родного

Зализенья, которые он писал по памяти, пользовались успехом, раскупались и давали средства к существованию. Была у А.И. библиотека в три тысячи томов, главным образом по искусству.

Услыхав наш рассказ, Мария Исидоровна загорелась желанием с А.И. познакомиться.

- Это невозможно, - в один голос с мамой уверяли её мы. - Он женщин ненавидит и в дом к себе не пускает.

Но М.И. настаивала на своем, брала на себя всю ответственность, и мы поехали.

Стояли дни с сильными снегопадами, и снегу навалило столько, что тройку пришлось запрячь цугом. Такая езда очень позабавила М.И. По дороге она несколько раз просила нашего Ивана хлестнуть кнутом головную лошадь – ей нравилось, как ловко он, согнувшись и нагнувшись слегка вправо, длиннющим кнутом попадал под брюхо первой лошади.

В Зализенья мы, отсидев час в большом доме с паралитиком и его невестками, отправились в малый дом к дяденьке Александру Ивановичу в сопровождении той невестки, к которой он благоволил. У калитки я остановилась и издали смотрела, как их впускают в дом. Сама я не пошла, чтоб было поменьше народа.

Илья (лакей) открыл дверь на крыльцо, и сразу же за ним вышел дяденька, вероятно увидев в окно шедших к нему трех дам.

- O! che bella casa! – воскликнула М.И., поворачиваясь во все стороны.

Возможно, этим восклицанием она сразу обрела доверие А.И., потому что он поблагодарил ее тоже по итальянски:

- Grazie, signore! Siete molto gentile.

А дальше всё пошло как по маслу... По словам мамы, М.И. умело преподносила себя дяденьке: она и пела, и играла на рояле, и декламировала и своё, и чужое, и сыпала цитатами из многих писателей и поэтов запада, - конечно, всё на подлинном языке. Дяденька не оставался в долгу и много играл. Видно было, что он в восторге, если только можно так выразиться о таком корректном и подтянутом господине,

72 – Из прошлого

каким он был. Визит затянулся до вечернего чая, когда они все вместе явились к самовару в большой дом.

За столом М.И., обращаясь к другому брату - Ивану Ивановичу, которого выкатили в его кресле, расхваливала ему дом, библиотеку и, вообще, - вкус его брата. А.И. сидел смущенный, Иван Иванович скептически хохотал.

Вскоре после этой чудесной поездки мы вернулись в Петербург. Знакомство Марии Исидоровны с А.И. не прервалось: когда он появлялся в Петербурге, они вместе ходили слушать Зою Лодий, и по каким-то выставкам.

Весной я по всем зачетам и экзаменам получила «отлично». Мария Исидоровна торжествовала в учительской, тем более, что кроме меня, она еще двух отпетых учениц заставила учиться.

Письмо ТРЕТЬЕ

Осенью 1917 года, когда голод в Петрограде разыгрался не на шутку и улучшений ждать не приходилось, Алексей Васильевич и Мария Исидоровна решили увезти семью в Самару. Из этого города им обоим предлагали работу с квартирой и пайками.

М.И. грустила, но одновременно ей улыбалась работа во вновь организованном университете, возможность создать кафедру на свой манер и вкус. Свой предмет - западную литературу - она горячо любила.

Мы разъезжались почти одновременно: я – на фронт, а Ливеровские - в Самару.

Напряженная и интересная работа в Самарском университете не уменьшила, однако, тоски М.И. по обожаемому ею Петербургу-Петрограду. Интересный утонченный роман с неким Ротштейном, профессором одной из военных академий, переведенной в Самару, отвлекал М.И. от грустных мыслей о Петрограде, но не настолько, чтобы не стремиться на берега Невы.

Ротштейн, несмотря на свою узкую военную специальность, был в значительной степени образован гуманитарно. Он любил музыку, литературу, а поэзию знал хорошо и сам писал стихи. Разговоры с ним были для М.И. отдушиной в обывательской, хотя и научной среде Самарского университета.

Ротштейн сильно увлекся Марией Исидоровной, но молчал. Он чем-то напоминал ей Гельмерсена: тоже был холостяк, тоже военный с широким кругом интересов и образования, как и Павел Васильевич, и так же сдержан в выражении своих чувств.

В 1919/20 г. М.И. вернулась в Петроград. В первые же дни написала восторженные стихи, посвященные городу:

О, мой упоительный город,
ты также прекрасен и строг,
как в те времена, когда гордо
у моря родимого лег.

Печальны твои туманы
и слёзы в твоём дожде,
но кроме тебя - обманна
вся жизнь - всегда и везде.

Хмурый - с солнцем не дружен,
не любишь его лучей,
ты мне один только нужен,
мною безраздельно владей.

Святотатственно был нарушен
царственных зданий покой,
и дерзостный грохот пушек
пронесся над тихой рекой.

Но варвары не посмели
коснуться стройных колонн
божественного Расстрелли,
хоть имя им - легион.

Как прежде невозмутима
в гранитах своих Нева,
а по улицам паутиной
зеленея ползет трава.

Осень, зиму и весну Мария Исидоровна прожила у нас на Петербургской стороне. Я уступила ей свою солнечную комнату, переселившись в бывшую комнатушку прислуги. Моя мама в том году служила в министерстве здравоохранения, я училась в университете. Мама получала небольшой паек, я приносила в судках какую-то жижу из университетской студенческой столовой, а М.И. сразу прикрепили к Дому ученых, и оттуда я привозила на санках ее хороший паек. Словом, крутились и кормились. Но все равно всего было мало. И вот однажды, не помню - кто и как, предложил М.И. выступить с литературным докладом в солдатском клубе при казарме. Предлагавший предупредил, что на серьезном докладе солдаты заснут. Просили о чем-нибудь попроще, по возможности даже повеселее. Помню, как сидя за вечерним чаем, мы прикидывали - что может подойти, и М.И. с отчаяньем воскликнула:

- Ну, не трубадуrow же мне им читать?!

Но, наконец, всё же придумали: заглавие доклада гласило «От песни до частушки». М.И. решила рассказать и показать солдатам, как хороша была прежняя песня - музыкальная, мелодичная, лиричная, полная смысла - и во что она выродилась. Начальство воинской части одобрило тему.

Доклад М.И. провела, как всегда, оживленно. Часть теоретическую тут же иллюстрировала практически, то есть подходила к роялю и песню пела. После ее пения были обыкновенно аплодисменты. В особенности нравились солдатам «Во субботу, в день ненастный» и «Ты не шей мне, матушка, красный сарафан». Почему – не знаю.

Показав постепенное оскудение песни, пояснив это явление растущей стремительностью темпов жизни и

насыщением быта фабричностью, М.И. переходила к частушке, как более подходящей форме выражения чувств теперешнего времени.

Тут выходила на сцену я - в полушубке, в цветном платке и в валенках и под аккомпанемент М.И. пела частушки: новгородские, псковские, саратовские, самарские и вообще волжские – все на разные мотивы, с притопами и прихлопами, которые мы дома вместе придумали и разучили. Солдатня захлёбывалась от удовольствия, многие, вероятно, узнавали свои родные напевы.

Словом - большой успех и... большой паёк: хлеб, крупы, мука, сало. Нам заботливо всё привязали к саночкам и дали в сопровождение двух солдат с винтовками - в те годы ограбления на полутемных улицах были в моде. Торжествующие мы пошли домой. Восторг мамы при развязывании пакетов был неопишем - она устала придумывать, чем нас кормить.

Таких лекций мы провернули за зиму, если не ошибаюсь, четыре, и все в воинских частях. М.И. была так проста и сердечна с людьми, что и к солдатским сердцам нашла ключ, и они ею искренне восхищались. Однажды один солдат в порыве чувств даже по плечу ее похлопал.

Более изысканную оценку она получила в стенах университета, на курсах Раева и в других подобных местах. Не помню, в каком году точно она прочитала в Неофилологическом обществе при университете лекцию о провансальском поэте Фредерике Мистрале, недавно умершем. На этой лекции присутствовало много профессоров с самых разных факультетов, и все они, расходясь, восторженно отзывались о лекции и лекторе.

Переписка М.И. с Самарой, а у меня с фронтовыми друзьями была огромная. Почтальон удивлялся количеству писем, приносимых им в нашу квартиру. Одно из полученных М.И. в ту зиму писем было лаконичным, в нем было всего четыре строчки:

Сердце бедное и неверное
не смеет верить мечтам,
я люблю тебя – не наверное.
А что верное - я не знаю сам!

Так писал А.В.Ротштейн.

Не знаю, что ответила М.И. своему серебряному поэту (так звала она Ротштейна за его седины), но писала она ему долго и заметно волновалась. Может быть, судя по последнему письму Ротштейна, она признавалась ему в своем чувстве к Н.Н.Семенову⁺?

И снова прислал А.В.Р. стихи свои:

Не надо никого, я жить хочу один, -
ни дружбы, ни любви - мне ничего не надо!
Над тайною святой душевного уклада
ревниво опущу двойной покров гардин.

В водоворот страстей сквозь холод ясных льдин
смотреть бестрепетно – о, тихая отрада!
Пока печально угасающих годин
мне не пахнет в лицо осенняя прохлада.

Один, но не совсем! На вазе древних Фив
не умер чей-то вздох в извилах арабеска,
задумчиво глядит поблекнувшая фреска,
и между двух страниц, где зреет знойный миф
над повестью любви шелка ресниц склонив,
проходит в сумраке печальная Франческа.

Но в Самаре оставался еще Николай Николаевич. Он приехал и сделался хозяином положения. Я же вскоре уехала навсегда в Москву, и до трагической смерти М.И. в 1923 году мы с ней только переписывались.

⁺ Н.Н.Семенов, позже академик и Нобелевский лауреат.

ИЗ ПРОШЛОГО (продолжение)

Александр Исаевич, Вы сказали, чтобы я написала про свои романы, что Вас интересуют те, что были в самой юной юности.

А я не уверена, были ли они? Были их начала и трагические обрывы. Много было односторонних, когда я поплевывала или на меня поплевывали.

Впрочем, Ваше желание приказу подобно, а потому – пожалуйста!

Э П И З О Д №1

В 14 лет я влюбилась в своего дальнего родственника Ивана Дмитриевича Аничкова – своего однолетку.

Я всегда высоко ценила и до сих пор ценю изящество. Изящество всего: движений, поз, мыслей, всего поведения... Так вот, мой первый «предмет», хотя и был некрасив, но был очень изящен. Изящно ездил верхом, изящно ухаживал на посиделках даже за деревенскими девками, ну и т.д.

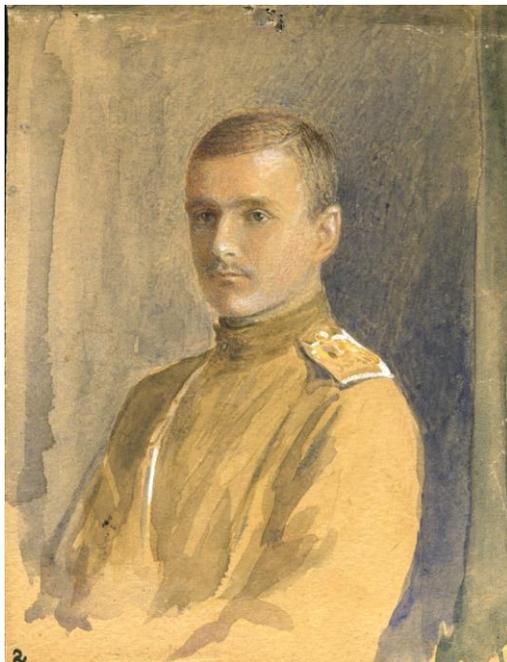
Паж и кавалергард, он сразу попал в действующую армию.

Ко мне он относился очень хорошо, но поплёвывал и любил дразнить. Например, однажды, когда я ехала из Петербурга в Москву, он принес на вокзал коробку конфет, чтобы я в Москве отнесла ее балерине, в которую он влюблен. Я выполнила поручение, но стала подозревать, что он догадывается, что я к нему равнодушна...

Незадолго до того, как всем нам суждено было навсегда разлететься из наших «дворянских гнезд» Боровичского уезда,

мы зимой почему-то были все там – я в своих Березицах, а он в 10 верстах в своем Зализенье. Вава (так звали И.Д. близкие) приехал к нам на небольших саночках на очень хорошей, быстрой лошади и повез меня прокатиться. – «Может быть, в последний раз», - сказал он, подавляя вздох.

Иван
Дмитриевич
Аничков, погиб в
Архангельске 1921

Прогулка была чудесной. Мы мчались «бразды пушистые взрывая». На обратном пути, приближаясь к усадьбе, он вдруг взял вожжи в левую руку, правой обнял меня и глядя близко в лицо, спросил: «Хорошо тебе?»

Я кивнула головой.

- Смотри, запомни! На всю жизнь запомни!

Меня начали душить слезы и я почувствовала страх.

В 1918 году он ушел к белым.

Накануне отъезда в Псков (многие бежали именно из Пскова) Вава был у нас и умолял меня пересмотреть мои «неприличные эсеровские взгляды». А у меня никаких точных взглядов не было, я только знала, что его возведенная в культ идея православия и самодержавия устарела и не годна, хотя и красива отвлеченно.

Я не очень переживала разлуку. Возможно под влиянием перекрёстного романа с доктором Никифоровым, а еще потому, что я крепко верила в то, что большевики явление временное, и что мы все скоро соединимся опять.

Но в 1921 году, когда я узнала, что Вава (награжденный у белых золотым оружием) вероятнее всего расстрелян в Архангельске вместе с тысячами других офицеров, моя любовь вспыхнула с новой силой, и я помчалась в Архангельск, чтобы все узнать досконально и, может быть, спасти Ваву, хотя бы пожертвовав собой какому-нибудь начальнику ЧК (я это обдумывала в поезде во всех подробностях).

В Архангельске мне вправили мозги знакомые, у которых я остановилась. В те годы в Архангельской губернии бесчинствовал д-р Кедров – садист, возивший на расстрелы 8-летнего сына. Атмосфера в городе была жуткой.

Я вернулась в Петроград нервно-больная и некоторое время даже лечилась у знакомого психиатра д-ра В.В.Рейца. Под влиянием его гипнотических бесед со мной, образ Вавы потускнел и словно удалился за какую-то завесу.

Э П И З О Д №2

романический и романтический

В 1917 году зимой под Двинском шла длительная подготовка к наступлению.

Я работала в так называемом «банно-перевязочном отряде Союза городов» на 508 версте. Наши блиндажи были врыты в железнодорожную насыпь. В период фронтового затишья мы - две сестры милосердия - легко управлялись с пятью подведомственными нам банями. Одна из нас ехала с бельём проверять работу бань и прикрепленных к ней

санитаров, другая оставалась на пункте на случай надобности в медпомощи.

Располагались банки совсем близко от окопов, одна была даже во второй окопной линии. Работа наша была вольготная. Воз с бельём ехал неторопливо, а я или сестра Женя трусили рядом верхом. На самом нашем пункте работы было мало, а обстрелы были направлены куда-то дальше на важные стратегические места. Мы жили спокойно и в те часы, когда высоко над нами гудели «чемоданы».

Альбомная надпись: Добровольно мобилизовавшийся Милий Адрианович с дочерью Наталией Милиевной –сестрой милосердия Кресто-воздвиженской общины

С.Петербург, 1915

В дни упомянутой подготовки к наступлению по другую сторону ж/д насыпи приехала и встала морская батарея с орудиями весьма внушительных размеров.

К нам пришел знакомиться, рекомендовавшись нашим коллегой, врач этой батареи – Владимир Константинович Никифоров. Высокий, статный, весь какой-то очень мужественный, с внимательным, строгим и вместе с тем доброжелательным взглядом красивых серых глаз. Он сразу располагал к себе. В.К. стал приходить к нам каждый вечер. Спрашивал, что мы сделали за день, предлагал всякие

улучшения и расширения в работе нашего пункта. Женя злилась, а я быстро втянулась в работу, ездила в Двинск, атаковала начальство и многого добилась. Когда В.К. меня изредка хвалил, я сияла. Однажды он даже поцеловал мне руку, и я три дня ее не мыла. Женька выдала меня В.К., и он смеялся до слез. У него была чудесная манера разговаривать с солдатами и, несмотря на его высокую требовательность, они его боготворили. Постепенно за вечерним чайком и уютными беседами рядом с блиндажом стало ясно, что В.К., великий человеколюбец и самоотверженный, бесстрашный медик, человек подвига. Я его обожала и уважала.

В Двинске одно время жила адъютант Бочкаревой, фамилию ее я забыла, но помню - она была дочерью какого-то известного адмирала, - высокая, энергичная, красивая девушка. Она занималась подбором женщин для пополнения бочкаревского батальона⁺.

Землянки в расположении арт. батареи.

Я загорелась «наняться»...

Возмутился этим наш приятель полковник Уманец, командир четвертого Капорского полка, считавший бочкаревскую затею ненужной авантюрой. Милый человек Уманец несколько часов просидел в моем блиндаже, уговаривая меня перестать

⁺ Того самого батальона, который стал защитником Зимнего <издат.>.

дурить и выкинуть вздор из головы; он сердился и даже грозился вызвать телеграммой моего отца.

Пришел на огонек В.К. Узнав, о чем столь жаркие дебаты, он спросил меня:

- Вы считаете себя здесь недостаточно полезной? Или вам хочется быть раненой и этим потешить свое тщеславие? Я не считал вас такой пустой.

- На этом захолустном пункте никогда нет достаточно работы, - пробурчала я смущенно.

- За работой дело не станет. Если и во время наступления у вас будет мало дела – чего я не думаю – я даю слово взять вас на нашу батарею, где будет жарко, потому что к ней уже пристрелялись и мне одному справляться будет трудно.

На том и порешили. (В.К. меня устыдил). Измучившийся со мной Уманец облегченно шумно вздохнул, и они вдвоем ушли. По дороге, наверное, надо мной посмеивались.

Во время наступления и я, и Женя, и прикомандированные сюда врачи и сёстры из Двинска едва-едва справлялись с

работой, а замаскированные ветками сан.поезда увозили раненых.

После наступления мы встретились с В.К. уже не приятелями, а настоящими друзьями.

Вскоре морскую батарею отозвали. Уезжая, В.К. всучил мне свой московский адрес и взял обещание, что я буду ему писать о всех событиях моей жизни.

Через некоторое время он демобилизовался и вернулся в Москву, где у него была жена и двое малолетних детей. Как-то на фронте бестактная Женя стала расспрашивать В.К. о его семейной жизни; на его лицо нашла черная туча и он отвечал столь нехотя, что разговор сник и скоро совсем затух. Но обе мы поняли, что он собирается разводиться, хотя этого слова сказано не было.

Я поступила работать в Гидрологический институт и вскоре, к великой своей радости, была послана в командировку в Москву «собирать подписи». Это было время, когда ничего не покупалось, а всё выдавалось по нарядам, и для получения наряда надо было получить много подписей (иной раз до 15-ти) начальства вышестоящих организаций.

Из друзей Н.М.
Василий Касьянов
(акварель худ.
Крамская Софья

О своем приезде в Москву я В.К. немедленно известила, и мы радостно встретились на Каланчевке у моих знакомых старичков Охременко. В.К. работал врачом на Моск.-Курской ж.д. и яростно боролся с сыпным тифом, а собирался кинуться на еще более страшную борьбу. Где-то в Поволжье, если память мне не изменяет, в Самарской губ., вспыхнула чума. В.К. собирался туда во главе отряда, который он формировал по поручению Наркомздрава.

Я немедленно заявила ему о своём желании ехать тоже.

- Так с бухты-баракты этого не решают, - ответил мне В.К., -обдумайте хорошенько. На ваших руках мать.

Я была в Москве две недели. Мы виделись почти ежедневно, и я В.К. почти убедила, хотя на словах он своего согласия еще не давал.

К великому моему удивлению, он пригласил меня в МХАТ, сказав, что перед отъездом в глушь, да на страсти-мордасти, не грех и поразвлечься немного. Мы смотрели «Горе от ума». Я была на седьмом небе.

И вот, в один счастливый вечер, всё на той же Каланчевке у стариков, В.К. подошел ко мне, взял мою голову в свои руки и долго смотрел мне в глаза, слегка мою голову откинув. Потом тихо сказал:

- Ну, что ж, попробуем! Попробуем. Бог даст, всё будет хорошо. Поезжайте в свой Питер, увольняйтесь, собирайтесь, говорите с мамой как найдёте нужным и возвращайтесь в Москву.

После этой тирады он поцеловал меня в лоб и отпустил.

В Петрограде ГИДРА (Гидрологический институт) не захотела меня отпускать, мама болела, я провозилась две недели. В.К. я телеграфировала, но почему-то не получила ответа. Уехала я, не уволившись с работы, наврала маме, что еду в командировку, про себя же решила, что напишу ей правду из Москвы, а на службу пошлю заявление об увольнении.

Всего этого делать не пришлось.

Владимир Константинович умер от сыпного тифа, заразившись от древней одинокой нищей старухи, которую он лечил и ходил кормить. Он похоронен на Старообрядческом кладбище, около которого жил. Его хоронили несметные толпы – и железнодорожники, и жители Москвы. Он был популярен и любим чрезвычайно. Всё это мне рассказали какие-то люди, которых я застала на его могиле.

Долгое время я жила с острым сознанием, что лишилась чего-то огромного, что бы заполнило жизнь и душу. И что я опять осталась одна без крепкой опоры и направляющей руки.

Вот и всё. Это роман?

Любовь быть может шла вдали...

ПЕТРОГРАД 1918 – 1922

Голод, холод, всяческая разруха. И, всё равно, картина спокойного величия, своеобразной трагической красоты. Один крупный художник, кажется Добужинский, выпустил альбом зарисовок Петрограда тех дней. Альбом этот хватал за душу,

особенно, если душа была рождена в Питере и в нём выросла. Увы, я не смогла приобрести этого альбома!

Транспорт встал. Некоторые трамваи, не дойдя до парка, стояли по городу – этикие заблудившиеся трамваи – и постепенно обледевали и заносились снегом.

Изредка посреди улицы или площади можно было увидеть палую лошадь, которую рвали на части собаки. А в часы раздачи в районных столовых пшённного супа или каши из американского маиса (из посылок АРА) некоторые умные собаки стояли на задних лапах вдоль длинющих очередей, вымаливая подачку. Им почти никто не подавал, и к 1920 году ни собак, ни лошадей в городе не стало. Впрочем, существовала одна анекдотическая корова. Старший научный сотрудник Гидрологического института Арнольд, имевший квартиру на Васильевском острове в первом этаже, с лета одну комнату забил до потолка сеном, а осенью привел из деревни корову и по настилу ввёл её за собой в квартиру. Эта история была притчей во языцех всего Гидрологического института. Чем она кончилась не знаю, знаю только, что Арнольд выжил и, как уверяли, благодаря корове.

Три лета подряд я уезжала с гидрологическими экспедициями в Олонецкий край на исследования его божественных озёр и лесов, тогда еще не вырубленных. Оттуда я привозила сухие грибы, сухие ягоды, даже сухой творог, а самое главное – огромный мешок так называемого «сушика» - священной на солнце мелкой рыбёшки. Всё это я выменивала на тряпки и мелкие вещички у олончан. Служба в ГИДРЕ – моя и мамина – помогала нам выжить.

Голод в те годы косил людей. Особенно интеллигенцию. Она не умела, а часто не хотела изворачиваться. Помню, мне повстречался в районе Университета профессор Гизетти, который вёз на саночках мешок картошки, тяжело дышал и плакал. Я тут же подговорила двух встречных студентов помочь ему, мы все впряглись в сани, а профессор шел сзади и плакал пуще прежнего.

Я ходила в Университет с большим пустым портфелем и в нем выносила одно или два полена с университетского двора. То же делала Таня Аничкова, унося поленья из Академии художеств; две эти кражи обеспечивали маме топку крошечной

печурки –«буржуйки», а значит - и ужин. С этой же Таней, отчаянной девчонкой-головорезом, мы однажды принесли моей маме несколько электрических лампочек. На дворцовой площади был парад. От колонны с ангелом к нашему и другим домам были протянуты в ниспадающем порядке разноцветные лампочки, иллюминировавшие площадь. Мы встали у самой стены здания бывшего генштаба, касаясь спинами стены. Когда пошли колонны и глаза всех были устремлены на центр площади, Таня встала мне на плечи, притянула к себе проволоку и быстро отвинтила две лампочки. Этот же маневр мы повторили в другом месте Дворцовой площади и торжественно вручили маме четыре электрических лампочки.

У Народного дома на Петроградской стороне, неподалеку от которого мы жили, Таня однажды подсела к костру мужиков, охранявших дровяной склад. Пока она с ними зубоскалила и угощала их желтыми папиросами «шапшалками», я откатила длинное бревно в темноту ближнего переулочка. Услыхав мой условный свист, Таня пришла ко мне, мы водрузили на плечи концы бревна и приперли его маме на пятый этаж.

Снабжали мы маму и горохом. У Гидрологического института, в котором мы с мамой служили, был огород для служащих на самом взморье. Там же паслись институтские лошади. Служащие Института по очереди пасли по ночам этих лошадей и охраняли одну сторону огорода. Мы с Таней часто брали это ночное дежурство, дававшее нам возможность поездить хотя бы на этих «гидрологических» клячах, а к утру наестся до отвала гороха и набрать его домой. Брали мы горох умело – так, чтоб было незаметно.

Вот так «развлекались» благовоспитанные барышни Аничковы, которым надлежало бы в прежние времена «выезжать» на балы и на театры. Будучи по натуре в какой-то мере хулиганками, они нисколько об этом не жалели.

В 1921 г. Таня купила у одной латышской семьи паспорт их умершего от тифа сына, учившегося с ней вместе в Академии художеств. Она коротко постриглась, переделалась в мужское платье и уехала продолжать свои эксцентрические проделки, сначала в Европе, а потом и США. О её жизни можно было бы написать роман.

Наташа Аничкова осиротела и целиком переключилась на дела тюремные.

На прощанье опишу одну Танину выходку незадолго до отъезда. Старшая её сестра Вета (в 1942 г. расстрелянная где-то на Енисее[†]) училась в те дни на философском отделении Университета. Она поссорилась с Таней, отчитала её, и Таня решила ей отомстить. И вот, в день, когда Вета делала доклад на семинаре своего отделения, Таня выкрала у моей мамы из старого короба какие-то допотопные платья, перешила их, как ей того требовалось, накрасила себе морду (прехорошенькую, между прочим), положила в сумочку жёлтую бумажку, которая торчала немного наружу и должна была обозначать её «специальность», шурша шелковой юбкой прошлась по всему длинному коридору нашего Университета и нахально явилась на Ветин семинар, когда Вета уже читала. За Таней следом ввалилась группа студентов, которые бежали за ней следом по коридору, ошалев от удивления. Таня уселась как раз напротив Веты. Она надеялась сорвать доклад. Но Вета, обладавшая огромной выдержкой, не моргнула глазом и дочитала свой доклад до конца. Посрамленная Таня ушла. За ней снова бежали студенты, делая попытки заговорить, и тащилась я на случай, если понадобится ее выручить. Дома Таня повалилась маме в ноги, повинилась во всём, и моя добрая мать, поплавав и попричитав, простила её. Ино дело Вета. Она заговорила с сестрой лишь через месяц накануне Таниного отъезда. А в Университете родилась легенда о приходившей проститутке.

ИРМА - НАТАША

В 1920 году мою знакомую медичку Лёлю Гей продержали некоторое время под арестом на Гороховой. Она рассказала мне, что в её камере среди прочих находилась 13-летняя девочка Ирма, у которой, пытаясь узнать её настоящее имя и фамилию, поджигали пятки. Шрамы на пятках Ирма показывала, но своего имени не говорила и в камере.

[†] См. ее фото в кн. «Архипелаг ГУЛАГ», том I.

Была Ирма очень мила внешне, изящна и прекрасная гимнастка, развлекавшая камеру всякими гимнастическими номерами.

Через год Ирма была привезена в психбольницу Николая Чудотворца на реке Пряжке (2-я психбольница). Врачам повелено было вызнать её имя или определить её как авантюристку-психа с тем, чтобы упрятать в исправительную детскую колонию.

Старший врач больницы Густав Густавович Рейц был великолепный психиатр-психолог. Имел серьёзную вдумчивую помощницу – свою жену – доктора Наталью Исидоровну Борейшу. Оба они вскоре привязались к очаровательной девочке. По воскресеньям, под предлогом более пристального за ней наблюдения, они брали Ирму под расписку из тюремного отделения больницы к себе домой на целый день; их квартира находилась при больнице. Наталия Исидоровна рассказывала, что Ирма поражала их тонким воспитанием, деликатностью, знанием европейских языков, игрой на рояле и тем, как изящно она танцевала. Но никакие мольбы раскрыть своё инкогнито на Ирму не действовали. Уговаривали её и Рейцы, и две пожилых сестры милосердия, к которым девочка очень привязалась. Только однажды, когда одна из этих сестер целовала девочку на ночь, Ирма сказала: «Когда никто не слышит, зовите меня тихонько Наташей, мне это будет приятно».

Известно было только, что Ирма и её родители были арестованы при попытке перейти румынскую границу. Мать крикнула: «Ни при каких обстоятельствах не говори, кто ты, не называй имени». Больше Ирма своих родителей не видела, но приказ матери свято блюла.

В те годы при больницах еще были открыты церкви, и ходячих больных водили на богослужения. Однажды Ирма отстала от своей группы, смешалась с прихожанами из города и сбежала.

Не помню, каким образом, но она добралась до Новгородской губернии в деревню, где жила её обожаемая старая няня. К сожалению, нашелся в деревне негодяй, который донёс на девочку в отделение ГПУ. Её забрали и с конвоиром отправили назад в больницу. Когда они ехали на извозчике вдоль речки Пряжки, Ирма высмотрела прорубь, выскочила из

саней и помчалась к проруби топиться. Солдат, побежавший сзади, в последнюю минуту схватил её за юбчёнку. С тех пор бедняжку стали держать в отдельной палате на 4-м этаже огромной мрачной больницы.

Прошло несколько месяцев. Ирма-Наташа вела себя тихо. Супруги Рейц мучительно искали выхода. Весь персонал полюбил Ирму, все старались облегчить её участь, хоть чем-нибудь побаловать девочку. Ирма принимала знаки внимания с трогательной благодарностью.

А весной разыгралось следующее. Ирма сплела из двух простыней жгуты, связала их вместе, надела на себя, вылезла в окошко, встала на выступе, повисла на жгутах и стала раскачиваться. Раскачавшись, прыгнула на высокую березу у изгороди. Она рассчитывала с березы перейти на изгородь и оттуда удрать за пределы больницы. Но она плохо рассчитала и угодила мимо березы. Внизу были каменные панели и Ирма расшиблась насмерть.

В гробу, в часовенке при церкви, юная раба Божья Наталия лежала спокойная и очень красивая. Кругом плакали сёстры и все, кто Наташу хоть немного знал. Что написали в медицинском заключении осталось неизвестным. А доктора Рейца затаскали для разговоров на Гороховую.

СОЛДАТИКИ

В 1920 году, когда войска под командованием Деникина⁺ походили к Петрограду и, казалось, вот-вот его окружат, я была в Москве в командировке от Гидрологического института. Движение поездов по Николаевской ж.д. прекратилось. Шли только воинские эшелоны и товарные поезда по военной надобности.

⁺ Если речь о Петрограде, то вернее 1919 г и наступление Юденича <издат.>.

Как мне вернуться домой к маме, я не знала. Бродила по Николаевскому вокзалу и горевала. На всякий случай обратилась к начальнику одного из воинских эшелонов, сказала ему, что я сестра милосердия, показала моё сестринское удостоверение и заверила, что смогу в случае надобности оказать первую помощь.

- Знакомых в эшелоне не имеете? – строго спросил меня начальник, заподозрив, вероятно, связь с кем-нибудь из едущих. Но моё «Нет!» прозвучало так искренне, что он улыбнулся и сказал:

- Ну, пошли! – и мы пошли вдоль состава. В одном вагоне солдаты сидели у раскрытых дверей и играли на гармошке. Выглядели они невероятно молодо. Начальник отозвал старшину, о чем-то с ним поговорил и снова подозвал меня.

- К этим ребятишкам пойдёшь? – спросил, перейдя на «ты». Я с улыбкой кивнула головой.

- Ну, полезай в вагон!

Ко мне из вагона потянулось несколько рук и вмиг втянули меня кверху. За мной впрыгнул старшина. Он сказал солдатам, что по распоряжению начальника сестра поедет с нами до Петрограда. Потом убрал с места в углу солдата и бросил на доски мой рюкзак.

- Располагайся, сестрица!

Это было для меня делом минуты. Потом началось моё знакомство с ребятами. Все они были ярко молоды, и несмотря на свои 18-20 лет напоминали подростков. Моё присутствие их, конечно, очень развлекало. Они меня без конца расспрашивали и про меня, и про мою семью, и про мою недавнюю работу на северном фронте. Я охотно рассказывала. А еще мы под гармошку пели...

Глядя на юные розовые лица, я подчас чувствовала себя учительницей, едущей со своими подопечными на экскурсию. Их всё интересовало. Я была для них оракулом, который хоть и подвирал маленечко, но умел их завлечь. Очень они интересовались Петроградом, в который, в большинстве, ехали впервые, и я разливалась соловьём, рассказывая историю города и про эпоху Петра – это я хоть знала!

Интеллигентных мальчиков на весь вагон было всего два. Они были грустны и молчаливы.

Ехали мы долго. На станциях стояли по несколько часов. Пили кипяток. При дележе приварка не обделяли и меня. Все были радушны, приветливы, добры, улыбчивы, мои желания ловили на лету. К концу третьего дня я их всех любила и ощущала, как братьев.

Немного не доезжая до пригородного местечка Колпино, поезд неожиданно остановился в лесочке. Раздалась команда выгружаться, и солдаты посыпались из вагонов. Из-за лесочка, издали доносилась стрельба. Старшина стал выстраивать и наших ребят. Выпрыгивая из вагона, многие успевали позвать мне руку. Один солдатик крикнул:

- Сестрица, идём с нами! Этот возглас подхватили многие.
- Идём, идём, сестрица! – услышала я со всех сторон.
- Нам с тобой и помирать будет веселее, идём!

Сердце моё оборвалось, в нём столкнулись нежность, боль, недоумение и... долг по отношению к своим близким в Петрограде. К кому? – К тем близким, которые будут убивать вот этих детей? Что делать? Где правда? Зачем всё это?

А тут еще подошел молчаливый интеллигентный мальчик и сказал: «Перекрестите меня».

И меня! – повторил кто-то из уже выстроившихся рядов. И тогда я стала размашисто крестить их всех, а им скомандовали бежать, и они бежали мимо меня с ружьями в руках и скрылись за леском.

Через несколько часов, добравшись до Петрограда на каком-то маневренном паровозе, я шла по улицам города к своему родному дому, а душа рвалась назад в Колпино к солдатикам Красной армии.

Наде 30.9.60

Фили

ВОСПОМИНАНИЯ «О САМОМ ПРОСТОМ» (Pro domo suo).

КАСЯ

Я не люблю кошек. Вернее я слишком люблю птиц, чтобы благоволить к их истребителям. Но это не означает того, что я могу причинить кошке вред действием. Напротив, я помогу ей, если она попадет в беду, но сделаю это из чувства долга перед животными вообще.

Моя нелюбовь к кошкам обострилась после того, как я увидела следующую картину:дохлая крыса лежала на спине лапами кверху, а крошечный котенок, величиной меньше крысы, лежал на ней, жадно прильнув всем своим крохотным тельцем, и неотрывно тянул из ее горла кровь. А котенок был сытый – из пекарни. Какое же это было отвратительное зрелище!

Петр Петрович⁺ разделял мое отношение к кошкам и даже хвастался тем, что юношей постреливал их из франкотки.

И все-таки нашелся один кот, который своими мягкими бархатными лапками сумел тихо и незаметно пробраться в наши сердца и занять в них прочное место на 14 лет.

Юридически кот был не наш, но это не помешало ему безраздельно отдать нам свое маленькое, чисто по-собачьи преданное, сердчишко.

Мы въехали в квартиру, где кот уже был у других жильцов. Мы не обращали на него никакого внимания и только беспокоились, не будет ли в квартире кошачьего запаха. Запаха не оказалось – кот был на редкость аккуратный.

- Молодец, - первый раз сказал по его адресу Петр Петрович.

+ П.П.Арапов

Масть у кота была тигровая, шерсть мягкая, мордочка круглая, взгляд умный. С собакой, у которой деды были фоксы, а родители дворяне, он жил в дружбе, ели и спали они вместе. Нам это понравилось!

Однажды, войдя в комнату, Петр Петрович сказал: - Кот сидит на краю раковины в кухне, ловит лапкой капающую из крана воду и лапу облизывает. Я ему открыл кран побольше и тогда он подста-вил морду и напился как следует. Презабавный кот и неглупый!

Вскоре было обнаружено, что кот совершенно не вор. Окно в кухне было местом, где кот сидел, когда все из квартиры уходили. И именно на этом окне я забыла кусок сырого мяса, завернутого в бумагу. Вернувшись домой часа через два, я обнаружила кота в его обычной позиции на окне, а рядом, совершенно нетронутым, соблазнительный пакет. С этого дня я подарила ему свое уважение и стала его подкармливать, так как его хозяева принадлежали к тем людям, которые не утруждают себя систематической заботой о своих животных, тот факт, что мы с Петром Петровичем частично взяли эту миссию на себя, их, по-моему, даже устраивал.

Кася
и Петр Петрович
Арапов
на обороте
надпись:
«Живодерка, зима
1937,
эпоха докторши и
автокурсов»

Кот понял это по-своему, совершенно логически зачислив и нас в свои хозяева. Он это выразил тем, что явился к нам в комнату, правда, в нерешительности остановившись на пороге.

– Ого, мы осмелели! – заметил Петр Петрович. – Иди, кис-кис, ладно уж!

С того дня кот стал являться к нам все чаще и чаще. Ему нравились мягкие кресла, большое, залитое солнцем окно, а может быть и сами хозяева немножко нравились – кто ж его знает!

Следующим смелым шагом кота были его заигрывания с Петром Петровичем, когда тот шел по коридору. Делалось это так: кот прятался за дверь или за ящики и, когда Петр Петрович проходил мимо, выскакивал из своей засады с какой-то отчаянной рожей, повисал у П.П. на ноге (на краге или сапоге) и так “ехал” до кухни. Первый раз, когда это случилось, П.П. от неожиданности даже испугался.

Постепенно игры стали усложняться. Так, П.П. сажал кота на высокий платяной шкаф в передней, отходил немного от шкафа, протягивал коту руки и звал – кис-кис! Кот не с первого раза решился прыгнуть, но раз решившись и поняв, что его не подведут и поймают, вошел во вкус и вскоре “номер” стал демонстрироваться всем, желающим его посмотреть. Другим номером было прыгание кота через протянутую длинную ногу Петра Петровича.

Я тоже однажды выступила в роли педагога, научив способного ученика номеру, перед которым побледнели все номера с Петром Петровичем. Плеврит продержал меня в постели целый месяц, и все это время я ежедневно подолгу учила кота давать лапку. Далось ему это не без труда, но к концу месяца он делал это так небрежно, запросто, походя, что всегда вызывал смех или улыбку, потому что, право же, давать лапу совсем не кошачье дело, а сугубо собачье, и потому всегда смешило своей противоестественностью. С тех пор, уходя из дому, мы всегда жали коту лапку, и не было случая, чтобы он в ней кому-либо отказал.

Однажды, войдя в комнату, я увидела, как Петр Петрович, взяв кота на руки, щекочет ему под подбородком и что-то ласково приговаривает.

- Ага, Петруша, стареешь, с кошечкой балуешься! - не без ехидства заметила я.

- Тьфу! до чего ж глупая! – в сердцах воскликнул П.П.

В ту пору было коту два года, а клички ему от его законных хозяев все еще не было дано. У нас же он из “кис-кис” как-то пере-делался на “КАСЮ” и с этим именем просуществовал до самой смерти.

Трагический случай, едва не стоивший коту жизни, окончательно раскрыл наши сердца Касе, мы перестали подтрунивать друг над другом и наперебой выражали коту нашу любовь. Сидя на нашем окне, Кася всегда нервничал, когда подростки во дворе гоняли голубей и стайки пролетали мимо нашего 4-го этажа. Кася вздрагивал и тянулся им вслед. В тот несчастный день он, в азарте, не рассчитал своего движения и вывалился из окна. Случилось это вечером, мы были дома и всё видели. Петр Петрович ахнул, вскочил, схватил с дивана подушку и, перескакивая через несколько ступеней, помчался вниз. Я осталась в дверях и старалась утешить себя мыслью, что коты, падая с высоты, не разбиваются.

Кася остался жив, но видимо, отшиб себе внутренности, так как долго не мог ходить. Он лежал в мягких подушках и первые дни, поворачиваясь, громко стонал. Мы меняли ему компрессы, кормили любимыми вещами, поднося блюдечко к носу, но он почти ничего долго не ел. Когда же ему требовалось идти к своему песочку в коридоре, он это проделывал, отчаянно стелая, но на руки нам не давался.

До своей болезни Кася никогда не осмеливался прыгнуть на колени, а также на постель, он прекрасно знал свое место: окно и два кресла. Вольности дворянские, которые даровались ему весьма постепенно и скупно, за время болезни были предоставлены ему все. Поправившись, он, естественно, не захотел с ними расстаться. Теперь Кася допускался в комнату во время обеда. Он садился на ручку кресла, в котором сидел Петр Петрович, сидел тихо, скромно и лишь иногда, раздраженный вкусным запахом, не выдерживал и клал лапку на обшлаг П.П.; лакомый кусок миниатюрных размеров он брал прямо из рук,

никогда не опускал его на кресло, а глотал – так он был приучен; за редкое же нарушение получал щелчок по носу.

В одну из зим за те года ко мне чудесным и роковым образом приставали бездомные собаки. За зиму и весну мне удалось пристроить в хорошие руки шесть собак. То их увозила молочница, то знакомые себе на дачу, а вот одна собачка задержалась и жила у нас с месяц. Кася ее явно невзлюбил, но держался благородно и в драку не лез, хотя пес был тщедушный. Была у пса плохая привычка пачкать в комнате (он был явно дворовый). Более или менее я его от этого отучила, но не совсем. И вот, когда я однажды обнаружила, что под роялем опять лужа, я не выдержала и начала пса лупить. Кася сидел на окне. Вдруг он сорвался, подбежал к моей жертве, сел и начал давать ей оплеухи! Это было столь неожиданно, что я окаменела, а собака взвыла. Конечно, я Касю оттащила, но каков тип? Увидав, что я бью пса, он решил, что и ему дозволено принять участие в хозяйской расправе!

В наше отсутствие Кася всегда сидел на окне в кухне. Коридор одним концом упирался в прихожую, а другим в кухню и окно было напротив двери. Услыхав, что кто-то отмыкает замок, Кася поворачивал голову и смотрел, кто входит. Если это был П.П. или я, он соскакивал с окна на пол и галопом несся нам навстречу. Других жильцов он не встречал, изредка не встречал меня, но к П.П. бежал неукоснительно. У них была взаимная страстная любовь! Кася с ходу смешно подпрыгивал прямо в протянутые руки П.П., а П.П. переворачивал его на спину, держал лежачим, как обычно держат маленьких детей, и так они расхаживали минуты две-три по прихожей или комнате. Как-то раз, подойдя к ним позади головы лежачего кота, я сказала: - Кася, дай лапку! и он с рук П.П. протянул мне лапу назад, закинув ее за собственную голову. Это привело нас в восторг, стало повторяться и вскоре тоже сделалось предметом показа знакомым, разделявшим нашу слабость к Касе. Со мной П.П. здоровался лишь после того, как спускал Касю с рук. Я не обижалась – само собой разумеется, что Касе первому полагалось получать дань любви и ласки! Поздоровавшись со

мной, П.П. уходил мыть руки, а кот сразу отправлялся на ручку кресла, прекрасно понимая, что сейчас будет подан обед.

Наша дверь со стороны передней была утеплена и обита клеенкой. Иногда, когда Кася царапался в дверь, а мне было лень или некогда идти ему открывать, он вцеплялся в край клеенки, тянул ее на себя и дверь открывал. Войдя, он не смотрел в мою сторону, а шел прямо на окно; и даже, если я приглашала его к себе на колени самым заискивающим тоном и ласковыми словами, он не сдавался.

Кася был трус. Он боялся двора и улицы. Дверь на лестницу могла оставаться открытой настежь очень долго, - он из квартиры не выходил ни на шаг. Я как-то попробовала вынести его на улицу. Пока мы спускались с лестницы, он все 4 этажа вырывался из рук, но и тут не выпустил коготков. Во дворе же, когда я его спустила на землю, он со всех ног побежал назад в дом и по лестнице наверх домой.

В 1941 году, во время бомбежек, Кася забирался за стульчак в уборной и там отсиживался до отбоя. Мы решили, что на даче Касе будет спокойнее, и увезли его к знакомым в Пушкино. Там он сразу забился под диван, и мы уехали не простившись. Дней через 8-10 мы поехали его навестить. Хозяйка дачи встретила нас словами: - Как хорошо, что вы приехали! Я боюсь, что ваш кот умрет с голоду, он влез в слуховое окно и все время сидит под домом, ест ли он то, что я ему туда бросаю – я не знаю!

Мы поспешили к Касе, наклонившись к слуховому окну, и увидели горящие зеленью глаза. Я тихо сказала:- Кася!- И вдруг он метнулся к нам, я едва успела отклониться, когда он выскакивал, но он все-таки как-то зацепился за мою грудь и прильнул ко мне, жалобно мяуча. Я посмотрела на Петра Петровича и увидела у него на глазах слезы. Не знаю, что он увидел на моих. Потом П.П. взял кота на руки и тут Кася оскандалился – пустил струйку!

Мы увезли Касю в Москву. Дня три он много ел, много спал. Худоба его стала проходить.

В сентябре я уехала на Байкал, Петр Петрович был мобилизован, соседи эвакуировались. В квартире остался из семьи соседней один молодой мужчина, который обещал кормить Касю по мере сил. Человек он был добрый, и я верила в его хорошие намерения, а вот в возможности не верила – ведь время было военное... На Касину удачу Петр Петрович полтора года ведал авто-дорогой Москва-Ярославль, штаб его дороги помещался близко от Москвы в Лоси и, если П.П. был не в отъезде, он частенько навещался домой на автомашине или мотоцикле. Он привозил Касе пищу в запас и еще, как приложение, букет травы, которую едят коты. –“Ведь Касе нужны витамины, вот я и вожу ему, помимо еды, еще и травку. Если б знала ты, как он мне каждый раз радуется и как невыносимо жалобно плачет, когда я спускаюсь с лестницы, а он за дверью остается один,” – писал мне П.П. на Байкал.

Так, соединенными усилиями Петра Петровича и соседа, Кася выжил в самую страшную московскую годину.

Когда в 1942 году Петр Петрович уезжал в Иран, все наши соседи уже вернулись из эвакуации домой, и за кота можно было меньше беспокоиться.

А еще через год, в январе 1944 г. вернулась в Москву и я, правда, всего лишь проездом в Иран. Касю я застала в виде удовлетворительном.

Когда я вошла в прихожую, Кася сидел в кухне на окне, но он не обернулся, как это делал раньше. Он не шелохнулся и тогда, когда я вошла в кухню, а я подбежала к окну, схватила его на руки, и тут началось нечто невообразимое! Кася издал не поддающийся описанию звук, похожий на громкий хрип, поднялся на мое плечо и стал ходить вокруг моей головы и о нее тереться со всех сторон. Я закрыла глаза и терпела, пока моя старая тетушка⁺, вывезенная мной из эвакуации с Урала, не воскликнула:

- Да будет уж вам, ведь уж раз двадцать он обошел твою голову!

Я засмеялась и, спустив Касю с плеча на руки, положила его на спину, как это делал с ним раньше Петр Петрович, а Кася зажмурился и замер – счастье вернулось!

⁺ Н.А.Воронцова-Вельяминова.

В первые дни моего пребывания в Москве Кася не до конца поверил в то, что я вернулась прочно – видимо, он помнил вероломные, с его точки зрения, наезды Петра Петровича в первый год войны. Когда я уходила из дому, он провожал меня “плачем”, т.е. надрывным мяуканием, который я слышала до нижнего этажа. Без меня он не шел в кухню на свое обычное место на окне, а оставался в прихожей на коврике у дверей и так сидел до моего возвращения.

Когда и я уехала в Иран, Кася остался на попечении тетушки, которая после своей эвакуации не вернулась в Ленинград, а осталась у нас в Москве. Теперь, через много лет, могу сознаться, что, уговаривая старушку остаться в нашей квартире в Москве, я имела в виду не только то, что ей здесь будет удобнее и сытнее, потому что мы будем посылать ей подкрепление с нашими летчиками, - я имела в виду и то, что это благополучие коснется и Каси.

Так оно и вышло. Кася при старушке жил может быть даже лучше, чем при нас. Она в нем души не чаяла, а он – уже старичок – не сходил с ее колен. На исходе двух лет Кася почти ослеп и очень ослабел. Тетушка с печалью писала нам об этом в Иран.

Вернувшись домой, мы Касю еще застали. Ему было тогда лет пятнадцать. А еще через три месяца кот ушел во двор... умирать! Собаки и кошки, чувствуя приближение своего конца, очень часто уходят из дома куда-нибудь в укромное место и там умирают. В этом их скромность, великодушие, благородство. Но как Кася – слепой и никогда не спускавшийся с 4-го этажа – как мог он решиться на такой шаг? Любящий и любимый кот ушел из жизни никого не потревожив.

ТЮТЬКА И БАЙКАЛ

Когда я ехала в 1941 году в эвакуацию на Байкал, я мечтала приобрести себе породистую сибирскую лайку, а когда через два с половиной года я ехала в Иран, я думала о приятной встрече с персидскими кошками и персидской сиренью. О провале этих скромных желаний я напишу для назидания потомству.

В сентябре 1941 года я вышла из поезда на станции Байкал, за 25 минут пересекла залив на пароходике и сошла в селе Лиственичном, чтобы прожить в нем около 2-х лет, но тогда я не знала этого срока – ведь войну считали кратковременной...

Приехала я в Лиственичное или Листвянку, как укороченно звали байкальцы свое огромное село, - работать на Байкальскую лимнологическую станцию Академии наук. Бытовые условия у сотрудников академической станции были очень хорошие. Меня поселили в комнату с кухонькой, сенями, чуланом и отдельным крыльцом; одно из моих трех окон открывало вид на байкальские бескрайние дали. Я устроилась уютно. Недоставало только лайки!

На следующий день я пошла к старому охотнику Беспалову, моему знакомому с первой поездки на Байкал в 1929 году.

Алексей Акимович, услышав о моей мечте о лайке, засмеялся и сказал:

- Это ты, дорогая, брось! Лайка, да еще породистая, - большая редкость, а стоит она, ух, как дорого! Вот приходи почаще ко мне, да и балуйся с моими двумя.

Так я стала жить без лайки.

Однажды, когда я шла по бесконечной пяти-километровой улице Листвянки с домами в один ряд, смотрящими на Байкал, я увидела лохматый шар, катавшийся в пыли. Подойдя поближе, я разглядела, что шар состоит из двух, сцепившихся в драке, маленьких шавок. Я их розняла пинком ноги, один с плачем убежал в ближайшую подворотню, очевидно, домой, другой

рыжий, с перепачканной задорной мордочкой, воззрелся на меня умным, зорким взглядом и вдруг весело замахал хвостом.

- Эх, ты, Тютька,- сказала я и, наклонившись, погладила его густую шубку.

Я пошла дальше, а пес пошел меня провожать, вошел со мной в калитку академической станции, взобрался по четырем ступенькам моего крыльца и сел, пока я отмыкала дверь. Тут я совершила ошибку – я пригласила его в гости и сытно накормила. Поев, пес расположился спать на коврике у дверей.

- Ээ, нет, Тютька, этот номер не пройдет! Отправляйся домой к своим хозяевам, - сказала ему я и выпроводила на улицу. Он ушел, а вечером, часа через три вернулся и стал лаять под дверь. С полчаса я сохраняла неприступность, но отчаянно звонкий лай надоел мне, я открыла дверь и произнесла следующую тираду - помню ее дословно:

- Слушай, дружок, если я нравлюсь тебе больше твоих хозяев, это еще не значит, что я тебя возьму. Мне нужна лайка, породистая и красивая, понимаешь? Неужели же я заменю ее такой образиной, как ты, да еще рыжей?

Подлец Тютька завилал своим пушистым помелом, значительно объемистее того инструмента, которым чистят ламповые стекла, и лизнул мне руку – он решительно считал, что может заменить лайку, тем более, что среди его предков, если судить по густоте и длине его шерсти, они вероятно были. Но я взяла себя в руки, проводила Тютьку за ограду и довольно грубо прогнала.

На следующий день я встретила Тютьку по дороге к Алексею Акимовичу. Опять он подбежал ко мне со своим радостным звонким лаем и пошел провожать. Метров за 100, учуяв, вероятно, лаек, он остановился, сел и стал глядеть мне вслед. Калитку отпер Алексей Акимович, сзади него, повизгивали лайки “Находка” и “Боц”, знавшие, что в моих карманах всегда лежит для них лакомство. Я попросила А.А. выйти за калитку на улицу и, показав на сидящего посреди дороги, метрах в 100, Тютьку, поведала ему, что этот рыжий

экземпляр ходит за мной сутки лишь за то, что я имела неосторожность его погладить.

- А он, Наташенька, бездомный – вот и ходит за тобой за твою ласку. Хозяин его был столяр на верфи. Собачка от него ни на шаг не отставала, и на работе с ним была, на стружках под верстаком спала. А потом хозяина выслали на три года по пьяному делу, скоро уж ему верно срок кончается, а собачка все эти годы по Листвянке ходит, да нивесть чем питается, люди иногда что-нибудь бросают, и я тоже, жалею его, потому что уж очень он по хозяину убивался, долго выл. Вот сделай доброе дело, возьми его к себе, вместо лайки-то.

И старик засмеялся, до того ему показалась забавной мысль о возможности такой замены.

Сверху, слева направо: Людмила Федоровна и Тамара Борисовна Форш, Нат. Милиевна, Тютька и др.

Так подшутила надо мной судьба, подсунув мне вместо породистой лайки беспородного маленького пса, такого низкого, что, казалось, он волочил пузо по земле. Я еще несколько дней сопротивлялась, но настойчивость Тютьки не знала пределов; голод не тетка – будешь настойчивым. Кроме того, был у Тютьки очень веселый нрав и не было в нем обидчивости, он кротко сносил порку, умел слушать человеческие речи, меняя при этом

выражение глаз, т.е. делая вид, что всё понимает. Многое до него лично касавшееся, он и вправду понимал, а остальное слушал из врожденной вежливости, и в моем одиночестве по вечерам это меня вполне устраивало. Пороть его пришлось несколько раз за воровство; немудрено, конечно, что он ему научился за 2 с половиной года бездомной жизни. После 4-5 крепких порок Тютюка перестал воровать у меня и у Володи Леванидова - единственного, кроме меня, сотрудника станции, который Тютюку ласкал и угощал. За целость еды у других сотрудников я, все-таки, ручаться не могла. Однажды Тютюка столь классически спёр прямо со сковородки на примусе горячую котлету, что хозяйка (Люд. Фед. Форш) только руками развела и засмеялась. Очень пёс ловок был! Однажды, в первые дни нашего сожителства, я увидела через окно с улицы, что Тютюка стоит на трех лапах на кухонном столе, а четвертой лапой старается сбросить что-то с полки на стол.

Время от времени Тютюка куда-то исчезал - то ли по привычке к бродяжничеству, то ли навещал двуногих и четвероногих друзей. Но скоро он перестал отлучаться и ходил за мной тенью.

Вечера мы проводили уютно. Долго и упорно топили печку листовичными дровами - красивыми дровами шафранного цвета; сгорая, они так звонко потрескивали, словно кто-то раскалывал орехи. Я сидела перед горячей печкой на низеньком креслице, случайно купленном мною в Иркутске. Тютюка ложился у моих ног, а по мере усиливавшегося жара – отодвигался в сторону, как-то боком, очень смешно, не вставая. Я приносила из чулана мороженую крупную, темнокрасную, отдававшую в черноту, бруснику; со звуком, словно они деревянные, ягоды рассыпались по столу; очень приятно было есть эти льдистые кусочки перед пылающей печкой. Тютюка из вежливости тоже проглатывал иногда 2-3 ягодки, а если случайно ягоду раскусывал, от кислоты ее сморщивал смешную рожу и мотал головой.

Перед сном мы на полчаса уходили пройтись. Зимой шли напрямик по Байкалу. В лунные ночи было особенно хорошо. Отойдя, примерно, за километр, я останавливалась и несколько минут любовалась горами вдоль берега, мерцавшими звездами и огоньками в окнах листовичских изб. Тютюка носился по льду.

как оголтелый. Наши вечерние прогулки были ему очень по душе и вызывали буйное веселье.

Днем, во время работы, в помещении лаборатории Тютька забирался в корзину для бумаг под моим столом и там мирно спал или просто лежал. Приказу не шляться по лаборатории он подчинился. Очень он боялся директора станции (Г.Ю.Верещагина), с которым я была в крепких неладах. Неужели пёс это чувствовал и боялся Глеба Юрьевича вместе со мной?

Если я выходила из лаборатории по делам, Тютька шел за мной. Как полагается на матушке Руси, все уборные были не в домиках, а на отшибе. Все сотрудники знали, когда я удалялась в это “учреждение”, потому что Тютька провожал меня туда и сидел под дверью, пока я не выходила.

Когда я уезжала в командировку в Иркутск, Слюдянку и другие места, Тютька провожал меня на пристань. Входила я на пароход лишь тогда, когда матросы начинали убирать сходни, потому что иначе Тютька, дав мне уйти, минуты через две хитро пробирался на пароход, таясь между ногами входящих пассажиров. Один раз он все же обманул меня, спрятавшись под лавку на палубе и таким образом прокатился до железнодорожной пристани. Я упростила матросов запереть его в их каюте, увезти обратно и выпустить в Листвянке. Пока я день или два отсутствовала, Тютька встречал все пароходы, убегая на пристань как только раздавались пароходные гудки. При виде меня заливался счастливым лаем и лаял все 5 минут, пока я шла до дому. - “Наталья Милиевна приехала, - говорили сотрудники станции, - Тютька как бешеный заливается!” Зимой я ездила 7 км до станции в розвальнях, и тут уж Тютька провожал меня до самого конца, а после отхода поезда, поняв, что я безнадежно уехала, покорно шел за кучером Васей к саням и ехал обратно, забравшись в тепло моего тулупа. Ясно вспоминаются две смешные фигуры: молодого, но хромого (что избавило его от фронта) Ваську с ушанкой, залихватски одетой на одно ухо на манер московских модниц, носивших так берет, а у ног Васьки рыжую, лохматую, вертлявую собачку.

В гости к Алексею Акимовичу я ходила почти каждый день. Тютька, боясь лаек, отставал от меня метров за 100 от калитки.

Иной раз я засиживалась за самоваром со старичками очень долго – часа два-три, и не было случая, чтобы Тютка совсем ушел. Когда я шла обратно, он появлялся то из одного места, то из другого, чаще всего из сеней баньки, стоявшей наискосок от дома стариков на самом берегу Байкала. Там Тютке было тепло поджидать меня и видна калитка.

Прошла осень, зима, уплыли в “море” последние айсберги, весна была в разгаре, я приносила из лесу бархатные анемоны – желтые, синие, белые; весь высокий скалистый берег Листвянки стал лиловым – цвел багульник; описать это лиловое буйство невозможно – надо его видеть!

На фоне весенней красы чуть не разыгралось повторение драматического рассказа Джека Лондона “Волк”. В нем потерявшаяся овчарка подобрана добрыми людьми – мужем и женой, полюбила их и любима ими, а через несколько лет уходит все же за своим первым хозяином, неожиданно приехавшим в те места. Герои рассказа дают собаке право выбора – оставаться или уйти; собака мечется между новыми хозяевами и старым и, наконец, с плачем бежит за первым хозяином.

“Собачье сердце устроено так:
полюбило – значит навек...”

(В.Инбер)

Итак, была весна, когда я услышала о возвращении в Листвянку тюткиного хозяина. Сердце у меня ёкнуло при мысли, что я могу Тютки лишиться.

Прошло несколько дней. Я была дома, Тютка где-то шатался. И вот, я увидела в окно, что к моему крыльцу идет небольшого роста пожилой мужичок в телогрейке, а вокруг него прыгает и заливаётся счастливым лаем Тютка.

- Идет сказать мне, что забирает своего пса, - подумала я.

Они вошли, и я первая сказала гостю о своей догадке.

- Точно, Наталия Мильевна, - сказал он и добавил, - а я всё уже о вас узнал.

Тютка смотрел на нас сияющими глазами – оба его бога были вместе и дружески пожимали друг другу руки. Я пригласила гостя сесть, угостила его чем Бог послал;

хозяйничая видела, как он ко всему внимательно присматривается. Тютке я нарочно дала что-то в его миску, чтобы хозяин видел, что у пса своя посуда, а указав на кресло сказала, что тут Тютка спит. Мы сидели больше часа, я выслушала немудреную историю жизни своего гостя и слегка прикрашенный эпизод с его высылкой. Выйдя из лагеря мой рассказчик устроился там же, за зоной, на плотничью работу, а в Листвянку приехал за своими вещами.

– Может быть не решится взять Тютку с собой так далеко? – с надеждой подумала я. А он, между тем, продолжал:

- Хотел я и Волчка с собой взять – уж очень веселая псина, да вижу, как ему у вас хорошо – вишь, как разжирел! – пусть остается.

Тут я опять вспомнила Джека Лондона, решила свеликодушничать и судьбу испытать.

- Он сам решит, с кем ему быть, - сказала я, - мы пойдем до калитки и, если он пойдет за вами, - забирайте его! Гость мой ничего не ответил и стал одеваться. Вышли. Тютка, не в пример своей привычке бежать сразу вперед, шел у ног хозяина.

- Уйдет, - подумала я. У калитки остановились, простились. Хозяин Тютки-Волчка присел на корточки, несколько раз его погладил (Тютка успел лизнуть его в лицо), а потом строго сказал:

- А ну! Марш домой! – и стал быстро уходить. Тютка смотрел ему вслед. Еще раз обернулся хозяин и крикнул:

- Кому я сказал? Домой! Я тебя! – и замахнулся рукой.

Тютка опустил свою пушистую метелку и волоча ее между задних ног, поплелся к дому. Я шла сзади сияющая. Дома он прыгнул в свое детское креслице и долго лежал не засыпая. Ждал ли он хозяина или понял, что тот ушел совсем? Вернее, что объединив нас воедино, поджидал его.

Вечером я пошла гулять наверх, в гору, чтоб Тютке не повадно было обнюхивать следы ушедшего.

На следующее утро я узнала, что хозяин Тютки-Волчка уехал рано утром.

И потекла наша жизнь снова. С утра Тютка будил меня; спрыгнув со своего креслица, подходил к моей кровати,

становился лапками на ее край и тихо тьявкал; если я не просыпалась или делала вид, что сплю, тьявканье переходило в звонкий лай с попытками лизнуть меня в лицо.

Потом мы завтракали, шли в лабораторию и по всяким делам станции по Листвянке. Вечером топили печку, гуляли. Все это благоденствие продолжалось 10 месяцев. А потом я уехала!

Я уехала на Урал выручать оттуда старую тетку из эвакуации, а Тютюку предала... По условиям военного времени нечего было и думать о том, чтобы взять собаку с собой в вагон. Кроме того, я не знала, что ждет меня на Урале. Собака связала бы меня по рукам и ногам.

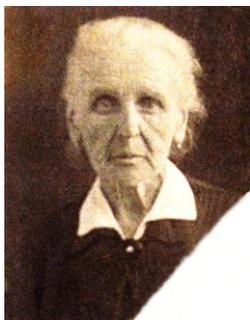
С Володи Леванидова я взяла слово, что он будет Тютюку кормить, и некоторые другие сотрудники обещали подкармливать его по мере возможности.

Когда я укладывалась, Тютюка перелезал из одного открытого чемодана в другой и в них уютно располагался. Он этим словно просил взять его с собой. Все три дня, что шли сборы, он ходил с грустью в глазах, часто опускал хвост и один раз даже повыл. Мне он раздирал сердце и последние две ночи я разрешила ему спать у себя в ногах. В минуту отъезда я взяла его на руки, расцеловала, заперла в квартире Володи и побежала к саням.

Долго еще болело у меня сердце по Тютюке, часто я его видела во сне, а когда утром просыпалась, думала о том, как уютно было бы запустить руку в его густую теплую шерстку и услышать веселый задорный лай.

Тютюка прожил на свете еще три года, добровольно неся охрану лимнологической станции, а потом его застрелил один жадный местный житель, соблазнившись хорошим мехом.

Спасибо тебе, Тютюка, за то, что ты мне скрасил дни в эвакуации, когда о многом и многом так сильно болела душа!

ГУСЬ И УРАЛ

В 1943 году, волею судеб, я попала в забытый Богом край - деревню в 70 км от г.Кунгура. В эту деревню Ермолино, по чьему-то “мудрому” повелению был завезен эшелон ленинградских дистрофиков, хотя было широко известно, что Молотовская обл. (Пермская то ж) неблагополучна по сдаче хлеба, и 6 районов области, не сдавшие нужного количества зерна, сидят без единой крошки хлеба.

Моя тетушка-старушка⁺ угодила при эвакуации из Ленинграда как раз в такой район. Правда, эвакуированным давали по 200 гр хлеба в день, но каково было нести эти граммы под взглядами детворы, толпившейся возле лавочки в тщетной надежде на чье-нибудь угощение! Тетушка рассказала мне, что когда санный обоз приехал в деревню Ермолино, куда была назначена очередная партия эвакуированных, она продолжала спокойно лежать в своих розвальнях в ожидании пока ее куда-нибудь направит сопровождающее обоз начальство. Колхозники Ермолина ходили вдоль обоза, рассматривая привезенных; некоторые сочувственно качали головами, некоторые ворчали – ведь им самим было почти нечего есть, а тут еще изголодавшиеся квартиранты из ленинградской блокады, которые будут смотреть им в рот. К тетушке наклонилась пожилая, приятная женщина, улыбнулась и сказала:

- А вот эту беленькую старушку я никому не отдам.

⁺ Надежда Адриановна Аничкова, фото – сразу послеблокадное.

Не раз помогало тетушке в жизни ее обаяние, помогло оно ей и на этот раз. Она попала в избу к Матрене Степановне и ее невестке, живших довольно зажиточно. Они отпаивали старушку молоком, угощали мёдом и когда через два месяца я приехала с Байкала, я застала тетушку уже на ногах. В избу я прошла по траншее, вырытой в снегу, изба была занесена снегом по самые окна, подушка снега утепляла избу. В избе было довольно чисто, поскольку может быть чисто, если в ней живет и птица и козленок. Матрена сразу предупредила меня, чтобы я не подходила к клетухе с гусем, потому что злой самец вытянет шею и очень больно клюнет. Козленок между тем, подбежал к тетушке и прижался к ее ноге: – Это мой любимец и мое утешение, - села на лавку и взяла козленка на колени.

Вот в таком двуногом и четвероногом семействе суждено мне было прожить 11 месяцев. Они пролетели незаметно в физическом труде и душевном покое, потому что Матрена Степановна и ее 37-летняя невестка Нюра оказались прекрасными женщинами, ну а животные, если их любить, ценить и понимать, скрашивают жизнь лучше, чем люди.

Кроме гусей, кур, уток, козлёнка и двух кошек, у Матрены Степановны были две коровы, телка и три овцы.

Жизнь наша была примитивна, но душевна и ласкова. Я отдыхала после напряженной атмосферы академической станции на Байкале, где, благодаря чрезвычайно сложному и тяжелому характеру чл. корр. Ак. Наук Верещагина, достойному пера Достоевского и никак не ниже, воздух всегда был словно накалён и гнёт сильной деспотической личности давил всех сотрудников.

В Ермолине все было просто и ясно, а испещренная холмами местность с небольшими хвойными, главным образом пихтовыми лесами и вёрткими речками – была живописна и казалась уютной после байкальских величественных гор, скал и необозримых водных просторов.

Матрена была неграмотна, Нюра с трудом читала и писала; она работала продавщицей лавочки в трех км от нас, хозяйство же вела Матрена. Сын Матрены Ст. – Миша был мужем Нюры; он был на фронте. Хитрости и жадности в этих

женщинах не было совсем -явление весьма редкое в их среде! Обе были умны, памятьливы, наблюдательны и ... веселы! Последнее меня особенно устраивало. Втроем мы успешно "разбивали" тетушкины страдания по поводу и без повода; ей – стопроцентной горожанке, не мыслящей жизни вне условий цивилизации конечно было тяжело. Матрена уступила ей свою кровать, сама перебралась на печку, а мы с Нюрой спали на полатах. Иногда проснувшись ночью и не видя Нюры рядом с собой, я смотрела вниз и видела, как они с Матреной стояли на коленях перед иконой и молились за своего обожаемого Мишеньку. Это бывало часто и длилось не меньше часа. Матрена была очень религиозна. Перед каждым делом – посадкой хлебов в печь, дойкой коровы и т.д., она произносила: "Господи, благослови!" и звучали эти слова не формально, а исходили из нутра. В конце зимы Матрена ежегодно уходила пешком за 70 км в гор. Лысьву, чтобы побывать у всенощной, у обедни и, по возможности, причаститься. Ближе церкви не было, ну а транспорта тоже не было.

Наречье, на котором говорят жители между Кунгуром и Лысьвой, вероятно, самое тарабарское из всех русских наречий. Первое время я многого не понимала. Догадайтесь, например, что "лопатина" – пальто, "ческа" – игрушка, "губы" – грибы... В сказах Бажова "Малахитовая шкатулка" несколько сказов написаны на этом наречии. У Даля в предисловии, где он описывает русские наречия, "Уральский" язык не числится, что весьма удивительно. За одиннадцать месяцев жизни в Ермолине я записала 450 слов и выражений. К сожалению, мои записи были варварски сожжены на Лубянке в 1949 г. во время моего там "сидения". Вот несколько прелестных выражений, которые употребляют вежливые уральцы. "Беленько вам!" говорят они, если, войдя в избу, видят, что хозяйка стирает. Если же хозяйка стряпает, она слышит: "Спорина в стряпню!", т.е. пусть спорится, ладится твоя стряпня. Уходя из гостей, кланяются и говорят: "Бывайте отгацивать!"

Чем не хороший тон?

Первые дни я половины не понимала из того, что говорили окружающие, но быстро весь этот жаргон освоила и стала говорить на нем к недовольству тетушки. Многим я шокировала

старушку, и теперь, когда ее нет в живых, мне стыдно, что я ей ни в чем не уступала. Тетушка говорила всем “вы”. Матрену она величала по имени и отчеству, я же говорила всем “ты”, заметив, что в этом медвежьем углу “вы” употребляют во время недоразумений, как нечто холодное и отчужденное.

Однажды Матрена сказала мне:

- Наташа! ай-да-те навоз возить, мне в колхозе лошадь дали!

- Ай-да-те! Воскликнула я, вскакивая.

Тетушка всплеснула руками!

- Наташечка, ты же вся пропахнешь и чем ты его будешь брать?

- Вилами.

- Да ты не сумеешь!

Я засмеялась. В сумерках я вернулась усталая, покрасневшая, довольная – сделали мы много. Тетушка покачала головой и сказала:

- Казалось мне весь месяц, будто ты представляешься, что все тебе здесь нравится, хочешь, чтобы я не терзалась, что из-за меня ты бросила комфорт на Байкале. Но мне начинает казаться будто тебе и впрямь все по душе – удивительный ты человек!

С этого дня тетушка стала меньше терзаться.

Керосина у нас было очень мало. Изредка Нюра доставала бутылку с МТС, да я привезла с Байкала 4 литровых бутылки, залив пробки каким-то лабораторным зельем так плотно, что ни одна капля не просочилась и они благополучно проделали долгий путь, лёжа в моем белье.

По вечерам лампа зажигалась на один час. На низкий стол под висячей лампой ставилось тютюкино раскладное креслице - я привезла его с собой – и я в него садилась, чтобы быть ближе к тусклому свету, и читала вслух. Начала я со сказок Пушкина. Матрена и Нюра слушали затаив дыхание. Когда все были прочитаны, Матрена попросила повторить, и мы в несколько вечеров прочитали их вторично. Я заметила, читая некоторые места, что губы у Матрены шевелятся – она повторяла про себя то, что ей особенно нравилось. Когда кончался час, отведенный чтению, я слезала со своего постамента, лампочка тушилась и

зажигалась лучина. Матрена и Нюра пряли, тетушка раскладывала пасьянсы, я заготавливала лучину на следующий день ... по очереди с Матреной мы что-нибудь рассказывали, и я записывала в блокнот местные слова. Засидевшись и желая размяться, Нюрка – сильная, плотная бабёнка – спихивала меня на пол, и мы с ней катались и боролись, как два щенка. Конечно к ужасу тетушки, хотя и затаённому.

Так уютно проводили мы долгие зимние вечера в нашей занесенной снегом избе.

После Пушкина я прочитала им “Конька-Горбунка”, случайно купленного мной в Иркутске. Ершов уроженец Урала и в его гениальном “Коньке” много уральских словечек и оборотов. Эта вещь дошла до самых глубин в души моих хозяек. Я читала им “Конька Горбунка” “до седьмого пота”, они запомнили целые страницы наизусть и очень уместно вставляли потом в свою речь некоторые выражения Ершова. Когда мы уезжали, я им “Конька Горбунка” подарила.

В конце марта, т.е. через два почти месяца, как я приехала в Ермолино, я прочла в местной газете, что в Молотове (Перми) идет документальный фильм об Иране. Мне захотелось посмотреть страну, где находится Петр Петрович и куда, возможно, попаду и я. Я объявила тетушке, что уйду пешком в Кунгур (ок. 70 км), проеду 120 км до города в поезде, чтобы посмотреть фильм об Иране. Тетушка рассердилась и воспротивилась, почтя затею сумасшествием (так оно по существу и было). Неподалеку от нас жили две сестры ленинградки, эвакуированные в Ермолино со своими маленькими сыновьями. Соня занималась фотографией, брала за карточки снедь и жили они не плохо. Я была дружна с Ниной – 40-летней культурной и милой женщиной. Сагитировать ее на поход в Пермь оказалось нетрудным. Мы добрались до Кунгура с обозом, который ехал порожняком. Мы, то ехали в розвальнях, то шли пешком рядом с ними. В местный поезд втиснулись, как в трамвай первых лет революции, добрых полчаса провисев на подножке. В Перми посмотрели не только желанный мною фильм, но и в театре “Лебединое озеро” в исполнении артистов Мариинского театра, эвакуированного в Пермь.

Наталья Мильевна на день рожденья
Нины Николаевны Ярмаркиной

Нинет. Хочу воспеть стихами день
коптилки Его проводим дружно у
в Ермолинской невзрачной
ссылке. Не надо заливать горячий жир котлет,
мы пироги и шаньги уплетаем,
водой изюм персидский запиваем –
таков наш праздничный обед.
Горит в очах у Нины кроткий свет
и вьётся локон прихотливый.
Ей пожелали все на диво
цвести еще полсотни лет.
И вспоминать наш дрейф в годах
прожитых лихо в пух и прах.

Ермолино, 1943

<от издат:>

Этот разворот прерывает повествование, чтобы дать место стихотворной переключке Н.М. и Н.Н.Ярмаркиной – той самой Нине, что так легко согласилась на путешествие в Пермь.

Ода Наталье Мильевне от Н.Н.Ярмаркиной

Вдали от мира, позабытый
есть уголок родной страны.
Здесь злые годы, дни изгнания,
уныло проводили мы.

В года разлук, трудов, лишений
в те дни суровые войны
нам скрашивал Ваш добрый гений
беседы, встречи и «пиры».

В далёкий край всегда готовы
Вы в Тегеран душой неслись,
и удивляли север хмурый
изюм, и финики, и рис.

И в наше дикое селенье
где волки рыщут под кустом,
спешили Вы без промедленья
с газетой, книжкой и стихом.

Настанет скоро день победы,
вернёмся снова мы домой,
но Вас мы вечно помнить будем
в лаптях с рюкзаком за спиной.

И в новой жизни, полной света,
всегда для Вас приём готов
в сиянии нового берета
с букетом полевых цветов.

Ермолино на Урале, 8 сент.

На третий день, набравшись культурных впечатлений, двинулись в обратный путь. Ехали так же. Обоз, к которому мы присоединились, остался в селе Березовке в 15 км от нашего дома. Пошли пешком несмотря на мокрый снег. При переходе речки в 4-х км от Ермолина я провалилась под лед. Нина мгновенно по-пластунски растянулась на льду, подползла ко мне и вытащила из полыньи. Промокла я насквозь, вода с меня текла, но была я смешна и Нина стала хохотать. Подумав, решили не заходить в ближайшую деревню обсыхать, а оставшиеся 4 км мчаться, что есть духу, чтобы мне не обледенеть. И это мы сделали! Когда я влетела в свою избу, пар от меня валил, как в банной двери. Узнав, в чем дело, тетушка сказала с ужасом: - Так я и знала!

Что она знала - осталось навсегда невыясненным.

А еще дней через десять, войдя в избу, Матрена истово перекрестилась и сказала: - Слава-те Христе! Г'овна плывут!

Подразумевалось под этим то, что солнце пробило, наконец, космическую ермолинскую грязь, бывшую под стать только гоголевской грязи в Миргороде, и что подалось и поплыло все то, что в ней залежалось с зимы, в том числе конский навоз; Матрена радовалась этому, как признаку скорого обсыхания земли. У нее, как и у всех, кто вырос у земли или просто любит землю, руки просились скорее копать, сажать, растить.

На Байкале я оба года выращивала на четырех грядках только сахарную свёклу, возмущая этим начальство (Верещагина); он считал, что не сажать во время войны картошки неприлично, а с моей стороны самонадеянно рассчитывать на то, что я ее куплю.

В Ермолине я обзавелась настоящим огородом – колхоз отвел мне 5 соток хорошей земли. Обрабатывала я свой огород самозабвенно на удивление тетушке, считавшей меня “городской дамой”, правда с фокусами, но все же дамой. Когда в январе следующего года мы уезжали, мои овощи очень нас

выручили – я продала картошки и всего прочего на 4 тысячи (в те годы всё было на тысячи).

Жили мы в Ермолине сытно и благодаря огороду, и благодаря посылкам Петра Петровича из Ирана, приходившим регулярно каждые две недели. Он высылал нам в основном рис, изюм, мыло, сахар, чай, изредка финики и халву. Матрена никогда прежде не ела халвы и она ей очень понравилась.

- Отпиши самому-то, - сказала она мне однажды, - пусть еще коробочку ХАЙЛЫ пришлет! Я "отписала" и вскоре Матрена получила отдельную коробку, чем была смущена. Однажды специально, чтобы поразить Матрену, о которой я писала Петру Петровичу в подробностях, он прислал сахар не пилёный, как обычно, а целую сахарную голову. Вся деревня прибежала смотреть на это возродившееся доисторическое чудо. Иранские посылки сделали нас притчей во языцех всей округи. Продовольственных посылок в голодное военное время не получал никто. О моих посылках рассказывали сказки. Однажды из деревни километров в 8 от Ермолина пришла к нам некая еврейская дамочка из числа эвакуированных и стала выменивать у нас блузку на шоколад. Она ни за что не хотела верить, что шоколада мы не получаем, долго нас уговаривала и у меня чесались руки ее выпроводить, но из-за тетки пришлось сдержаться.

По моей просьбе с первых же дней Матрена выделила мне круг обязанностей по ее немудреному хозяйству. Я должна была приносить воду из проруби на речке, после снегопада расчищать дорожку от ворот до дома и во дворе, а еще пилить с Матреной дрова впрок.

За ношение воды я стала называться "Наташа-водовоз". До Ермолина я не умела носить вёдра на коромысле. Матрена научила меня этому, благодаря чему я одолевала крутой подъем в 500 метров не хуже прочих ермолинских баб; носить же приходилось немало – в банный субботний день до 10 пар ведер, да при поливке верхнего матрениного огорода не меньше (мой огород был под горой недалеко от речки). Дров мы с Матреной пилили в запас, делали это с отдыхами, не переутомляясь. Словом, работы хватало и время летело

незаметно. Тетушка не отстала от меня в преодолении деревенских навыков – она выучилась орудовать ухватом и вынимала из печи горшки, а сажала в печь хлеба на лопате. Я теткой любовалась – ведь ей было 70 лет!

Но и мы кое-чему научили Матрену и Нюру. Их поражало, что проснувшись мы говорили друг другу “доброе утро”, а уходя ко сну желаем “спокойной ночи”! В Ермолине такого не было в заводе, но наши умницы-хозяйки всё хорошее от нас перенимали. Переняли и это. Поражались они и тому, что мы иногда с тетушкой целуемся.

- У нас только с мужиками целуются, - смеялась Матрена.

Однако, два раза поцеловалась она и с нами: на Пасху и когда мы уезжали совсем.

Удивляло их частое употребление таких слов, как “пожалуйста”, “спасибо”, “извини”, но с моей шутливой помощью они усвоили эти слова и произносили их как-то особенно радостно.

Смешили их наши трико. Ермолинские женщины круглый год, даже в лютые морозы, ходят только в юбках, а спят на палатках и печках не раздеваясь и даже не развязав платка вокруг шеи. Кровать у большинства стоит для красы и пользуются ею очень редко. После отчаянных приставаний с моей стороны, Нюра научилась спать без головного платка и даже создалась, что так спать вольготнее. Когда мы с тетушкой раздевались на ночь до рубашки, они смотрели на нас выпуча глаза. В этом вопросе они нам не поддались.

Было в Ермолине человек пять, которые никогда не видели железной дороги. И это в 1943 году!! Невероятно? Да, но истинно.

В первые дни после моего приезда я заметила, что во время нашего обеда в избу приходит несколько человек молодежи, подростков и постарше, и усаживаются рядом на ГОЛБЕЦ (так называется высокий деревянный настил, под которым, если поднять его крышку, находится лестница, ведущая в подполье для овощей). Оттуда они смотрят нам в рот и обсуждают наши действия. Больше всего их поражало, что мы орудуем вилкой и берем с нее кусок ртом, а не руками, а также, что мы вытираем рот салфетками, что у нас есть маленькие

тарелки (как “детские”). Куски застревали в горле от их обсуждений. На третий день я встала из-за стола, открыла дверь в сени и сказала:

- А ну-ка! Сыпьте отсюда все пока живы! Я вам не обезьяна, чтобы на меня глаза пучить!

Тетушка ужаснулась и решила, что я их очень обидела, но этого не было, и мы после встречались по-хорошему.

Перехожу к главному герою повестушки.

Матренин гусь был умен, зол и красив. Крупный, сверкающе белый и с синими глазами. Он заменял Матрене сторожевую собаку – нёсся на вошедшего в калитку человека, развернув крылья, и прямо сходу клевал куда попало, что есть силы... Вся деревня его боялась и звала “ГИПИЮ” (переделанное ГПУ). Когда кто-нибудь к нам приходил, то стучал в окно и говорил, примерно так: – Матрена! Убери своего ГИПИЮ, а то заключет, черт этакий! И Матрена шла и загоняла гуся в коровник или дровяной сарай. Пока гусь месяц жил в избе, я угощала его, натывая кусочек на остриё палки. В марте Матрена, благословясь, выпустила всю птицу на улицу. Гуси и утки мылись в снегу. Синеглазый, помывшись, стал топтаться на месте, часто перебирая лапками - словно танцевал. Потом стал ходить вокруг своих дам, разрешая им собой полюбоваться.

Приручение во дворе я повела иначе: садилась на нижнюю ступеньку крыльца и клала куски себе на колени. По-началу гусь приближался ко мне не сразу, а минут с 15 косил на меня глазом. Когда наконец подходил, то со всей мочи клевал куда-нибудь в ногу. Я героически терпела и ждала, когда же он соблаговолит взять кусок. Постепенно клёв моих ног уменьшался, зато кусочек с колен брался всё чаще и чаще. Что-то с месяц я ходила с синяками на ногах и бёдрах, вызывая смех хозяек и ужас тетушки, и ее жалобы на меня Соне и Нине; те пожимали плечами, зато кто-то из мальчишек сказал, что тетя Наташа совсем как Вл.Дуров. Лестное сравнение прибавило у меня жару.

Вторым этапом учения Гуся было угощение его из рук. Синяки с ног перекочевали на руки. Руки стали просто неприличными, а я мученицей. К маю месяцу и этот этап был

пройден. В это время стало трудно чем-нибудь соблазнить гуся – весенняя нежная трава была слаще всего. На мою удачу он очень любил хлеб, и когда я останавливалась около места, где гуси паслись, Синеглазый шел ко мне за подачкой. С каждым днем я останавливалась всё дальше, но он всё равно ко мне подходил. Я ликовала!

Однажды я спускалась с горы по воду. Гуси гуляли около нашей ограды. Отойдя немного я показала хлеб издали. Гусь пошел ко мне вперевалочку, а я тихонько стала отходить, и он всё шел и шел за мной. Так дошли мы до середины горы, и я решила, что на первый раз хватит. С каждым днем гусь уходил за мной всё ниже и ниже, а я ела хлеба все меньше и меньше, наконец мы дошли с ним до речки. Это было в те дни, когда его жены уже сидели на яйцах, и он болтался без дела. Не знаю, почему ему так нравилось вышагивать вверх и вниз по горе, но только он проделывал это почти всегда.

На половине подъема стоял близ дороги ровный, удобный для сидения пенёк. Я ставила ведра на землю и садилась отдохнуть, а мой спутник сходил с дороги на травку и начинал ее щипать. Сидела я долго, минут по 20, по полчаса – кругом была тишина и благодать, по склону горы росла пихта и от ее мягкой, по-весеннему яркой хвои тек аромат, мною любимейший из всех ароматов на свете. Единственным звуком, нарушавшим тишину, было негромкое “го-го-го” моего гуся. Пощипав минут 10 травку, он обычно тоже решал отдохнуть, опускался на землю и замолкал – может быть, тоже растворялся в природе?

Заметив, что он почти каждый раз “приземляется”, я решила заставить его садиться не поодаль, а у моих ног. Усаживаясь на пенёк, я стала класть кусочек хлеба рядом с собой на землю. Сначала гусь съедал хлеб и отходил, а однажды, когда я уже теряла надежду на успех задуманного шага, вдруг опустился тут же около меня. Я замерла. Минут через 10 он вышел на дорогу и не уходя, стал своим го-го-го приглашать меня не лениться и идти дальше. Я послушалась. Если он слушался меня, как могла я оставаться в долгу? С этого дня Гусь часто садился рядом с пенёчком, почему-то всегда слева.

Однажды я отважилась положить руку на его спину. Я ожидала протеста, но его не последовало. Еще через несколько дней я его спину осторожно погладила. И это Гусь стерпел! Укрощение строптивого было завершено!

Возможно, я придумала бы ещё что-нибудь, но огородная страда приняла такие размеры, что поглотила меня целиком, превратив из укротительницы в огородницу, которой некогда с рассвета до заката. Когда же я вечером освобождалась, мой “синеглазый полюбownik”, как звала его Нюрка, уже спал. Интересно, что в продолжение всего лета Гусь зачастую приводил к забору моего огорода все свое семейство, и пас его на соседнем лужке. Конечно, он каждый раз получал угощение и милостиво разрешал себя погладить.

Зимой мы снова вместе жили в избе. Гусиный молодец был уже весь заколот, и тушки висели в сарае на морозе. К слову сказать, Матрена считала, что скотина радуется, когда ее режут, потому что душа их, как и человеческая идет к Богу.

- Какая душа, - возмуцалась тетушка, - нет у животных души!

- Ну да нет! - есть! – настаивала Матрена. При всем своем уме, Матрена от темноты несла иной раз ужасную галиматью, и, слушая ее и Нюрку, я думала о том, как жаль, что их головы не снабжены хорошим багажом.

Зима в тот год была снежная, морозная, солнечная. В лесу, особенно в лунные ночи, краса становилась несказанной, небывалой, сказочной. Мои любимые пихты спали, запахнувшись песцовым мехом снега. Каждую неделю я ходила в лес за свежим веником из пихты; в изобилии тепле ветки начинали пахнуть сильно, особенно, когда при подметании ветки были в движении. Тетушка вставала раньше меня и подметала избу, а я нежилась на полатах и ловила аромат пихты; весело трещали в русской печке дрова, потом начинало попахивать свежее испеченным ржаным хлебом.

Урал, Ермолино, 1943. Матрёна Степ., тётя Надя, коза и я.

- Впитывай всё это, душа, - говорила я сама себе, - скоро вернешься в мертвечину цивилизации и заживешь с бездушным центральным отоплением и вонючим газом от плиты.

И я впитывала! И по сей день, примерно четверть века, вспоминаю с благодарной нежностью.

Как чудо красы вспоминаются ермолинские дворы в зимнем убранстве. По тамошнему обычаю, дворы находились позади плотной дощатой ограды. Одна часть ограды шла вдоль улицы и переходила в стену избы; она же с другой стороны упиралась в коровник и сарай, и наконец ничем не поддержанная сторона была густо дощатой без единой прогалинки, внутри во двор с нее шел навес и под ним лежал запас дров. Так было у Матрены и всех мало-мальски зажиточных колхозников. Зимой с крыши дома и со всех хозяйственных построек нависал снег и висели всех размеров сосульки. ИндеVELO все, что возможно – и единственный во дворе куст, и задранные оглобли саней, и забытая метла, воткнутая в землю в углу. От лунного света всё это блестело, играло. Выходя ночью во двор по нужде, я останавливалась, потому что сердце захватывалось этим невсамделишным, слишком декоративным убранством.

- В этом бы дворе, да Снегурочку разыграть!- думалось мне.

На Рождестве старого стиля, мы с Ниной и Соней обрядили пушистую ёлку. Матрена и Нюра радовались как дети и описывали в письме на фронт Мишеньке. Приглашенные и неприглашенные ребята были в восторженном обалдении, а иранский изюм с успехом заменял все прочие угощения и произвел фурор; я уверена, что изюм этот не забыт некоторыми до сих пор – ведь тогда они ели его впервые.

В первых числах января нам прислали из Москвы вызов и пропуск. Я ходила пешком за 15 км в районный центр Берёзовку оформлять бумаги на отъезд и сдать книги, которые я брала изредка в Березовской библиотеке. По дороге в Берёзовку, а на следующий день на обратном пути, я шла и мысленно прощалась с лесами, полями, речкой, с чистым блестящим снегом. На душе было грустно. Я никогда не любила города, а за последние годы отстала от городской жизни.

Тяжелой проблемой оказалось достать в колхозе лошадь. Большая часть лошадей к весне 1943 г. до того отошала, что не могла стоять. Их додумались подвешивать на полотенцах и кое-как откармливали. Нам дали коня только что вынутого из полотенца. Стоя в оглоблях, он тихо покачивался из стороны в сторону. А ехать надо было 65 км и везти грузную старушку и чемоданы. Кучером назначили 13-ти летнего щуплого парнишку – все взрослые и юные женщины были заняты на колхозных работах, рук не хватало, а мужчин вообще не было в помине. Переводя глаза с лошади на кучеренка я думала: чем всё это кончится, доедем ли?

В утро расставанья я решила Гуся поцеловать.

- Ну, и поедешь без глаза,- сказала Матрена. В это время Гусь, выпущенный из клетухи на прогулку, сидел рядом со мной на лавке. Матрена ахнуть не успела, когда я схватила Гуся за шею, пригнула его голову книзу и несколько раз поцеловала в загривок. Синеглазый красавец, конечно, рассердился и, соскочив с лавки на пол, с ворчливым го-го-го пошел в свой угол. С Матрены я взяла слово, что она даст Гусю пожить еще года три. Сколько он жил еще, я не знаю, потому что меня

арестовали, и связь моя с Матреной и Нюрой на много лет порвалась.

В минуту прощанья обе хозяйки повалились тетушке в ноги, говоря:

- Прости, тёта (тёта, а не тётя) Надя, если что было не так.

- Что делать, если они и передо мной бухнутся, - с ужасом думала я, - бухнусь и я перед ними тоже! По счастью, я этой почести не заслужила.

Собиралась я до Кунгура идти в валенках, но Матрена отсоветовала, объяснив, что в валенках я сотру ноги до крови и очень устану. Велела идти в лаптях: загодя достала мне где-то маленькие лапти, уложила в них соломки, а в утро отъезда, встав на колени, плотно обмотала онучами мои ноги, перевязав их сверху, и не велела в Березовке снимать их на ночь, потому что самой их мне так “ни в жисть” не обуть.

До Березовки мы ехали в хвосте обоза, дальше на рассвете выехали одни. Очень скоро дорога вошла в большой лес. Шагая позади розвальней, я думала: - Если напоремся на волков – крышка нам! – старуха, перехваченная полотенцами и привязанная их концами к краям розвальней, чтобы ей не вываливаться на раскатах; лошадь, идущая только шагом; щуплый мальчонка с кнутом вместо ружья и я со спичками в кармане и с соломой, которую не успею вытащить из-под тетки. Я догнала кучерёнка, шагавшего около головы лошади:

- Сеня, волков боишься?

- Боюсь! – прошептал мальчик, глаза его закруглились и налились страхом.

Волков мы Божьей милостью не встретили.

В Кунгур приехали в темноте. С этого момента начались метаморфозы. Я бросила лапти, заменив их сапогами с голенищами – защита от первозданной кунгурской грязи. В Москве голенища сменила на ботинки с каучуковой подмёткой, заботливо присланные мне из Ирана Петром Петровичем. А их сняла в свою очередь уже в Тегеране, перейдя на туфельки без носка и задника.

С посадкой в поезд тоже было представление. Билетов в кассе, как я и ожидала, не оказалось, но подслащенная изюмом

кассирша их где-то все же для нас разыскала. Поезд подошел набитый до отказа. Рыжая проводница вагона загородила собой подножку входа и изрекла: - Не пущу никого!

Я подошла вплотную и прошептала:

- Триста рублей!

- Не надо, - зло ответила она.

- Килограмм изюма...

- Не надо, - еще злее ответила она.

- Заграничные чулки...

Проводница вскинула глаза и бешено сказала: Влезайте!

Я почувствовала себя чертом, соблазненным Еву.

Два солдата, которых я подговорила помочь нам при посадке, чуть ли не на руках внесли тетушку, и тут поезд тронулся! Ужас – чемоданы! Но солдаты соскочили и ловко вбросили на площадку наш багаж, а я уже на быстром ходу, выбросила обещанные им 200 рублей. (Сотни были в те дни мелкой разменной монетой).

Проводница предложила нам располагаться в коридоре на собственных вещах, так как полки были все заняты. Мы сели напротив купе, в котором ехало 6 человек здоровенных бугаев от 30 до 40-летнего возраста. Никто из них, конечно, не подумал потесниться для нас. Часа через три, видя, что старушка моя изнемогает, я вошла к ним и сказала: У меня есть спирт, и я его вам отдам, если дадите старухе нижнее место.

- Жорка, очищай место, - последовала молниеносная реакция.

Мы расположились на нижнем месте, по очереди лежали и сидели, и так благополучно доехали до Москвы.

Ночью я шепнула тетушке: Вот ты так уговаривала меня оставить спирт Матрене, потому что “у нас” его никто не пьет. Хороши бы мы были полтора суток в коридоре!

- Ах, Наташечка, я же не знаю всех этих ваших теперешних гадостей, - горестно ответила старушка.

Она была глубоко права, конечно. Взятничество, достигшее во время войны гомерических размеров, было само собой разумеется, гадостью, но все-таки я вспоминаю изюм, как

нашего спасителя от многих бед. Он в Москве мне помог изрядно. В одни сутки были вставлены новые стекла, расколовшиеся от фугаски, была куплена печечка-буржуйка, так как отопление не работало. Дров достать за сутки я не успела и, выйдя во двор, стала раскалывать топором круглый ореховый столик.

- Что вы делаете? – с ужасом спросила меня проходившая мимо нарядная дамочка.

- Вшей ищу! – со злостью ответила я, потому что мне самой было жаль столика, а дамочка, видимо, приняла меня за сумасшедшую, потому что испуганно побежала дальше.

Городские дела навалились на меня с полной силой. Я крутилась целыми днями: оформлялась для отъезда в Иран, запасала для тетушки продовольствие, навещала друзей и снова прощалась с ними.

Тюлька и Байкал, Гусь и Урал отошли куда-то далеко в туман.

Впереди маячила загадочная Персия.

Но туманы рассеиваются и вот, как видите, мои друзья ожили сегодня на этих страницах для вас.

ЛОСКУТКИ ИРАНА

От зари оторвался лоскуток....

Он упал на землю и зацепился за куст...

Расцвел тамариск...

Без устали бьют фонтаны в садах Тегерана. В нашем большом саду их – шесть. Первое время ночью, спросонья казалось, что идет дождь, но постепенно вошел в душу и сделался милым и нужным их ласковый шелест.

На заре к звучанию воды присоединялся другой звук – легкое позванивание бубенчиков и колокольчиков.

Это идут по улицам небольшие караваны верблюдов с вязанками дров по бокам. Они несут их из-за города, издалёка, из мест, где растёт причудливый и корявый саксаул.

Покорно, медленно бредут животные, лишь изредка скашивая в сторону свои большие, печальные, усталые глаза.

Удивительно гармонично звучание каждого отдельного каравана. Порой прямо-таки мелодично! Вразброд - никогда!

Удивлялась, а потом узнала: колокольцы и бубенцы каждого каравана подобраны в определенной тональности.

Март. Весна в зените красоты и сил.

Изобильно, буйно цветут розы.

К царственным цветам этим относятся иранцы, примерно, как мы к василькам и ромашкам.

Для них роза – обыденное.

И есть своеобразная мода: сорвав розу на коротком стебле, закусить её за стебелёк уголком рта и так идти по улице.

А надоест, захочется пошвыстеть или поговорить – выплюнуть красавицу!

И лежит их много на тротуарах и вдоль них.

Лежат свежие, лежат вялые,
лежат растоптанные...

Северянам это кажется кощунством.

Бежит арык вдоль шоссе, которое тянется от Тегерана за 30 км к горам. Летом их снежная вершина кажется недосягаемым счастьем.

Арык несет воду в бассейны города из огромных водохранилищ и бассейнов в горах. Вода в них скапливается от растаявших снегов и дождей.

Вода священна. Никто и ничто не в состоянии ее загрязнить!

Откинув паранджу, женщина стирает в арыке бельё. Чуть пониже, шагах в пятидесяти от нее, присев на корточки, старик моет лицо, поливает голову.

Скоро закат. Старик уже разостлал свой коврик. На нём, умытый водой от стирки, он будет раскачиваться и расплываться, творя вечерний намаз.

Очистив тело водой, он будет очищать душу молитвой.

Рукой Н.М.
в альбоме:
«на языке
фотографа

Арапова:
«Ишак и ослица,
1 мая 1945 г»

Много в Тегеране ишаков, но автомобилей во много раз больше.

Ишаки плюют на автомобили, нисколько их не боятся и, семеня ножками, снуют между машинами с философским спокойствием.

Мы хотели остановить нашу машину у нужного нам магазина. Как раз напротив входа подремывал в ожидании хозяина маленький ишак.

Подъехав к нему сзади, совсем близко, мы несколько раз нажали грушу. – Никакого внимания!

Слегка прикоснувшись машиной к ишачьему заду, мы слегка подтолкнули его. – Никакого внимания!

Снова подтолкнули, на этот раз чуть сильнее. – Хоть бы хны!

Стали подталкивать еще и еще, каждый раз усиливая толчок, и только на пятый или шестой раз он взревел истощным, обиженным голосом и, не оглянувшись, сделал два шага в сторону.

– Завидное спокойствие!

Еду на «Виллисе»:

По улице Тегерана идет старик лет 75-ти. Его классическая красота достойна резца Микельанджело. Может быть, прежде, чем выпустить его на землю, Бог дал его на отлив душе великого мастера?

Старик - православный священник-монах. После десятилетних сборов денег, он выстроил в Тегеране прелестную церковку стиля 17-го века и открыл при ней церковно-приходскую школу.

Он популярен и чтим тегеранскими жителями самых различных вероисповеданий. Его портрет маслом, написанный польской художницей католичкой, был выставлен на весенней выставке картин в 1942 году.

Вот подходит к священнику молодой иранец. Он снял шляпу и засунул ее в карман, он приложил руку к руке ладонями вверх и, низко склонив голову, стоит перед стариком.

Священник осеняет иранца широким православным крестом.

Они расходятся.

У белокаменной ограды, заслоняющей богатый особняк и сад от всех превратностей мира, приютилась в тени семья нищих – мать и шесть ребят, полунагих, в живописных лохмотьях.

Весна в разгаре. По ограде вьются сине-лиловые гроздья глициний. К ним тянется совершенно голый мальчонка лет восьми.

Такого же, примерно, возраста, полуприкрытая лохмотьями, девочка лежит на земле.

Мы останавливаем машину, сами толком не зная зачем; может быть, чтобы попристальнее оглядеть и запомнить живописную группу на фоне глициний?

Мать тычет девочку ногой, та вспархивает, моментально оценивает положение и бежит к машине.

Она что-то лопочет и протягивает нам руки – просит милостыню. Она – танагрская статуэтка в лохмотьях, но поживому вздрагивают длинные пушистые ресницы её опущенных век.

Кладем в руку серебряную монету.

Взмах ресниц! Чарующая радостная улыбка!

Берет кончиками пальцев свои лохмотья и делает нам реверанс, грации которого позавидовали бы многие цивилизованные девочки.

Откуда это у нее?

Видно недаром зовут персов “французами востока”.

...И другая картинка у той же глициниевой стены через несколько дней...

Напротив калитки стоит ярко-красный лимузин. На переднем сиденье хорошенькая ираночка лет двенадцати. Она беспрерывно сигналит – вызывает кого-то, думаю я, проходя мимо.

И верно. Из калитки выбегают два мальчика-подростка. Один из них раскрывает переднюю дверцу и говорит:

- Va-t-en, petite gueuse!

- Non! C'est moi qui mène aujourd' hui!

- Oh! Fiches moi le camp! - кричит мальчик и тянет ее за руку. Девочка отбивается ногами, а он вцепляется в ее распущенные волосы, и они валтузят друг друга изо всех сил, перебраниваясь по-французски с безупречным парижским выговором и раскатывающимся “р-р-р”.

Я ушла за два квартала, когда красная машина перегнала меня. У руля сидел победитель-мальчик, сзади надутый сердитый арбаб (отец, вероятно) и заплаканная девочка.

Всевозможные языки можно было услышать в Тегеране во время войны. Вплоть до немецкого, так как Шах Реза, отправляя офицеров своего штаба учиться в военные академии Германии, а предусмотрительный Гитлер женил их очень многих на немках.

Но самое милое, что я слышала там на иностранном языке, были по утрам выкрики мальчика-разносчика овощей, несшего на голове корзину с картошкой:

- Sebšāmini! - кричал он звонко по-ирански.

- Potatoes! Pommes de terre!

- Картошкеее! – последнее русское “е” почему-то долго не могло оборваться.

В самой затрапезной лавочке всегда находился человек, владевший французским или английским, а в 1944-45 гг. начал входить в обиход и русский. Спокон века имея над собой очередных иноземных хозяев, научились персы на ходу овладевать их языком.

В 1944 г. я преподавала русский язык на курсах, открытых ВОКС-ом⁺ для иранцев. В моих двух группах учились: в одной – чиновники министерства иностранных дел, в другой - офицеры Генштаба. Все они хорошо знали языки французский, английский, немецкий, турецкий, а многие еще и арабский. Заниматься с ними было удовольствием – они учились играючи, преуспевали необыкновенно.

Для меня всё это чуть не обернулось плохо. Заведующая курсами за свою восемнадцатилетнюю педагогическую работу в средней школе привыкла учить и думать “от” и “до”. За проглоченную моими учениками программу втрое скорее положенного срока, она возненавидела... меня! На моих уроках стали присутствовать какие-то “ревизоры”; они скромно присаживались на последнюю парту, держали ушки на макушке и что-то записывали в блок-ноты.

А мои изысканные ученики меня “подводили” – блестяще учились, дружески шутили со мной, выходя из класса, если я еще оставалась в комнате, выпячивались в дверь задом, т.е. проявляли признак высшей почтительности. Раза 4-5 я находила на своем учительском столе букеты роз (эти букеты, о которых несомненно донесли “ревизоры”, в 1949 году на Лубянке мне припомнили, как взятки за измену родине).

⁺ Всесозное общество по культурным связям (с заграницей!).

Создалась обстановка, угрожающая нашему с Петром Петровичем пребыванию в Иране.

Пришлось уйти!

Наивные ученики мои, встречая меня на улицах Тегерана, кидались ко мне и спрашивали о причине ухода.

Что могла я им ответить? Да и кто из них поверил бы?

Февраль. На розах крупные бутоны.
Они тянутся к небу, моля Аллаха позволить им
распуститься.

Над тамарисками бело-розовые вуали
струятся от малейшего дуновения.

На кустах граната тяжелые жирные цветы словно вылеплены из воска. Их цвет точно такой же, какой будет у гранатного сока, когда созреет плод.

Ветви граната склонились к голубой воде бассейна. Цветы с них падают в воду, влекомые собственной тяжестью. Долго не проникает вода в их мясистые тела, и они плавают целый день – маленькая флотилия с алыми парусами.

Контрастность воды и цветов просится на полотно художника.

Но остаются незапечатленными эти “кувшинки” Ирана.

Лето. В садах платаны подернуты желтизной, трава пожухла, а там, где ее не поливают садовники, засохла совсем. С июня по август все растения замирают, а с сентября возрождаются с новой силой.

Каждый день с полдня жизнь затихает также и среди людей. Закрыты учреждения, заперты магазины и над витринами спущены жалюзи.

Даже транспорта днем почти не видно, особенно извозчиков. Спят люди, спят животные, редки прохожие на пустынных улицах. Иногда на миг будит это сонное царство вопль ишака, увидевшего дурной сон.

В 6 часов вечера раздаётся скрип поднимающихся жалюзи и железных занавесей над витринами. Появляются извозчики, автобусы, автомобили, ишаков отпускают с привязей от тумб, оград, и они бесстрашно устремляются в гущу машин.

Бодро кричат разносчики всяких товаров, хозяева лавок и магазинов зазывают к себе прохожих, начинают мелькать электрические рекламы и, наконец, перекрывая все звуки, с дикими воплями вырываются из редакций газет стайки мальчишек – разносчиков вечерних газет. Все сенсации мира за истёкшие сутки срываются с их уст. Толпа всё растёт, заполняются кафе, рестораны, бары, кино (театра в Тегеране нет).

Вечер вступает в свои права. До 12 часов ночи будет оживленно. Даже многие магазины торгуют до полуночи.

Потом снова закрывается всё, кроме ресторанов и баров; они торгуют до зари, до первых верблюдов с дровами, овощами и фруктами.

Тегеранская художественная школа.

В классе живописи молодежь мужского пола пишет небольшие картины в стиле и жанре древних миниатюр.

В другом зале мальчишки-подростки ткут ковры старинным кустарным способом.

В третьем зале стругают тончайшие металлические прутья, потом их окрашивают, режут на мелкие кусочки и инкрустируют ими деревянные настольные коробки разных форм.

Работа эта мелкая, кропотливая, из-за ядовитых красок вредная для зрения и для дыхательных органов. Продаются коробочки очень дорого.

Есть при школе Выставочный зал. В нем образцы всех видов персидского искусства. А миниатюр почти нет, как и в других музеях города!?

Где же они? Где краса и гордость старой Персии?

Задаю этот вопрос директору. Он улыбается иронически-вежливо и с низким поклоном говорит:

- У вас в Эрмитаже и в Британском музее.

Под гос.банком, в помещении, охраняемым полицейскими, лежат сокровища персидских шахов. Тут все регалии царской власти, вышедшие ныне из употребления. Они густо усыпаны драгоценными камнями.

Множество бирюзы, серебра и бронзы. Ими полны недра Ирана, но копают их по-кустарному, кое-как и, по-видимому, еще не скоро доберутся до них настоящие руки.

Бирюзы и бронзы в Иране столько, что они дешевы. Ими даже разукрашены упряжь на лошадях и ишаках. Зачастую ослиный лоб украшает яркая бирюзовая бляха.

На черной бархатной подстилке, покрытой высоким стеклянным колпаком, лежит громадный бриллиант. Он прозван “НУР”, что означает “Матерь света”. Таких бриллиантов было найдено два близнеца, и они были признаны самыми крупными алмазами мира.

- Где же второй? – спрашиваю гида.

И с такой же улыбкой, с таким же поклоном, как и директор Художественной школы, гид отвечает:

- В Британском музее.

«В загадочнойПерсии»

«Покупаю вишню»

Супруги Араповы,
Тегеран, 1944

Скачки. Трибуны полным полны. Иранцы азартны и падки на всякие зрелища. Шах тоже. Когда приезжал на недельные гастроли в Тегеран советский цирк, Шах был на трех представлениях. Но больше всего он увлекается футболом и скачками.

Уместно вспомнить, что спортивные склонности принесли ему корону. Когда после исчезновения старого шаха Реза Пехлеви англичане “выбирали” наследника, они отставили старшего сына Реза Пехлеви за его серьезность и самодовлеющую фигуру. Следующий сын – Моххамед Реза, спортсмен и дамский угодник – устроил их больше.

Вот он в большой центральной ложе. Рядом изящная шахиня. Одеты скромно. Он в штатском, она в английском костюме и большой шляпе. Оба они кончили Университет в Лозанне, и роман их начался на студенческой скамье. Шахиня – сестра египетского царя, и потому шаху Реза – parvenu – пришлось три года добиваться ее руки для среднего сына.

Антракт между заездами.

В шахскую ложу входит лакей и, склонив голову, подает высоким гостям, поднос с чаем и печеньями. Они берут по чашке, а лакей пятится к двери и там застывает. Вспоминаю своих учеников, выпячивающихся из класса, и улыбаюсь: весьма лестная аналогия!

По трибунам и в других ложах тоже пьют чай. В Тегенане даже в кино во время антракта, не вставая с места, пьют чай, едят мороженое и сласти, беря все это с подносов, которые лакеи разносят по рядам и ложам. Угощаются и рассматривают друг друга. Надобности в шубках жительницы Тегерана даже зимой не испытывают – какая уж там зима – одно недоразумение! – но мало-мальски обеспеченные дамы все имеют меховые шубки, надевают их, идя в общественные места, а голова остается непокрытой, на ногах туфли без задника и без носка; войдя в кино, шубы небрежным жестом скидывают на барьер ложи.

Антракт кончился. Снова скачут.

Через час мне всё это надоедает, да и жара томит. Хочу уехать, но Петр Петрович просит остаться на следующий заезд, который будет особенным. Жду с любопытством.

И вот, выезжают шесть ишаков!

Все они разного роста, от крупного до совсем крошечного (какая-то особенная порода, вероятно). Малыш совершенно белый, сверкающе белый, как хамардабанские снега издали. Сидящий на нем наездник держит ноги согнутыми в коленях, иначе они волочились бы по земле.

Прозвонил колокол, и вся ушастая компания усердно засемила ногами. Они и умилительны, и смешны.

Надо быть очень терпеливыми, чтобы дождаться, пока они просемят весь большой круг. У меня разболелась голова, и я все-таки ухожу, мысленно пожелав успеха белому ослику.

Посреди Тегерана большая площадь Туб-хана. Она окаймлена импозантными зданиями министерств и Англо-иранским банком. По середине площади низенький сквер. Рядом с ним торчат из асфальта маленькие металлические пирамидки,

напоминающие то основание, на которое пристёгивают кнопку. Петр Петрович объясняет мне, что эта конструкция является частью усовершенствованной виселицы XX века. Ничего не надо заблаговременно строить – виселицу привозят и быстро ввинчивают в это “кнопочное” устройство.

Не думала я, что за время моей жизни в Иране будут кого-нибудь вешать. Но ... повесили таки!

Предыстория этого события длинная, началась еще в годы правления старого Шаха Реза (1925-1941). В действиях Шаха было что-то схожее с Петром I. Например, культуру он насаждал насильственно. Возражений не терпел, с послушниками расправлялся с жестокостью восточного деспота. Если он приезжал в какой-нибудь особняк, хвалил дом и говорил, что хорошо бы такой дом под детские ясли, хозяевам оставалось только кланяться и отдавать дом под ясли, больницу, приют и т.д. Иначе – заключение или смерть под тем или иным предлогом и тем или иным способом. Из этих “способов” один был даже оригинален! Шах вызывал к себе во дворец того, кем был недоволен, и кричал на него, наступая так, что тот был вынужден пятиться. Таким манером он загонял свою жертву на балкон без перил и тот, дойдя до края, падал с третьего этажа на асфальтированный дворик. Если при этом он разбивался не на смерть – его добивали.

Многие заключенные умерли в тюрьме при таинственных обстоятельствах. На самом деле ничего таинственного не было – их отправлял на тот свет врач – приближенное шаху лицо – делая им смертельные инъекции.

Шах-Реза был немецкой ориентации, ждал, что Иран займут немцы и разрешал им беспрепятственно хозяйничать в стране. Они построили аэродром, вокзал, проложили по стране автодороги. Должен был Иран стать форпостом в войне с нами, когда откроется Кавказский фронт.

Все повернулось иначе!

В самом начале войны, понимая всеобщую гибель, если дать немецким планам осуществиться, союзники и мы частично заняли Иран, а Шаха-Резу “убрали”. Англичане умыкнули его, как некогда мы умыкнули княжну Тараканову.

Было подстроено так, что старый шах поехал в порт Персидского залива. Там англичане пригласили его отужинать на один из своих кораблей. Во время ужина корабль тронулся... Увезли Шаха в какой-то африканский городишко, где он прожил до 1944 г., занимаясь своими мемуарами.

Весть о смерти Шаха Реза Пехлеви пришла в Тегенан в 1944 году. Молодой шах хотел похоронить отца в Тегеране, но англичане ему этого не разрешили.

Врач-убийца исчез одновременно со своим покровителем. В 1944 году он зачем-то появился в Тегеране (может быть, движимый ностальгией?), был опознан, судим и повешен.

На процедуру повешения продают и раздают билеты на балконы трех министерств и банка. Балконы идут вдоль зданий на уровне второго этажа, мест на них много, но в дни “приятного зрелища” бывают набиты людьми до отказа. Не знаю, вся ли русская колония присутствовала этот раз, но не ошибусь, если скажу, что почти вся. Особенно ажиотированы были дамы. Мы с П.П., конечно, не поехали, а на следующее утро все газеты были полны описанием процедуры, и по всем улицам носились мальчишки, продавая комплект открыток:

1) Преступник до повешения, 2) он же висящий и 3) труп.

Расхватывали, раскупали... Некоторые советские дамы совали мне открытки на погляденье. Смотрела, не глядя. На вкус и цвет – товарищей нет!

Советские войска взяли обратно Киев. Всеобщее ликование!

В Тегеране два бала один за другим.

Первый в нашем Офицерском собрании. Весь парк иллюминирован. Разноцветные фонарики отражаются и качаются в воде бассейнов. В наскоро построенных киосках советские дамы торгуют всякой мелочишкой в пользу детей Киева.

Мне выделили самый невыгодный ларек – книжный. Ну, кто будет “среди шумного бала” покупать Эренбурга или Соболева в плохом издании? Но я отыгралась на аукционе, продав за большую сумму необыкновенный объект!

Был этим объектом маленький мохнатый сопящий медвежонок. Его маму убили в горах, а Мишку взяла наша воинская часть. Солдаты с ним возились, но у них не было для Мишутки молока, и он скулил и плакал. Петр Петрович оказался в тех местах проездом, посадил малыша в свой рюкзак и на мотоцикле примчал в Тегеран, к нам. Мы его стали кормить из бутылки с соской. Он, как по стволу, взбирался по ноге стоящего по стойке “смирно” П.П., и тот навстречу мишкиной мордочке тыкал соску. Почуяв молоко, Мишка переставал лезть, замирал и сосал. Зрелище было трогательное.

Превратившись в кормящую мать, П.П. несколько раз на дню забегал с работы домой ублажать младенца. Из моих рук Мишка не питался – ему обязательно надо было карабкаться. Долго так продолжаться не могло, а тут подвернулся бал с аукционом, и решено было выставить Мишку как самый привлекательный аттракцион.

Я вынесла Мишутку на эстраду и, подняв повыше, представила уважаемой публике, рассказала им по-французски трогательную короткую биографию сиротки, ищущего себе новую маму. Торги сразу разгорелись, но быстро прекратились: изящная иранская дама предложила баснословную сумму. После трех ударов молотка я протянула ей Мишку, но она, улыбнувшись и покачав головой, послала за своим шофером. Тот прибежал и унес сонного Мишку в машину. Дама сказала мне, что завтра она с Мишкой отправится самолетом на Лазурное побережье, а через месяц они полетят в Париж. Провожать Мишку я не пошла, чтобы не расплакаться.

Я никогда не узнала, стал ли Мишка парижанином!

Второй бал был тоже в помощь детям Киева. Давал его иранский министр путей сообщения. Собственный особняк министра не вместил бы всех союзников, и под бал было выделено большое здание железнодорожного вокзала. Оба крыла здания были отданы под гостинные и буфеты, а в центральном зале шли танцы под оркестр.

Когда мы подъехали к вокзалу, министр стоял на ступеньках крыльца, встречая гостей, целуя дамам руку. В трёх шагах от него стоял какой-то железнодорожный чин и давал

очередному гостю металлический жетон с номером, а другой такой же номер слуга относил шоферу.

- Что это за процедура? – спросила я.

- Узнаешь, когда будем уезжать, - отвечал Петр Петрович.

Мы обошли всё здание. Я поразились приятно большому количеству цветов и неприятно - количеству полицейских. По вокзальному перрону, хорошо видному из окон центрального зала, полицейские стояли шпалерами, и толпа, хлынувшая из поезда, шла куда-то за вокзал между полицейскими. Кое-кто старался поглядеть на бал через окно, но их отталкивали блюстители порядка.

Упомяну о нескольких эпизодах этого бала.

Я вальсировала с Петром Петровичем, и вдруг он мне предложил: Подними голову, взгляни на потолок, но ничего не изрекай и не меняй выражения лица.

Я вздела очи ввысь и увидела: мы танцевали под свастиками!

Потолок состоял из стеклянных квадратов-коробочек и в каждом помещалась подсвеченная изнутри свастика.

Ведь вокзал-то был в свое время построен немцами! Поторопились маленечко!

В углу зала стояло несколько кресел, и на них восседал женский генералитет. Наша генеральша сидела между двумя эффектными дамами; я их знала по Офицерскому собранию, охотно ими посещаемому. Они были русские эмигрантки, а вышли замуж за иранских генералов. Когда мы подходили в вальсе к этому трио, одна из дам, наклонившись к нашей генеральше, сказала настолько громко, что мы слышали:

- Как хорошо танцует эта пара.

И наша генеральша гордо ей ответила:

- Я чать дворяне!

Господи, какую мешанину допустил Ты утвердиться в этой голове!

У Ростроповича, 1969

СТИХИ

М.А.Реформатскому

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Когда, рискуя старой шеей
по крышам лезешь ты котом,
как мыслишь – в этом положеньи
ты на щите иль со щитом?

Когда от маленькой записки
покоя нет в твоей душе,
как мыслишь – в этом положеньи
ты со щитом иль на щите?

Влекомый жаркой жаждой встречи,
плетешься ночью в темноте.
Как мыслишь? – в этом положеньи
ты со щитом иль на щите?

Когда объятий сердце просит,
и грудь ты пялишь колесом,
как мыслишь? – в этом положеньи
ты на щите иль со щитом?

Когда ты с жаром письма строчишь,
прочтешь, вздохнешь и рвешь потом,
как мыслишь – в этом положеньи
ты на щите иль со щитом?

Когда - блаженство - с глазу на глаз,
ты с ней сидишь щека к щеке,
как мыслишь – в этом положеньи
ты со щитом иль на щите?

Когда на лестнице подлейшей
к ней руки тянешь в темноте,
как мыслишь? – в этом положеньи
ты со щитом иль на щите?

Лето 1925

*М. Реформатский Н. Аничковой
и обратно*

Для наших нежных встреч препятствий миллион:
кино, блины, театр и женихов вагон –
«8 человек и 40 лошадей».
Пожалей же меня, пожалей!

Ответ:

Ты прав:
«Для наших нежных встреч препятствий миллион:»
Куку, Мозо, Упряжка, былых любвей вагон:
37 Марусь, Капитолина и так далее, -
лучше помолчи, петлявая каналаия.

Ответ на ответ:

Ну да, я прав, да ты-то не права –
всё это только лишь слова:
мои Капитолины не стоят паутины,
сплетенной женихами,
Сергеями, Петрами, etc' етерами.

И очень я боюсь,
что 37 марусь
не стоят ни сантимата
перед соблазном кино,
а уж к такому пустяку,
как все Мазо, Куку,
даже сама Упряжка,
привязываться - грех тяжкий.

Татьяне Константиновне Владимировой

В Татьянин день тебя целую,
и обнимаю, и люблю,
и об отсутствии подарка,
поверь, несказанно скорблю.

Разбитый нос тому порука+,
но видит Бог, - такая скука
лежать в постели в Танин день,
как старый, несуразный пень.

А Таня носится, как птица,
в халате облака белей,
блатных нисколько не боится –
она мудра, как Галилей.

В руке со шприцем, как с бокалом,
вливает в жилы нам «коньяк»,
и кажется палата залом,
где заиграли краковяк.

И здоровея в честь Татьяны,
мы ей желаем поскорей:
спать на пуху и пить допьяна
подальше от лагерей.

25/12 января 1953 г.

Чибирь, 1-я женская больница Унжлага

⁺ Н.М. на 5-ом ОЛПе Унжлага работала в вещкаптерке и при очередной инвентаризации упала с высокой стремянки. В результате сотрясение мозга и сломанный нос.

После смерти хочу я, о Боже,
быть густою травой придорожной,
чтоб на мне отдыхали прохожие,
а особенно те – острожные...

Чтоб весной под сенью зеленой,
крепкий ландыш стоял горделиво,
и, ко мне наклонив свою крону,
шелестела б весёлая ива.

Чтобы перепел, тот, что не знает
ни усталость, ни свист перелета,
и опасностью словно играет,
мог бежать по ковру без заботы.

А в июне, в разгаре цветенья,
в ароматах и росах купаясь,
слушать птиц щебетанье и пенье,
в легком ветре неспешно качаясь.

Чибирь, 1953, #⁺

⁺ Знаком # помечены стихотворения, опубликованные в сборнике «Средь других имен», см. Библиографию, с. 253.

ПУШИНКА

Воспоминанье

Упоена полдненным зноем,
пушинка в воздухе плывет
вдоль берега, над водопоем,
всё выше под небесный свод.

Она была чертополоха
частицей нежной и живой,
но с налетевшим ветра вздохом
умчалась к дали голубой.

Ассоциацией встревожен,
я вижу: юноша Икар,
мечтою пьян, неосторожен,
возносит небу дерзкий дар.

Трепещут восковые крылья,
их вероломно топит луч...
И вдруг, сознав свое бессилье,
он падает на зубья круч.

Прошли века, и в дни Иоанна
другой безумец взмыл и пал,
но стал навечно осиянным
его трудов печальный шквал.

Звенят шмели, струятся дали,
пушинка больше не видна.
В реке коровы задремали.
Жара. Истома. Тишина.

ГОНОЛУЛУ
Экваториальный пейзаж

На Гонолулу вечная весна,
цветут лимоны, зреют ананасы,
и нежно плещется волна
о берега песчаного атласа.

На горизонте Тихий океан
оберегает сон лазурного залива,
чтоб весело росли и кактус и банан,
и серебристо-смуглая олива.

Малайка с медно-бронзовым лицом
бежит стремглав в бамбуковую рощу,
где ждет ее, блестя в носу кольцом,
любовник-негр - смешной и тощий.

Как на палитре - ярко и свежо, -
лежат на рынке фрукты, зелень, рыба.
Метис-мальчишка пляшет под банджо,
а голый нищий спит, как каменная глыба.

У финиковой пальмы опахало
глядится в синеву глубоких вод:
там крючья рифа алого коралла,
там рыба-дьявол жертву ждет.

А ночью в бархат неба вколоты
сапфиры необъятных звезд,
и по воде струится золото,
напоминая лисий хвост.

Всё это иногда мне снится,
когда в февральскую метель
ворвется перелетной птицей
весны хрустальная капель.

Февраль 1953, #

Тамаре Витальевне Ювак

ЗА 20 ДНЕЙ...

1 февраля 1953 г.

Часы и дни бегут необратимо,
уже отъезд приобретает форму
и близится тот час неумолимый,
когда ты навсегда покинешь нашу сторону.

И ореолом бронзовых волос
в последний раз блеснув в калитке,
уйдешь в неизвестное. А я, как верный пес,
повою малость вслед от горести избытка.

Мы, как двуликий Янус – древний бог –
и плачем и смеемся в то же время:
мысль о разлуке порождает вздох,
а радость – что с тебя скатилось время.

Пусть будет прям, как твой пробор прелестный,
твой новый, возрожденный путь.
И никаких сомнений тесных
пускай не знает твоя грудь.

Пусть будут солнечны те встречи,
которых ты с опаской ждешь,
и ты, обняв у сына плечи,
покой и радость обретешь.

Пусть переменчивое счастье
на этот раз не ускользнет,
а прожитые дни ненастья
пургой февральской заметет.

Лишь иногда, в часы досуга,
задумавшись у комелька,
почувствуй, что для сердца друга
ты - и далекая - близка.

Т.В. Ювак

ЗА 5 ДНЕЙ...

Только пять! Разве пять?
Помогите сосчитать!
Пять? – Не верю, это ложно!
Ну, считайте осторожно:

Пальчик раз... пальчик два...
закружилась голова!

Это два... а вторник – три...
Пульс от счастья сорок три!

А за ним идет среда...
дайте счета мне сюда.

Ну – раз, два, четыре, пять –
в пятницу мне уезжать!!!

Коли так – налейте рюмку
и давайте вашу сумку.^x

Рюмка раз... рюмка два...
Закружилась голова!

^x Подразумевалась дамская сумочка, преподнесенная в дорогу Тамаре Вита-льевне остающимися друзьями, см. также с. 249.

ЗИМНИЙ ЗАКАТ⁺

Дыхание мороза рьяно, и на поверхности стекла
сквозная филигрань Ирана
узором редкостным легла.

А между линий серебристых
лег иней, выткав белый фон,
среди линий резких и волнистых
и перепутанных, как сон.

Брюссельских кружевниц глазами я очарованно смотрю,
но неумелыми руками
искусных кружев не творю.

Гавайских пальм и попугаев
взрастила русская зима,
и море без конца и края
и в сеть попавшего сома...

Пейзажу не хватает солнца, но вдруг, алмазами горя,
закат сверкнул в стекло оконца
своим лучом из янтаря.

И заиграли позолотой
вода и рыба чешуя,
как залитые медом соты,
как золотая вин струя.

И на хвосте у попугая зажегся радостью корунд,
а пальма, веером махая,
рубины высыпала в грунт.

Сменив печаль на восхищенье,
игрой узора пленена,
ловлю чудесное мгновенье,
в котором явь сильнее сна.

Февраль 1953, #

⁺ Подлинное происшествие в ординаторской 3-го корпуса 1-ой больницы Унжлага, когда адское настроение было разогнано редкой красоты узором на окне и его игрой в лучах солнца.

КАТЮШЕ⁺

Ты заменила всех. В тебе одной опора.
Тебе – любовь, мечты и совести укор.
Из темноты заманчивого бора
я чувства вывела на горестный простор.

Бреду и спотыкаюсь неумело –
так непривычно быть одной среди людей.
Но крепнет дух, хоть увядает тело,
и с каждым днем смотрю вперед храбрей.

Смерть чуточку страшна, но все же любопытна,
как некий неизведанный вуаяж –
быть может всё там будет слитно
и даст покой последний абордаж?

А может быть еще и «тут» нам будет встреча,
хоть ненадолго – на весенний день!
И мы, по-глупому от радости лепеча,
помашем солнцу и вдохнем сирень!

КАТЮШИНО ШИТЬЕ

Политая потом шуба маме дорога и любя.
Ничего, что долго шилась, и покоя я лишилась.
Но, утратив крепкий сон, я зато нашла фасон,
правда, побледнел мой лик, но у шубы виден шик.

Линия полна таланта – и пряма и элегантна!

Воротник, как снежный пласт,
и пушист, и очень красит.

Словом, всем врагам назло мне в затее повезло.

Все претерпленные муки, и исколотые руки –
пустяки. А важно то, что у мамы есть пальто,
теплое, кругом на вате, сшитое любовью Кати.

⁺ Е.А. Тавастшерна.

КАТЮШЕ (сестре)

В синем сумраке зимнего вечера
я бродила по стезжкам аллеи,
но любимую я не встретила,
только вздохнула о ней.

За осиновым тыном пленница –
как могу я тебя найти?

И однако, порою мне верится,
что судьба нам проложит пути,
что наступит желанная встреча,
и под липой в медвяной тени
положу тебе руки на плечи
и услышу про тяжкие дни.

И счастливые, рука об руку
мы пойдем в неизвестную даль,
где сквозное лиловое облако
распростерло над пашней вуаль.

Будет радостно, будет горестно, -
снова вместе, но короток путь,
и нисколько не станет совестно
и поплакать, и тяжело вздохнуть.

А пока меж сугробов глубоких
терпеливо хожу взад-вперед,
и солдат с темной вышки высокой
зорким глазом меня стережет.

Ноябрь 1953, #

с М.А. Реформатским

Не сидеть мне больше на опушке в скалах над водой,
не спускаться к ласковой избушке по тропе крутой.
С другом-лайкой не бродить вдоль просек в лиственной
пурге,
без меня развешивает осень флаги по тайге.
Не сбивать кедровых спелых шишек, не палить костер.
Был любви и радости излишек, а остался сор...
Желтый пух от лиственниц мятется, запах пихты пьян.
Неужели в памяти сотрется тот лесной дурман?
Опрокинуты и лес и скалы в ясной глубине, -
в мире нет прозрачней вод Байкала, разве только в
сне?
Синевою неба осиянный, но суров и дик
на вершине у Хамар-Дабана снежный воротник.
Красных лилий стройные бокалы видят этот снег...
В смертный час просторами Байкала улечу навек.

18 октября 1953, #

ДАМЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Ежедневно поливая крепким чаем скатерть рыжую,
вкруг стола сидят «зека», все как есть бесстыжие.
Далеки по воспитанью от принцессы Турандот,
то вздыхают по любовникам, то смакуют анекдот.

Три москвички перезрелые, позабыв и лоск и тон,
не желают мыть посуду и другой ввели фасон:
аккуратно лижут ложки и бросают на пол крошки.
В лучшем случае у соседки пополощут ложку в ее чашке –
потеряли всякий стыд Машка, Ташка и Наташка!

Кот Тарзан на них дивится, с ними вместе не садится,
и как кот на Лимпопе, жрет отдельно «сам в себе».
Над татарской головою дым висит густой завесою,
и по всем ее повадкам видно, что была повесою.

И другая есть татарская забубенная старушка
выпускает мат изысканный изо рта, как ядра пушка.

В новом байковом халате, изогнувшись сладострастно, угощает нас Стендалем вкупе с булкой прекрасной – педагог, профессор, чтец и на всех сердцах игрец.

В этом обществе отборном есть две трепетных юннатки: «капитан в отставке» Оля, что играет без посадки, и зам доктора Шельхан. У нее кавказский стан и язвительные речи. Пальца в рот ей не клади – заглотнет, как торт из печи.

У сороки из Марокко есть смешное представление, что вот эта гоп-компанья держит в строгом подчинении всю больницу, весь Унжлаг... Ах, сорока, ты – дурак!

У судьбы в руках игрушки: мы кротки, как в печке вьюшки, но горячи как зола – «Дамы круглого стола».

Воскресенье. 22/XI-53

Персонажи:

Татьяна Константиновна Владимирова,

ур. Княгиня Бегильдеева,

Наталия Милиевна Аничкова

считает своим предком татарского царевича Анику,

Мария Александровна Гольдман,

Ольга Альфредовна Стерлинг,

Шельхан - абазинка,

мадам Шарлай – репатриантка из Марокко.

«БЫТЬ МОЖЕТ»

Оделась колючая проволока
ватными хлопьями инея,
меж нею и тыном, как облаком,
покрылась запретная линия.

Пушистое, легкое, снежное,
быть может опять улетит?
Небесная синь безбрежная

сияет, зовет и манит...

А может ковром-самолетом для нас
оно расстелилось по бровке,
и тот наступил благодетельный час,
что узла перерубит веревки?

Миллионы сердец устремятся в простор,
а по брошенной линии бровки
именами ушедших распишут узор
грачи да сороки - воровки.

Декабрь 1953, #

ЛЕБЕДА

В тюремном дворике, сквозь трещину асфальта
упорно пробивается трава.
Гуськом идут по кругу арестанты,
роняя шёпотом слова.

Одним гуляющим спускаются на смену
другие партии - и так до темноты.
И все глядят, как рвется ввысь из плена
упрямый куст столичной лебеды.

Никто из них не ошибется
и не сомнет ногой ростка,
ничьей рукой не оборвется
замена лучшего цветка.

Удел один. И вот, свой круг ломая,
они всегда обходят лебеду,
и у нее упрямыства занимая,
клянутся развести свою беду.

Больница, Чибирь, 24 июня 1954, #

ПОД ДАВЛЕНИЕМ РТУТНОГО СТОЛБА 250/150

3-й корп. 1-ой больницы Унжлага, 17 янв 1955, #

На далеком, далеком экваторе,
на немыслимо жарком песке,
разлеглись, расплзлись аллигаторы
в непривычной их сердцу тоске.

Им приснились снега в лунном мареве
и скользнувший по тундре олень,
а за ним неотступно, как паж его
–голубая рогатая тень.

Им приснились алмазные россыпи
на бескрайних просторах снегов
и цепочка следов волчьей поступи
что петлявит за тенью рогов.

И скульптурные белые наледи
-мастерство океанской волны –
как в балете пуховые лебеди,
вдруг возникшие из глубины.

И на льдине плавучей, ныряющей, -
воплощенная нега и лень,
в позе барственной и отдыхающей
господин океана – тюлень.

Потеряли покой аллигаторы,
несказанной красой пленены –
всё немило теперь на экваторе:
и бананы, и зной, слоны,

и оливковые негритята,
что так вкусно хрустят на зубах,

когда ужинаешь на закате
на реке Лимпопо в камышах.

И весенние игры любовные,
когда палевый лотос цветет,
а любимая пастью огромной
улыбается томно и ждёт.

Вот как вредно во сне уноситься
за пределы заветной черты –
после трудно на землю спуститься..
Друг зе-ка, помни это и ты.

Т.К.Владимировой

Вот еще промелькнула година,
снова Танечкины именины,
и опять, хоть завой, хоть умри,
в дифирамбе стихи ей твори.

Год прошел на события чреватый,
потрепал наши нервы богато,
началось с сотрясения Наташи, +
а потом «сотряслось» еще краше!...⁺⁺

Ограничусь-ка я многоточьем,
все участвовали мы воочью,
и не сможем вовеки забыть,
так зачем же перо мне тупить?

+ “сотрясение” – см. примеч. с.134. ++ “еще краше” – 5 марта 1953.

Перейду лучше к личности Тани,
покажу вам ее на экране:
Худа как палка, черна как галка,
но мне нисколько ее не жалко!

Без кофе Таня ни дня не может –
пищит и вянет и ближних гложет!
И папиросы - ее услада,
прокурным басом даёт рулады,

для «Кавалера» - незаменима,
подайте только немножко грима.
Мирандолина, ее подруга,
к ней страстью пышет как солнце юга,

на сцене обе успех срывают,
а после сдобой рот набивают.
Крестом, филейкой - быстрее лани
узоры змейкой шьет наша Таня.

Другой иголкой зады пронзает,
девиц с наколкой, с «эр-вэ» спасает.
Да, наша Таня нужна больнице,
но лучше – к черту сию страницу!

И пусть другую ей даст судьбина
подарком дивным на именины!

25/12 января 1954, #

ОЛЕЧКЕ СТЕРЛИНГ

*к ее отъезду из Унжлага и
прощальной
постановке «Девушки с кувшином»*

7 октября 1954, #

В Ленинграде в кафе «Норд»
вспомни этот скромный торт.
Он любовью начинен
твоего драмколлектива,
наш худрук и наша Дива!

Смело снова в жизнь плыви,
будь ловка, как Труфальдино,
милая Мирандолина,
Капитан, Антон, Мизгирь... -
пред тобою жизни ширь!

Пусть рекой не льются вина –
помни наши проводины,
Олимпиаду, наш успех,
на пути возвратном смех...

А о горестях забудь!
Оленька,
счастливый путь!

*Дорогому другу – Мильевна,
во время ужина после спектакля*

Осталось совсем немного –
каких-нибудь десять дней,
и откроется путь-дорога
в мятежную жизнь людей.

В последний раз мое имя
проверит дежурный надзор –
им всем невесомо бремя
охранять проклятый забор.

Неверным, отвыкнувшим шагом
побреду. Где теперь мой дом?
Алеет закат за оврагом.
Он – как символ. К нему и пойдём...

Чибирь, 1955, #

5 МАРТА

Отмечая сегодняшний день,
нальёмте стаканы всклень
и выпьем, чтоб та беда
не вернулась к нам никогда,
чтоб был проклят тиран и подлец,
сгубивший мильоны
сердец...

Им – вечная память, им – наша боль,
а слово «зе-ка» - наш стяг и пароль.

Т.К.Владимировой, 1957

Как я рада, милая Таня,
что ты пребываешь в нирване
и смываешь свой возраст волнами,
(что сомнительно, между нами).

Кофе ты изменила у моря
и питаешься видом «барашек»?
Ладно, в это поверю, не споря –
наверстаешь в Москве сотни чашек.

Ширь морская тебя опьяняет,
клонит долу почиркать стихами?
Так пиши! Ибо в нашем бедламе
снова проза тебя загоняет.

Наши новости буднично серы.
отшумел фестиваль без холеры,
ез чумы, но в отчаянный грипп
африканец en masse всё же влип:

Объедались мороженым жутко –
десять порций зараз! –это ль шутка?
И с трудом разобравши где «сдюпка»,
в нее перли фуфайки и юбки.

И в больнице у Боткина вскоре -
и себе, и медсестрам на горе -
грипповали в шести корпусах.
И смеялся над ними Аллах!

Есть еще пустячок фестивальный:
процветал на кладбище грех свальный
там девченок мильтоны ловили,
волокли и немедленно брили.

Говорят, что любовь на могиле
несравнима по страсти и силе –
будет память у наших гостей
в виде люэса и гонорей!

Ну и пусть! Лишь бы наша Татьяна
воротилась домой без изъяна,
а с загаром и блескам в глазах,
чтоб мы с Надей воскликнули: «Ах!»

* * *

*Послание В.Левицкой-Врангель и В.Петрушевской
из Филей в Соколову Пустынь 28/VIII-59*

Совсем к вам было собралась
но рок судил иначе:
печенка желчью налилась
у Мильны - старой клячи!

И грелкой заменив Оку (вода – в обоих случаях),
лежит бедняга на боку и ждет, чтоб стало лучше ей.

А улучшения - не видать, и Мильевна в испуге –
на днях в Асканью уезжать... – Проклятые недуги!

Блатной запиской запаслись, чтоб открывались двери,
и не встречали б мордой в грязь – ни люди и ни звери.

В мечтах средь кавунов и дынь, а на яву – диета...
В мечтах - простор, жара и синь, а здесь – остатки лета...

Семирамидный суррогат,
повисший над Окою -
творенье Варечек - их сад
увиджу лишь весною!

До пятого ж боюсь дохнуть,
чтоб не сорвать Асканьи,
и чтобы не испортить путь
всей нашей гоп-кампаньи.

Итак, коли меня бизон,
на смерть не залягает,
по возвращеньи телефон
к вам тотчас забряцает.

Желаю радостных удач в осенних насаждениях
на зависть всех соседних дач и прочего селенья.

Посвящается Шуре,^{}
на память о вечере 7/XI-59*

Раз, два, три, четыре пять...

- любит зайчик погулять, съест зелененькую травку,
прыгать в шелковой муравке!

Двадцать, тридцать, сорок два...

– больше не растет трава...

Но во всю длину Союза прёт упрямо кукуруза.

Бедный зайчик похудел, он на камушек присел

и решил: настанет ночь – удеру отсюда прочь,

ведь железный занавес приподнялся до небес.

Мы – не зайчики, а люди, всё нам подано на блюде:

и свобода, и культура, и квартиры для амура,

и над нами в вышине виснет лунник на луне...

Правду говорят газеты: в шерсть и бархат все одеты,

рыба прыгает сквозь шлюзы и не разбивает пуза,

а вдоль всех могучих рек лес сплавляет дровосек –

будет Русь оголена, и крамола вся видна!

Скоро будем на Венере, как в своей родимой сфере,

заведем парткабинет мы на множестве планет.

Вот какие перспективы открываются на диво.

Пейте ж, други, вы вино, что на радость нам дано.

^{*} А.Г.Каштановой, приятельнице Н.М., жене автора проекта герба Аничковых

НАЧИТАВШИСЬ ЦВЕТАЕВОЙ

11/III-60, *Фили*

Слыш-ка

В подушка/х/

Ка-ша

П-ша.

Рубай, ешь,

А мою плешь

не ешь.

Плешь священна

Мильна.

Татьяне Борисовне Букреевой⁺

к 25/января - 74

В былое время в день Татьяны
с утра и веселы и пьяны
на лихачах туда-сюда:
студенты, дамы, господа
носились в шапках набекрень
и прославляли этот день.

Бразды пушистые взрывая,
летели тройки по Тверской
и, никого не удивляя,
ломались к «Яру» всей толпой.

Не затихало буйство ночью...
Кто видел это всё воочью –
зарядку получил на век
и стал весёлый человек.
Так ли?

⁺ См. указатель, с. 243.

Лагерные художницы З.Грецова и Л.А.Ланговая запечатлели некоторые театральные образы той поры. Театральный триумф.

Во втором ряду сидят, слева направо:

Н.М.Аничкова (граф), З.М.Грецова, О.А.Стерлинг,
З.Бандеровская, Т.К.Владимирова

Грецова Зинаида Митрофановна, фото 1958.

Во время войны была вывезена немцами с Украины, а летом 1945 оказалась в Берлине, так сказать на свободе. Процесс выживания обеспечивался обменом вещей при переходе между зонами оккупации союзников. Всяческий контроль и ограничения еще не установились. С каким-то французом она уже была готова перебраться во Францию. В этот самый момент она была арестована, получила 25 лет, и вот – она – художник КВЧ 1-ой больницы Унжлага.

После лагеря окончила институт, приезжая каждую сессию в Москву; затем преподавала черчение и рисование в школах Кадиевки на Украине

„Трактиришница“

Волыжани
в роли
Графини Альбафриорита,
Г.М. Анурова

19⁷/₁54₂

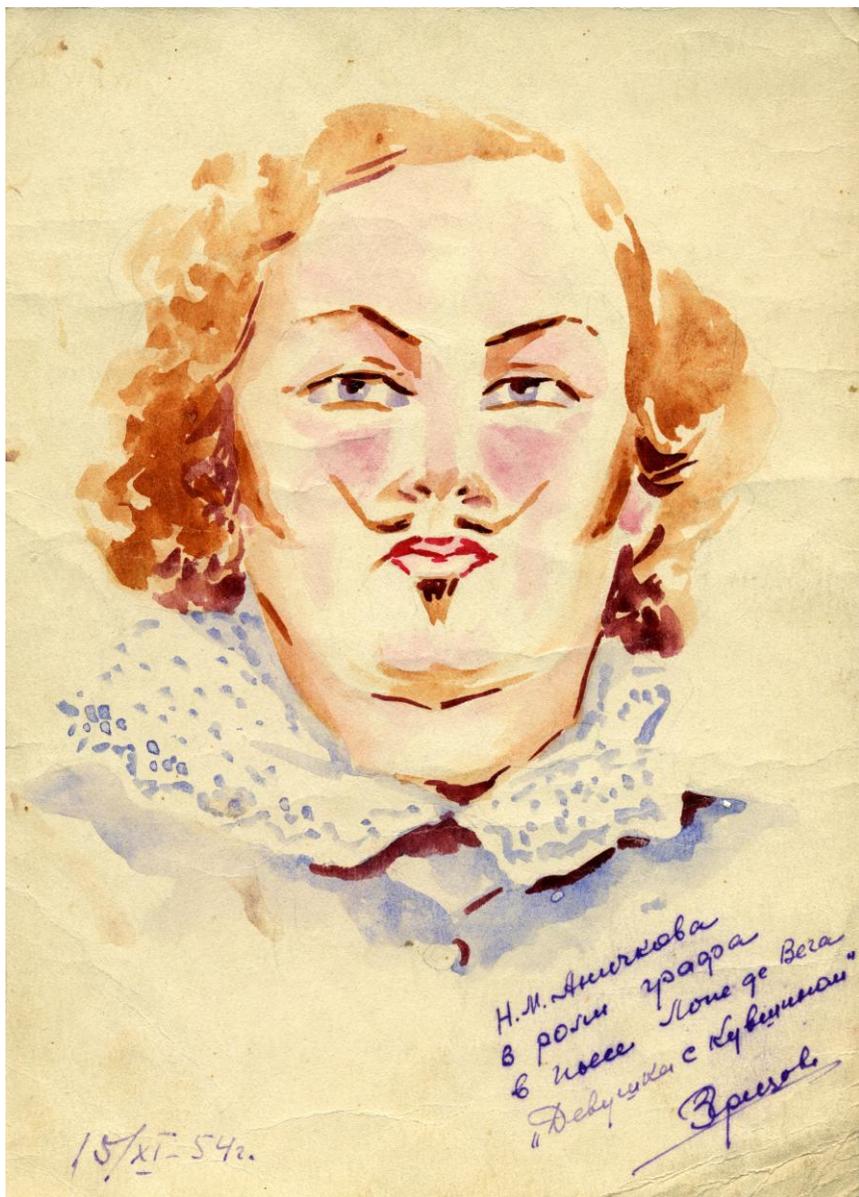
Анурова

Пьеса "Юность отцов"
Пекарь - Н.М. Яничкова

Доспирякит, обеланкит. - н. р. и, фел. ч. иа п. е. р. а. р. б.

Н.М. Андрико
в роли графа
в опере Ломе де Вера
"Делушка с Кукушкин"
Зритель

18/XI-54г.

176 – Север, путешествие 1963 года

Лазаретная сцена, подпись: «Посвящается Мильевне»

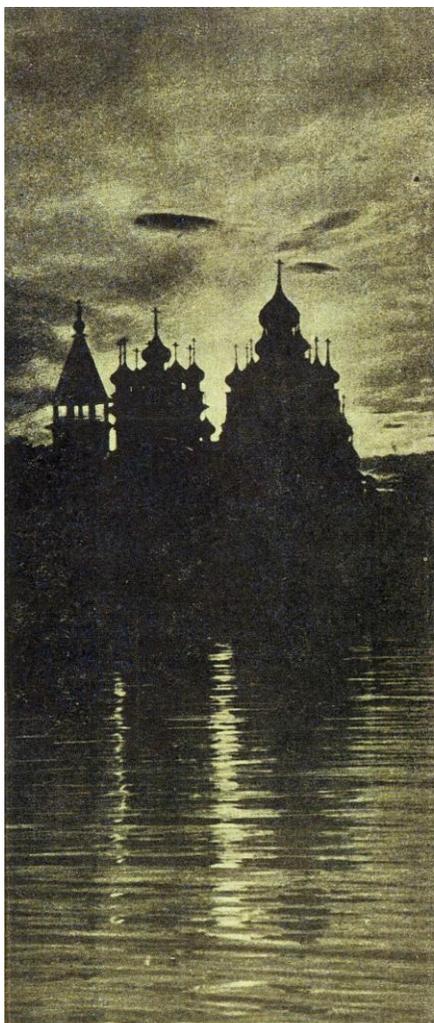
Ланговая, 21.1.1955

Мильевна рассматривает какой-то кондуит, медсестра у тумбочки, между ними спор (излагается стихами на полях справа от рисунка):

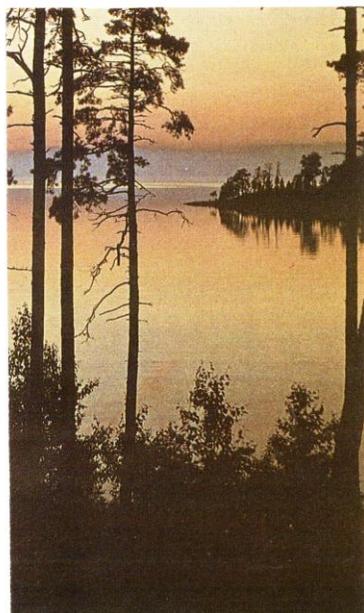
Они заводят долгий спор: «Кого послать почистить двор?
Кому в раздатке подавать, посуду мыть иль поливать?
А кто пойдет пилить дрова?» - красноречивы их слова,
но дни идут... Метет пурга... Казалось всё уж замела,
но...

Снова слышу разговор: «Кого послать почистить двор?»
Шумит в ушах, кипит в крови, ей не хватает уж шкалы!..
- На голову пузырь со льдом, а разговор опять начнем
про белого бычка: «А кто пойдет теперь... куда?»

*О, Север, Север - чародей,
иль я тобою околдован?*

Тютчев

PRO MEMORIA

КАРЕЛИЯ И ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛ, лето 1963

Собственно путевые записки предваряет запись-рекомендация, полученная от Леонарда Юльевича Максимова и Нины Герасимовны Шаповаловой: что, как и с помощью кого следует увидеть в северных краях. Ее опускаем.

<ГЛАВА ПЕРВАЯ>

Путешествие по и близ Онежского озера

6/VII-63 Отъезд из Москвы Мильевны^{1*} и Нади^{2*}. Провожаящий почетный эскорт^{3*}: Петровна, Нина Влад., Ник. Ив., Зинуха. Обещал Андрей, но надул.

В купэ, кроме нас, 7 летний Сережа и его мама, оказавшиеся очень приятными спутниками. «Мама» работает в «Лаборатории искусственного перемещения облаков и туманов», а ее муж – в области космических лучей. Рассказала очень много интересного.

7/VII, Петрозаводск

На такси до пристани. Около неё большой парк. Посещаем выставку охотничьих собак, неудержимо ринувшись на разноголосый лай. Очень приятное зрелище! Больше в городе смотреть нечего, но Надя всё-же идёт «прошвырнуться», а Мильна отдыхает в гостинице на дебаркадере, где комнатки подобны каютам.

^{1*} Наталия Мильевна, далее (иногда) - М.

^{2*} Надежда Григорьевна Левитская, далее Надя, – Н.Г.

^{3*} Е.П.Раменская, Н.В.Морозова, Н.И.Маликов, З.М.Грецова, А.Г.Верещагин

В 8 вечера отплываем в Кижы. Свершилось! Сидим чудно - на носу. Вода тихая, не качает. Дивный закат. Манящие уютные, круглые и полукруглые острова; полуострова и берега, густо заросшие лесом. Пока, слава богу, никаких строителей... Но леса, по словам аборигенов, вырубается зверски, и лет через 10 все Онежье будет голое. Ужасно!!!

Один час плывём, петляя между островами, а 2 часа - по воде, морю подобной, п.ч. с одной стороны берег не виден вовсе, а с другой – едва маячит. Но, о радость, и тут не качает! И вот, вдали постепенно вырастают из воды Кижы – черным силуэтом на фоне неба, местами акварельного розово-голубого, местами оранжево-золотого. Силуэт изящен и сказочно таинственен. Красота, перехватывающая дыхание; Надя правильно вспоминает Билибина, а я думаю: если сейчас взорвётся котел, и все мы пойдём ко дну, можно будет воскликнуть: «А всё-таки мы видели Кижы!»

Остров (или островок?) Кижы тянется 6 км, а поперек – один- полтора км. Раньше пристань была около погоста, но умный директор, убоясь туристов – их костров, папирос и прочего хамства, перенёс её за 4 км.

Есть маленькая гостиничка, человек на 20, у пристани. Нам посчастливилось устроиться сразу на дебаркадере. Моя кровать у окна, выходящего на простор Онежского озера.

Мильна ложится в 12 ч, Надя с К^о гуляет до часу в лугах по полнолунию. Спутники из Л-да: мать (учит. музыки) с дочкой экономистом (лет 25) и другая пара – отец искусствовед <А.Н.Петров> с дочерью медиц. студенткой. Все приятные. Вторая пара культурна на повышенном уровне. <Рукой Н.Г.:> Мы выиграли большой приз: видели Кижы на фоне огромной красной луны, которая поднималась между церковью и колокольной, образуя золотую дорожку в воде, а на ней две четко очерченные тени. Вечер тихий-тихий, встают туманы, а кругом совсем светло – живая сказка.

8/VII

С утра – на погост 4 км по лугам и полям среди низких холмов. В полях жалкая картошка, овёс, горох, - всё низкое, чахлое, среди множества камней. Местами груды камней,

которые собраны вручную с полей и сложены. В лугах в высокой траве крупные цветы. На откосах холмиков много земляники. Дорога идет по высокой срединной части острова, слева и справа видны дали озера. Идём всей вышеуказанной К°. На погосте к нам присоединяются 3 московских художника, которые там сидели за мольбертами, и всех нас ведёт в экскурсию Нина Михайловна. Ведёт хорошо, сама женственная, милая, дело своё знает, любит, о нём болеет. Она (зам. директора) и Ник. Иллар. Долголенко работают здесь с 1 мая по 1 окт от краеведческого музея Петрозаводска; Кижы считаются его филиалом. Зимой здесь остаются только три пожарника – сторожа. Пожарников требовалось бы гораздо больше, но их не дают, а ведь сгореть Кижам ничего не стоит! Так страшно за эту жемчужину.

Об этом многие пишут в книге отзывов. Да, - болельщикам страшно, а вот министерству культуры не страшно... Они даже никак не решаются утвердить Кижы в звании заповедника, и он числится им здесь в Карелии, если можно так выразиться «на ура», для устрашения туристов и для самоутешения болящих о нем сотрудников.

Наш спутник Анатолий Ник. Петров искусствовед – сотрудник ленинградского комитета по охране пам. старины Лен. обл.(а м.б. даже – севера) говорит, что, по его мнению, в течение двух ближайших лет звания заповедника Кижам не дадут, п.ч. сейчас другая тенденция – к их сокращению. Но он надеется, что рано или поздно это будет. Что ж, будем надеяться и мы!

Подняты Кижы из состояния прозябания совсем недавно – в 1953 году моск. архитектором Ополовниковым - начата реставрация ансамбля, а закончена в 1959 г. Сюда свезено 15 деревянных памятников старины со всех углов Карелии, еще несколько церквей и часовен, из коих самая старинная 14 века, затем два амбара, водяная и ветряная мельницы, баня, неск. изб с убранством внутри, причем одна с топкой «по черному», а также взяты под охрану часовни-церквушки на ближайших островах: Волкостров, Подъельники, Корба и Воробыи.

Не находится слов, чтобы описать чувство, когда ходишь по погосту. Мильне иногда казалось, что она ходит среди декораций, или что всё это невсамоделешнее видение!

Ополовниковым были намечены к перевозке в Кижы 60 архитектурных памятников, но сейчас перевозка приостановилась - нет денег даже для сбора утвари и хозяйственных орудий, как сказал нам зам. директора Ник. Вас., показывая нам черную избу: «У нас нет на это даже 100 р». – сказал он. Надеются сотрудники на то, что дадут хоть немного денег, если будет утвержден подготовленный ими генеральный план. Мин. культуры Карелии переслало его в Мин. культ. РСФСР, а после него план пойдёт в Совет Министров.

В прошлое лето (1962) через Кижы прошло 35 000 туристов. С каждым годом количество посетителей увеличивается. Самые страшные посетители – школьники, которые забираются на крыши, на колесо ветряной мельницы, отдирают лемехи, портят замки (третьего дня, правда, не школьники, а группа солдат вывинтила пробой^х и сняла замок. А в островных церквушках взламывают окна и выкрадывают древние иконы. Позор, - сущий позор!

Лазали на колокольню. Мильна, оседлавшая своего Пегаса по кличке «Азарт» одолела 79 ступеней.

Часов с 4-х полил основательный дождик. Пытались отсидеться в помещении, где разложено много альбомов с очень удачными, со вкусом сделанными фотографиями всех церквей заповедника (на центральном и на прочих островах). Смотрели горницу, в которую собраны местная одежда и вышивки. В этой горнице сидели и срисовывали вышивки 3 московские студентки из художественного училища.

Дождик не пересидели и пошли домой на дебаркадер. Все пошли очень быстро, а Мильна отстала и чудесно прошла одна, медленно, как на прогулке, любуясь природой, оглядываясь на легендарные, непостижимые уму, Кижы.

Надя и вышеуказ. Петров умудрились стрелкнуть в дер. Ямки полбуханки хлеба и 3 кг картошки (уломали какую-то старуху). Дома всё сварили на всю К^о и с аппетитом съели. А с

^х пробой – металлическая проушина для навешивания замка.

11 часовым вечерним пароходом приехал хлеб и макароны из Петрозаводска. Надя помогала их разгружать, и ей их продали первой, так что на два дня мы едой обеспечены. Хлеб и продовольствие здесь бывают от случая к случаю. – Аборигены пекут хлеб сами.

Когда Мильна будет это рассказывать Матвею Абр.**, он скажет, «врёт», как сказал год назад после нашего возвращения из села Бучак на Днепре, где была та же картина. Блажен, кто верует...

Деревня Ямки состоит из 6 домов. Обитаемы три. Остров нарочно не электрифицируют и не радиофицируют, надеясь, что это заставит поскорее выехать <еще живущих> из деревушки. Когда это случится, она вся целиком войдёт в заповедник. По поданному на утверждение генплану под заповедник должен отойти весь остров (6 км x 1 км), но сотрудники боятся, что это очень долгая, м.б. на несколько лет, волынка, т.к. этот план, несомненно, будет возвращен для изменений, дополнений и т.п., и так будет несколько раз.

Хлопотали сотрудники о разрешении выпустить серию открыток, которая, конечно, расходилась бы очень быстро и давала доход. Но им в этом отказали. Причина по их предположению та, что нельзя распространять изображения церквей. – Фу, до чего глупо!

На местном языке люди, которые встают спозаранок, называются «рановстайки», а старуха, которая продала нам картошку, сказала Наде, что их деревушка Ямки входит в состав совхоза «Продрес» (это вместо «Прогресс» - замечательно!)

9/VII – посвящено осмотру трех недалеких островов с церквушками-часовнями. Кстати, островов на Онежском озере 1650, причем малюсенькие не считаются за единицу.

Повёз нас на моторке Ник. Иллар. Долгоненко, 45 –летний, очень, очень приятный человек, влюбленный в природу Карелии и в древнюю деревянную архитектуру. Он сотрудник краеведческого музея в Петрозаводске, а с мая по октябрь

** М.А.Аранович

переезжает в Кижы с женой и двумя детьми. Звали его на работу в Горький, в хорошие бытовые условия, но он не желает расставаться с Карелией. Он рыбовод, любит ходить по грибы и по ягоды, вообще – человек! (написано разборчиво и при жирном ! знаке).

Узнав, что 42 года назад я, два лета подряд работала на Карельских озерах с гидрологической экспедицией, влюбилась тоже в карельскую природу и 42 года мечтала снова ее увидеть, он просиял и стал поглядывать на меня с явной симпатией. Мест на катере четыре. С нами поехала чудесная очень молодая пара москвичей – Артур (физик) и Наташа (экономист)⁺, тоже болельщики архитектуры, умные, простые, очень веселые, воспитанные. Они путешествуют по северу в своём автомобиле, но в некоторых местах оставляют его на сохранение какому-нибудь «дяде Ване» и на 1 – 2 суток исчезают. Отсюда они поедут на Кивач, потом – в Кемь, где опять бросят машину и съедят на катере в Соловки. Дальнейший их путь я забыла, но они – явные молодцы. Артур нащёлкал много снимков и сам предложил нам в Москве эти снимки предоставить. Ура – будем с Кижями.

Из островных церквушек самая очаровательная в Подъельниках; она настолько хорошо «оформлена» пейзажно, что ее снимали киношники. Прелестная сама по себе, она окружена старыми, тёмными, разлапистыми елями, которые тянут свои лапы навстречу деревянным лапам, держащим крышу.

Вокруг церкви ограда из наваленных друг на друга камней. Между камнями норы гадюк или «гадья», как их здесь во множ. числе называют. Пока мы шли метров 300 от лодки до церкви, ели землянику, чернику, любовались крупными колокольчиками и ромашками, а Николай Иллар., всё время предупреждал, чтоб остерегались гадюк.

⁺ А.Н. и Н.Н. Ермиловы.

Об архитектуре, всяких гульбищах (балконах) креплениях, лапах, свесах, причелинах и пр. деталях стройки Ник. Илл. говорит с нежностью. Он учился на операторском факультете. И силуэт Кижей на купленном нами путеводителе - его снимок, получивший I премию на фотовыставке.

На следующей остановке – Волкострове церковь стоит менее удачно - среди большой деревни. Прошлой зимой сгорели в этой деревне две избы, но на счастье церквушки 17 в. в этой деревне квартируют реставраторы Кижей, они прибежали и церквушку-часовню отстояли. Лазали мы на её колоколенку, с которой чудный вид на залив с множеством маленьких островов. Церковь эта необычна тем, что вокруг нее идёт деревянная узкая галлерейя - гульбище; обычно гульбище бывает на домах, а не на церквях. Звонница – крыта шатром с главкой.

Здесь мы особенно близко рассмотрели лемехи. Они изумительны тем, что не только издали, т.е. с земли, но и вблизи кажутся металлическими – до того сильно отполированы, а делали их, оказывается, всего на всего – топором.

На острове Воробьи небольшая деревушка, которая тоже недавно горела, но так как она всего в двух км от Кижей, прикатили через залив пожарники с погоста и отстояли часовню.

Погода была тихая, волнения не было, никого не укачало. И природа, и переезды по озеру, и часовни, и земляника, и гадюки - которые не показались, и наши трое спутников – всё было ПРЕКРАСНЫМ, и день этот будет незабываемым!!!

На выходе из моторки буквально наткнулись на Киру[†]!! Ну, конечно, - вопли, смех. Она приехала в Кижы из Вологды и вот – столкнулись! Вечером на дебаркадере совместный ужин из макарон и обмен опытом по туризму.

10/VII Последний день среди кижской сказки.

Надя подключается к Кире и вторично, подробнейше обходит с ней заповедник. Ведёт та же милая Нина Михайловна.

Мильна долго спит и лежит, аж до 12 дня - отлёживая и отсыпая подвиги предыдущих двух дней; а потом ходит по лугам и холмам, клюёт землянику, сидит на самой верхней точке о-ва, глядя на погост, водные дали, островки, чтобы всё навсегда отпечталось в памяти; домой приносит большой букет крупных ромашек, колокольчиков и васильков, ставит их в большую консервную банку из-под груш, которыми накануне нас угощали Наташа и Артур.

К сожалению, эта милая пара уехала с ночным пароходом.

[†] К.П.Собенникова.

Кира и Надя возвращаются вечером, удачно подстрелив в лавочке гороху. Питаемся. Ложимся, но спим плохо – к 11 часам пароходом приезжает новая партия туристов, устраиваются на ночлег.

С 5 час утренним пароходом отбываем втроем в Петрозаводск. Долго стоим на корме, прощаясь с Кижами. Постепенно они скрываются из глаз, снижаясь за островами – для нас – Карельская Атлантида снова погрузилась на озерное дно.

11/VII – ГЛАВА ВТОРАЯ

Снова Петрозаводск, но мы через него лишь «промелькиваем», подкрепившись жратвишкой: Кира и Надя в столовых, а Мильевна – прямо на бульваре на скамейке.

Кира даёт телеграмму «буду в понедельник Левитской догово-рилась». Смысл её в том, что она должна была выйти в субботу, а каким образом она договорилась с Левитской, с которой они поехали в разное время, вызовет в библиотеке удивление и разговоры на весь день. Надя и Кира хохочут, воображая этот гвалт.

На автобусе уезжаем в Кондопогу. На подступах к ней разражается ливень. Просим шофера остановиться у гостиницы, мимо которой проезжаем, но он «вежливо» отвечает, что останавливаться для всякого не намерен. Выходим «у сквера», бредем назад в плащах по лужам, ливень снова припускает, и мы отсиживаемся в книжной лавке. Мильна покупает стихи Бернса в новом переводе какого-то Федотова. Интересно будет сравнить с Маршаком. В гостинице с приятностью моемся из умывальника (в Кижях мылись из озера с мостков) и мертво спим два часа после утомительного переезда под утро на пароходу и днем в автобусе. Потом – совещание. Кира тянет на Кивач, я против; он в моих глазах прежний – могучий, еще не спущенный; зачем портить впечатление? И переться туда не за 15 км, как наврал Лин⁺, а за 30, полдороги на автобусе и пол – пёхом. Вмешивается агрономша, ночующая в нашем номере;

⁺ Л.Ю.Максимов

190 – Север, путешествие 1963 года

подтверждает теперешнее жалкое состояние Кивача и Кира сдаёт позиции.

Устремляемся за 4 км в деревню Кондопогу, чтобы посмотреть церковь 1764 г, ради которой сюда и приехали. Туда ходит автобус. Перед посадкой обедали в чистом, уютном кафе, где стулья на последний московский манер – цветные и с кандибобером, т.е. какие-то выгнутые.

4 км едем в отчаянной тряске по глубоким рытвинам; у М. разбаливается голова, но заезд в Ригу и на этот раз не состоялся, как это ни странно.

Кондопожская церковь стоит очень выгодно – на мысу, вдающемся в озеро; очень высокая, с озера, вероятно, - очень эффектна. Ищем лодку, чтобы отъехать, но не находим. Очень хороши два симметричных высоких крыльца с обеих сторон. От церкви впечатление большой легкости - книзу она слегка сужается, и это подчеркивает легкость. Бревна – массивные колоды, но издали это не видно, с подветренной стороны они почернели, с другой – светлые.

Назад плетёмся пешком (по шпалам), Мильна – на последнем дыхе. Встречаем двух англичан, один рыжеватый и бородатый. Оказывается, шт. 20 англичан монтируют какую-то новую машину на бумажном комбинате.

Вечером интересная беседа с вышеупомянутой агрономшей. Её фраза: все живут мыслью и надеждой, что что-то изменится, п.ч. дальше так жить нельзя. В этом краю только совхозы, и все жалеют о колхозах, п.ч. в них у людей была какая-то причастность к управлению хозяйством, а теперь все на жалованьи, и никто в работе не заинтересован; плана не выполняют и все совхозы на дотации.

Между прочим рассказала как приезжал на Север Н.С.Хрущов. В Архангельске ему показали все теневые стороны, и он им отвалил большие суммы, а Петрозаводск подал «потемкинскую деревню» и ничего не получил.

12/VII – Петров день

С утра, переночевав в гостинице, идем на пристань на озере Ниг и в 10 утра отплываем на катере «Судак», который

идёт в Тивдию на оз. Сандал. Там были разработки белого и розового мрамора, но теперь эта «белая гора» почему-то заброшена.

Озеро Ниг тянется км 5 – 7, потом через искусственно сделанный проход между двумя островами, въезжаем на озеро Сандал. Оно большое ~ 150 км², а глубиной ~ 50 м, и очень красивое: с островами, заливами, скалистыми берегами.

Мильна была здесь 42 года назад (в 1921г). Работала всё лето в «ОНЭ» - Олонецкой научной экспедиции, возглавлявшейся Глебом Юрьевичем Верещагиным. Мильна погружается в воспоминания и едет в лирическом состоянии души с прорывами в бурную радость от окружающих просторов, синих вод и т.д.

Через 3 часа подъезжаем к деревне Ерши, где была база экспедиции, <далее рукой Н.Г.> оттуда – в Тивдию, а на обратном пути заходим на о-в Лычный - цель нашей поездки. Лычногорскую церковь во имя Петра и Павла видим издали – она стоит на самом высоком месте почти безлесного о-ва. Её считают прототипом Кондопожской церкви. У них много общего (шатер, крыльцо здесь одно, силуэт), но на Лычном церковь, конечно, гораздо скромнее, миниатюрнее, в ней нет такого стремительного порыва вверх, но стоит она бесподобно и красит пейзаж всей окрестности.

Ночевать устраиваемся в «малой» деревне у Евдокии Андреевны Назаровой. Получаем большой сеник, неограниченное количество сена и чистых половиков, ватное одеяло и подушку. Дом, как почти все местные постройки, – огромный, но пустой. Хозяйка живет одна, летом приезжают дети и внуки. Зимой в деревне остаётся 13 человек в 6 жилых домах, несколько домов просто заброшены, никто их не покупает, и постепенно они растаскиваются на дрова. Такую картину мы видели на островах Онежского оз., то же самое видим здесь. Деревня превращается в дачное место, куда приезжают летом, на воскресенье, за ягодами, на рыбалку. Дети местных жителей чаще всего живут в Кондопоге, многие – в Петрозаводске, изредка даже – в Москве. Сплошь и рядом они имеют образование, но чаще работают на стройках и заводах просто рабочими.

Бросив вещи, идём с Кирой за ягодами – это здесь же, в трёх минутах ходьбы от дома: перелезаем через забор, идём роскошным лугом к огромным каменным глыбам и погибаем в земляничном море. Через полчаса кружки полные, светит солнце, тепло, мы раздеваемся и пасёмся самозабвенно. Вечером добываем молока, варим манную кашу и едим землянику.

После ужина втроём идем к церкви, мимо которой мы уже проходили по пути к деревне. У сторожа берём ключ. Внутри церкви пустота. В небе остервенело поют жаворонки. Спим в пустой комнате во втором этаже, рядом еще одна пустая комната.

13/VII Утром солнце и тепло. Одеваемся в сарафаны, моемся на озере. Вода шелковистая и абсолютно прозрачная. Все вместе отправляемся по ягоды. Ползаем по скалам и блаженствуем в высоченной траве лугов. Мильна, убоявшись солнца, скоро уходит домой, Кир пытается использовать последнюю возможность загореть. Удаемся ягод до осоловления. На обед уха и по тарелке (полной) земляники с молоком и сахаром. Кружку земляники Кира берёт с собой. После обеда пытаемся с Кирой проникнуть на лесистый полуостров, но по дороге туда – болото, а потом... опять земляника, и мы теряем облик человеческий и опять пасёмся. Вечером провожаем Кира. Трудно поверить, что через день она будет работать!

14/VII

Опять солнце и совсем тепло. Сегодня воскресенье, из Кондопоги приехали все возможные родственники островитян и набросились на землянику. Мы с Мильной набрали две кружки и прошли на самый конец острова. Путь лежал через сказочные луга: ромашки, колокольчики, клевер с дурманящим запахом, гигантская трава. Угнездились на камушках у самой воды, с удовольствием вымылись, посидели; было тихо, тепло и солнечно.

На обед ели суп из тушенки, творог и землянику со сметаной и с сахаром – амброзия! Вечером под трели

жаворонков ходили опять к церкви между двумя рядами косых заборов.

<запись конца дня рукой Мильевны, след день 15 – снова Н.Г.>

С уехавшей вчера Кирой послали в 24 комнату библиотеки берестовый свиток со словами приветов.

Позавчера вечером, сидя у церкви, три дуры не могли определить – какой пылающий шар висит в небе – луна или солнце – от блаженства совсем подурели.

Не забывать увиденное представление: шуточную драку теленка с козленком.

15/VII

Утро серенькое и тихое. Встаём рано, п.ч. к 8 часам надо быть на озере, сосед - председатель сельсовета, Ник. Ив. обещал перевезти нас в Ерши, где мы хотим пробыть несколько дней. Переезжаем озеро за полчаса благополучно, Мильну чуть качнуло, но без видимых последствий. Начинается тихий, мелкий, безнадежный дождик. Оставляем вещи у почтальона Ник. Ильича Шульгина и в плащах (Мильна в самом озорном настроении) отправляемся по лесным каменистым дорожкам в деревню Ояжи за три км, где хотим заказать берестяные кошельки. Проходим через дер. Владимирское, где очень хорошая школа с энтузиастом учителем, под руководством которого при школе разбит сад и возделан огород со всякими овощами, не культивируемыми во всей округе. Мильна не преминула позвать руку директору школы. Заказали кошельки на среду. Сухие благодаря плащам, но с мокрыми ногами: Мильна – очень довольная, я – довольно мрачная, возвращаемся к почтарю, переобуваемся, пьем чай и идем на квартиру к чудесной женщине Марии Ивановне.

Она живет одна, две комнаты жилые, есть еще светёлка. У нее всё очень приятное и какое-то целесообразное. Нам даже её коза и кот кажутся симпатичными. Опять пьем чай! Потом хозяйка уходит работать – она почтальон, а мы блаженствуем в одиночестве: лежим, читаем, в лавочке я покупаю даже масло! Возвращается хозяйка, топит плиту, мы жарим огромную

сковороду картохи, едим с помидорами. Вечером моемся в бане, на самом берегу озера с потрясающим видом на дали. Банька роскошная, топится по черному, моемся мы совсем одни и просто упиваемся приятностью ощущений. В благодарность за баню я иду развлекать семейство Шульгина, особенно его старшую дочь, мечтающую поехать в Москву. Спим валетом на огромной кровати с пружинным матрацем, но без клопов.

< Далее - рукой Мильны:>

Перед сном долго сидим на пристани, любуясь невероятной красоты закатом. Окраска неба и воды сменяются каждую минуту. Небо (облака) и вода соревнуются в этой игре красок. Зеленое, голубое, синее, красное, оранжевое, золотое, но все - нежных пастельных тонов, кроме самого солнца – раскаленного пылающего.

Когда гости уходят, здесь принято говорить «беседуйте».

Насчет Мильниных бесед, везде где только представляется случай, - не сумлевайтесь! Время не потеряно.

Приметы в Ершах:

- 1) задница чешется – у тещи масло будет дешевле;
- 2) штаны падают – весна будет крутая.

16/VII Погода роскошная - по ощущению – градусов 25. С утра Мильне нездоровится и она лежит до 12-ти. Надя читает и пишет дневник, сидя на берегу. Днем гуляем, забравшись потихонечку на высокий скалистый берег. Стараемся не попадаться коровьему стаду из-за ярко красной одежды Нади. Клюем земляничку, хотя ее здесь значительно меньше, чем на Лычном. С чудесным большим букетом возвращаемся домой. Обедаем вместе с нашей милой хозяйкой. Меню: картошка, зел. лук, помидоры, тушонка, творог – здорово! Пьем чай у самовара и через полчаса продолжаем это дело в семье почтаря. Там все влюбились в Надю и потребовали её прихода.

Солнце село в большую тучу. Неужели завтра будет дождь? Господи – пронеси, ведь последний день на моём милым Сандале.

Погода роскошная. Надя идет в дер. Ояжи за заказом и приносит два кошеля (нам и Киру) и две игрушки мне, тоже из бересты. Опять гоняем чай дважды у нашей милой, умной и мужественной хозяйки Марии Ивановны, которая одна подняла двух детей. Ее муж во время войны перешел на ту сторону, а ее несколько раз «таскали». Идём проститься с Шульгиным (почтарем) – и опять самовар!

Кошели уезжают по почте в огромном мешке, купленном в лавочке. В половине третьего уезжаем, т.е. отплываем опять на «Судаке» (по Нигу и Сандалу ходит только этот катер, но при малой населенности этого вполне хватает).

Плывем по необъятной сини. Воды и небо сливают свою синь в одну громадную чашу. Чайки нас сопровождают всю дорогу, кланяются. Любуемся церковью на Лычном пока она не скрывается из глаз. Боже, мой, боже! Как здесь хорошо, и могла ли я думать, что попаду сюда вторично!!!

В 20-м году между Сандалом и Нигом был узкий канал, в котором наша барка на парусах шла впритык к берегам, и мы плыли словно в коридоре, прорубленном в высоких соснах. Ныне, увы, этот поэтический канал заброшен и пароход проходит через широкое отверстие, прорытое, вероятно, экскаватором. Поэзия снизилась...

А уж на самом Ниге – тем более, потому что по его берегам ближе к Кондопоге построены ряды дачек, а из самой Кондопоги торчат невероятной высоты две трубы бумзавода. Одна печаль...

Высидевшись идем на ж/д вокзал, сдаем вещи на хранение. Обедаем в кафе – кафушке, как мы ее прозвали. Она предельно модерн: ярко красные, изломанной формы стулья, стены наполовину зеленые, наполовину лиловые. После обеда идем в красивое зданье киношки, выстроенное под ампир и имеющее в своем фойе колонны и хоры на них, как в добром помещичьем доме начала 19 века. Смотрим фильм «Большие и маленькие» по мотивам книги Макаренко для родителей. Фильм ничего.

Ночуем в гостинице на двухспальных кроватях каждая. Без «ямки» Мильна спит плохо.

18/VII Утро. Поели блинов в нашей кафушке. Сейчас сидим на вокзальчике (тоже с колоннами и очень хорошеньком) в ожидании поезда, который через 4 часа доставит нас в Лодейное Поле. Дальнейшее туманно. Будем как-то добираться до Вытегры. Это будет третья глава, а пока глядим на Ниг и прощаемся с ним и Сандалом. Прошедшая здесь неделя была тихой, милой и ласковой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

18/VII – Переезд по ж/д Кондопога – Лодейное (или, как здесь говорят, Лодэйное) Поле.

Переезд прошел благополучно. Ехали все 4 часа через леса, часто мимо озёр. На маленькой станции Деревянка надпись, что здесь начал свою трудовую жизнь космонавт-3 Адриан Николаев.

В Лодейном Поле стояло одно единственное такси, как будто специально для нас. Шофер согласен везти в Вытегру не менее четырех пассажиров; один находится. Другого, как Надя ни бегаёт в разные стороны, не находится; тогда шофер, назначив нам по 7 руб с человека, милостиво везет нас. Ехать 200 км. (Виновата, 199).

Выехали из Лодейного Поля в 6 вечера, приехали в Вытегру в половину первого ночи. Приехали бы раньше, но у машины дважды что-то ломалось, и мы стояли первый раз - час, и второй раз - минут 30 – 40, пока шофер чинил ипил, заодно, пиво. Первая стоянка была в 65 км от Лодейного поля на берегу очаровательного небольшого озера. Мы стояли между рощей и полем, с которого от двух стогов, повидимому, только что сложенного сена дивно пахло. Вечер был тихий, озерко – зеркальное и в нём заворожённо стояли отражения трех роц: темное хвойное с берега напротив, и светлое березовое справа и густозеленое от кустов с берега налево.

Я была рада-радёхонька этим стоянкам, т.к. на них отдыхала и приходила в себя от укачивания и тряски по неважной дороге. Но совсем отвратительной дорога становится

когда въезжаем в Вологодскую обл. (Вспоминаем рассказ Веры Солом. о «Добро пожаловать») <на границе Ярославской и Вологодской обл., где кончается дорога и “начинается пересеченная местность”>, и последнюю треть пути я укачиваюсь окончательно и приезжаю в Вытегру бледной немочью.

Гостиница переполнена, но, Христа ради, нас пускают вдвоём на одну кровать, бронированную для кого-то. На нашу удачу этот кто-то так и не приехал и, утомленные, мы засыпаем, как убитые.

19/VII

Ездили на автобусе за 4 км в Анхимовский погост смотреть 20-главую церковь – предвестницу Преображенской ц. в Кижях. К сожалению, 1) она не расшита от досок, 2) на ней не висит охранной доски; 3) забор вокруг разрушается и около церкви ходит и гадит скотина; 4) около ступеней крыльца валяются разбитые бутылки, из чего явствует, что на этом красивом месте с видом на реку любят распивать пьяницы, а что им стоит спалить эту жемчужину древне-русской архитектуры? Ведь таких церквей не только на Руси, но и на всей нашей планете только две⁺.

Построена Анхимовская ц. из бревен без крепёжного материала, в том числе и без гвоздей. Стены не конопатились. Однако и сейчас, после того как здание простояло два с половиной века, между бревен не пройдет и волосок. Оригинально угловое крепление бревен – не в поперечные пазы, как делается сейчас, а на конус «ёлочкой». Окна, рамы, наличники, подоконники сделаны также без единого гвоздя. 20 куполов церкви так оригинально расположены, что их трудно сосчитать.

Это вторая и последняя многоглавая жемчужина русской архитектуры. Её надо сделать памятником всесоюзного значения, а ее не берегут вовсе...

Возвращаемся в город на попутной машине – грузовике.

⁺ Осенью того же года Анхимовская церковь сгорела.

Посещаем музей, который помещается в бывшем соборе, эффектно стоящем на горе. Здание XIX в. В музее хорошая экспозиция зверюг Вологодского края – и настоящего времени и тех, которые уже давно перебиты. Есть макет Анхимовской церкви, схема и история канала <Мариинской системы> Временная маленькая выставочка живописи местных кружков рисования. Приятны пейзажи инженера Н.П.Кузьмина, особенно - два заката «как на Сандале» - с невероятной игрой красок.

Обедаем в кафе на пристани. За нашим столом два рабочих; пожилой втихую пьет захваченную с собой водку, молодой смешно и умилительно рассказывает о посещении им Москвы 1 мая, о впечатлении от парада, о том, что видел Никиту Сергеевича. Я облегченно вздыхаю после вчерашних подлых рассуждений шофера о Н.С. и его отвратительных дифирамбов Сталину – без отвращения не могу вспоминать этого молодого шофера. Мало того, что он хвалил Сталина, он еще сладострастно пытался давить зайцев, перебегавших дорогу 7 раз и хвастался, что часто это делает. Из него бы в сталинскую эпоху славный расстрельщик получился; жаль поздно родился. Но я отвлеклась.

Вечером в гостинице.

Приехала из недалекой деревни бабёнка с 6-ю детьми – от грудного до 13 лет. Приехала повидать мужа, который за многоженство посажен в тюрьму. Ему еду привезла, а дети – такие голодные, что ревут. Собираем у себя в комнате еду и относим им, дети на еду набрасываются, как шакалята. Дура мать собирается везти их начальнику тюрьмы, дабы он разжалобился и отпустил отца. После тюрьмы собирается обойти всё городское начальство, грозя им, что будет детей душить. Старшая – 13 лет девочка, не учится. Мать говорит: «чаво учиться, рожать и без книг научиться».

Матвей Абрамович скажет, что это всё я выдумала. В гостиницу эту семейку пустили из милости, расположив на полу в умывальной комнате.

В нашем номере две гражданки средних лет, командированные, одна - из мин-ва речного флота, другая - из мин. транспортного строительства. Рассказывают небезынтересные вещи. Первая приехала подготовить в

Вытегре достойную встречу двух министров этих обоих министерств (прямо как в гоголевские времена). На следующий день, едуци по каналу, мы встречаем небольшой эlegantный пароход, на котором плывут министры. Оба пузатые, возлежат на шезлонгах под тентом, натянутом для них на носу. Вид у обоих неприступный, надутый. В шлюзе, на котором мы встретились, не подумали ни сойти, ни хотя бы через борт поговорить с народом. Ехал бы вместо них Хрущов, - наверняка выходил бы на шлюзах, со всеми говорил, всюду бы совал нос... Эх, не берут с него пример его министры!

В той же гостинице вечером чрезвычайно интересный и содержательный разговор с пожилым человеком из Вологды, который разъезжает с ревизией каких-то финансовых органов. Он любитель природы севера и хорошо разбирается в агрономических делах. На мое недоумение по поводу плачевного состояния Вологодской обл. сказал, что до 1952 года в области было столько ржи, что она кормила себя и делилась с Ленинградом и рядом др. городов севера. А теперь ее кормит целина, а здешняя рожь идет на силос, п.ч. везде животноводческие совхозы.

ГЛАВА <ТРЕТЬЯ - продолжение>:

Переезд по каналу, Вытегра – Вологда

20/VII

Предельная жара. Градусов 30, если не больше. В каюте дышать нечем. Отчалили от Вытегры в 7 утра. Прошли два новых грандиозных шлюза, только что построенных; они заменили 10 маленьких старых. А потом начались старые, их было 26, осталось 16. Каждый шлюз обсажен березами, высокими, старыми, и они делают шлюзы красивыми и уютными. «Коробка», в которую опускается паро-ход – мелкая и стены бревенчатые; в неё опускаться не противно, не то что в эти новые глубокие – страшные пропасти из бетона.

По берегам леса и луга. От шлюза до шлюза очень близко, иной раз – до 200 м всего на всего. Надя почти весь день идет пешком, заходя домой (т.е. на пароход) только поесть, принести

200 – Север, путешествие 1963 года

Мильне водичку из родника и т.д. Самая красивая сторона правая от шлюзов, бездна цветов.

Мильна тоже выпархивала 2 раза, «сигая» через перила палубы и шла до следующего шлюза. Набрала большой букет, который поставила в салон в качестве «лепты» подавалке, чтобы она ей по утрам и вечерам давала крепкий чай и варила яйца. Цели достигла. Среди полевых цветов здесь растут огромные белые колокольчики, очень напоминающие садовую кампанулу.

Проезжали мимо Анхимовского погоста, на котором были вчера. Он расположен между первым и вторым большими шлюзами, очень хорошо виден с парохода. На 19-м шлюзе вылезли и поползли вверх по отвесной горе через скошенное сено к Девятинской церкви. В самых крутых местах Мильна ехала на буксире (Надя).

Девятинская ц. - деревянная, пятиглавая. Между 4-мя главками (которые ниже центральной) имеются четыре бочки. Церковь обшита тесом, местами ободраным. Охранной доски нет. Забора нет. Сторожа нет. Громоотвода нет. Внутри склад – мука. Раньше стояли лошади. – Всё в порядке!

Канал был задуман Петром, а построен в начале XIX в, назван Мариинским, п.ч. частично строился на деньги Марии Федоровны (жены Павла). Реконструирован в конце XIX века, в 90-х годах. При выезде из I шлюза есть часовня, построенная на месте, где стояла палатка Петра I, при его посещении Вытегры. («Вы тигры» или «Камзолники - будьте обрядновы»).

Петр, задумав канал, послал заграничных инженеров наметить трассу, а после этого собственноручно прошел эти десятки верст, проверяя их проект.

За шлюзом в Девятинах начинается так наз. «Девятинская лестница» - шесть шлюзов, расположенных в искусственном русле, пробитом в гранитной скале. С двух сторон крутые берега с выходами гранита покрыты земляникой и цветами. Приблизительно между 21 и 22 шлюзами есть прибрежные лужи для купанья - теплые и чистые, что Надя испробовала на себе. В канале вода кофейная, купаться не тянет, а на шлюзах служащие пьют воду из глубоких колодцев. Обслуживают

шлюзы только женщины, вручную. Труд нелегкий. Крутят за ручку вал только вдвоём.

Надя блаженствует в жаре, среди природы, всё время носится взад и вперед, на неё радостно смотреть.

<Рукой Н.Г.:>

Вечером вошли в узкий канал, соединяющий Вытегру с Ковжей. Это и есть, собственно, Мариинский канал. Он очень живописен. Берега поросли густыми кустами, лесом или просто высоченной травой. У самой воды фантастически изъеденный водой песчаник: бело-желтый и даже коричневый. Сидим наверху долго. Уже совсем темно, пропускаем первый шлюз, начинающий спуск в Ковжу, и только тогда идем спать – всё равно ничего не видно.

Еще до канала, в последнем шлюзе (26-м) встретили шикарный катер, который вез двух министров (см выше). Они сидели под тентом на носу катера со своей свитой, не обращали никакого внимания на всё и всех окружающих. Женщины, натужно вертевшие лебёдку шлюза, с горечью говорили: «даже не смотрит – что мы ему?»

После 26 шлюза начался широкий разлив Вытегры и своеобразный индустриальный пейзаж: по всей реке стоят земснаряды, землечерпалки, баржи отвозящие грунт и всякая другая техника, расширяющая, углубляющая и чистящая русло. Вдоль реки бесконечно тянутся трясины отсосанной и вычерпанной грязи.

21/VII

Проснулись рано, п.ч. с 5 утра к нам в каюту стали рваться офицеры, едущие в отпуск. Это работники охраны лагеря, который ведет очистку русла канала. В 7 час двое наших спутников сходят и поселяются два военных. Утро серое, прохладное. Окрестности – унылые пустыри, где раньше стояла огромная деревня Конево. Теперь всех выселили, место это будут затоплять при реконструкции канала. Начинается довольно безнадежный дождь. Окрестности малоинтересны, мы

202 – Север, путешествие 1963 года

спим до выхода в Белое озеро и прекращения дождя. В 2 часа дня - Белозерск.

«Белозерску 1100 лет» – это обозначено белым на валах, опоясывающих древний центр города. Внутри валов – пятиглавый тяжелый Успенский собор XVI века. За валами – деревянная церковь – два четверика, а сверху восьмерик, второй четверик кверху расширяется. Восьмерик увенчан одной главкой на шейке обшитой еще старым лемехом. Церковь обшита тесом, во многих местах оторванном, крыша проломана, но охранный доска висит. Церковь очень изящна, но сейчас она в самом жалком состоянии.

С другой стороны валов находим аккуратно сложенные кирпичи - остатки только что разрушенных торговых рядов XVI в. На их месте из их кирпича будут строить магазин. Еще стоят две арки рядов, но и их должны снести. С валов увидели голубые купола действующей церкви. Под мелким дождичком, который снова налетел, идём туда. В ограде стоят две отремонтированные церкви: большой собор и маленькая, более поздняя, зимняя церковь. Собор большой, пятиглавый с тремя апсидами, с большими стройными плоскостями стен, разделенными лопатками на три части. Западная и северная стороны несимметричны, а на углу интересная лесенка зубчиков. Собор производит впечатление старого, очень гармоничного сооружения.

У самого канала стоит стройная высокая пятикупольная церковь, опоясанная широкой лентой цветных изящных изразцов и двумя рядами кокошников над ними, которые образуют закругленные углы под самой четырехскатной крышей. Рядом – колокольня с шатром московского типа.

В Белозерске обедали в столовой, ели потрясающего судака, нежности и свежести сверхъестественной, а по дороге на пристань купили малины.

<Снова рука Наталии Мильевны:>

В каюту к нам под утро посадили 2-х охранников, которые ехали в отпуск. Здесь есть два лагеря. Я не удержалась и спросила – есть ли в них политические заключенные? Ответ был

очень приятный: «нет ни одного». Слава Никите Сергеевичу!!! Один из этих военных держался очень хорошо: лежал и читал, был вежлив. Он учился в Ленинграде в Мореходном училище, заболел, ушел, а после лечения по призыву попал на отбытие воинской повинности в войска МВД. Хотел там продолжать заочное обучение, чтобы не терять свободного времени, которого там много, но ему в этом категорически дважды подряд отказали. Пьянствовать, будучи в органах, можно, а учиться нельзя – замечательно! Я, конечно, спросила – читал ли он «Один день Ивана Денисовича»? (мой пробный камень со всеми). Ответил, что читал и что его поразила разница обстановки в лагерях раньше (т.е. при Сталине) и теперь. – «То есть как это?» - спросила я . Он отвечал, что сейчас с з/к з/к обращаются совсем иначе – хорошо.

Я этому не совсем верю...

Другой охранник, молодой, с дурацкой рожей нализался до предела; сначала всё извинялся, потом перестал – осовел, ушел на верхнюю палубу и блевал в воду, причем этот «Кивач» низвергался прямо перед окном нашей каюты. К сожалению, он не весь выблевался там наверху, и вернувшись в каюту, довольно мощно разрядился тут же, превратив воздух в нечто нестерпимое. Выдержка у Мильны была на высоте, она продолжала лежать, не шевелясь. Зато Надя разозлилась: «Эх, щенки! Даже пить не умеете», и стала выносить наши вещи в коридор. А там нас пожалела подавалка – открыла нам салон, и последний час я ехала, сидя на диване в салоне.

В полночь причалили к пристани села Горицы. Ночь была холодная, но ясная, и белый Горицкий монастырь ярким светлым пятном вырисовывался на фоне неба. Очень это было красиво! Полюбовались им мы и молодой художник с женой, высадившиеся как и мы тоже, и не знавшие где найти приют на ночь. Они направились к монастырю (там инвалидный дом), а мы пошли в единственный дом, где еще горел свет.

Сокращая дорогу, перелезли через 2 забора и подошли к дому. Надя пропустила Мильевну вперед, она, как некогда Петр Петрович, считает, что Мильну не кусают собаки, и всегда

204 – Север, путешествие 1963 года

пускают хозяйки. Хозяйка вышла приветливая, почти ласковая и сразу пустила. Постелила нам в задней комнате с выходом из сеней. Предлагала самовар, но мы отказались.

На следующее утро она нас угостила крепким чаем и божественной пухлой ватрушкой. Мильна навела у нее справки про тетю Миру, у которой в июле 39 г. она жила вместе с А.Г.Каштановой, когда они обе присосались к географической экспедиции «Мамочки»⁺ и разъезжали с ней по Вологодской обл., ночуя в палатках на берегу озер. Потом был длительный отдых у тети Миры.

Оказалось, что тетя Мира <Миропия Изосимовна Чукалова> жива и здорова. Утром мы пошли к ней. Встреча после 24 летнего перерыва была восторженной, с объятьями, хотя поначалу обе друг друга не узнали, поскольку стали древними старухами.

Тетя Мира буквально не отпустила нас от себя и трогательно за нами 2 дня ухаживала.⁺⁺

22/VII – провели у тети Миры

Надя сделала большую стирку всего нашего тряпья, Мильна отсыпала все переезды последних дней, которые ее естественно утомили. В перерывах были приятные разговоры с тетей Мирой, которая последние 7 лет перед революцией была послушницей Горицкого монастыря, но сделаться монахиней не успела, как разразилась революция, и она вышла замуж. В колхоз она не вступила. Живет самостоятельно, умело крутится, ибо сообразительна и невероятно работяща. Давно овдовела, но подняла троих детей и дала им весьма правильное воспитание и мироощущение. Мы разговаривали с ее 35-летней дочерью Соней и были приятно поражены ее умом, живостью, наблюдательностью, взглядами. И мать, и дочь люто ненавидят Сталина, а Никиту Серг. хвалят за все доброе, что он совершил

⁺ В.С.Волынская.

⁺⁺ В 1939 году тетя Мира, прощаясь с Мильной, сказала: «Надо будет – приезжай ко мне, спрячу – никто не найдёт». Тем и запомнилась.-Н.Г.>

и очень сочувствуют в неудачах с с/х. Именно сочувствуют, а не рычат, как огромное большинство.

Женский Горицкий монастырь основан в 1544 г. Интересной архитектуры в нем нет, хотя есть собор 16 века, но он так переделан и застроен со всех сторон, что его и смотреть неоткуда.

В этом монастыре были заключены многие знатные женщины. По приказу Иоанна Грозного, приехавшего в Кириллов, группа монахинь, во главе с Ефросиньей Старицкой (из предков Кити Старицкой⁺) была un beau jour утоплена в Шексне.

Напротив Гориц, по ту сторону Шексны, есть две красивых горы или вернее – высоких холма, которые еще в 1939 г красиво увенчивали церкви, ныне их уже нет. Один из холмов называется «Федоскина гора», другой – «Никитская». Первая – в честь последней белозерской княгини, оставшейся вдовой после Куликовской битвы и получившей в удел от Дм. Донского эту огромную вотчину с несколькими десятками деревень (кажется 40). На Никитской горе было кладбище. Она песчаная. Недавно песок понадобился в Кириллов на стройку и его стали возить оттуда вместе с лодыжками и черепами.

23/VII Тоже – у тети Миры. Баня в индоме. Погода опять чудная. Пасемся на садовой землянике у тети Миры. Самовары. Разговоры. Уют. Отдых.

24/VII

Грузовая машина от колхоза идет в Кириллов за грузом. Набивается народом. Тетя Мира по благу сажает Мильну в кабину. Едем 7 – 8 км. Тех, кто в кузове – трясёт отчаянно, Надя выходит вся избитая о борта. Мильну растрясло мало, и она в состоянии любоваться просторами, лугами и полями, своей обожаемой рожью.

В Кириллове в гостинице «местов» нет. Вернее, они есть, но предлагают ждать до ночи – приедут ли (по брони). Это

⁺ Е.А. Старицкая, см. сноску с. 217.

«авось» нас не устраивает и мы решаем уехать в Ферапонтово, или «Ферафонтово», как говорят здесь многие. Чтоб не терять времени идём в Кирил.-Белоз. монастырь. Научный сотрудник <музея> Александр Федорович Поздняков водит нас по монастырю часа два. Очень толковый молодой человек, по-видимому, - историк больше, чем искусствовед. Слушать его интересно. Подчеркивает политич. миссию Кирилла и Ферапонта, их московскую орьентацию в уделах, тяготеющих к Новгороду. Оба они происходят из знатных родов, поддерживают связь с Дм. Донским и всеми московскими князьями.

В Кир. и Ферап. монастыри приезжают многие царствующие и знатные люди. Получив благословение здесь, Василий тёмный поехал свергать Шемяку. Василий III после рождения Ивана Грозного приехал сюда и заложил ц. Иоанна Предтечи с приделом Елены. Грозный бывал здесь неоднократно.

В 4 дня, съев в столовой такого же нежного судака, как и в Белозерске, уезжаем в забитом людьми автобусе в Ферапонтово. Ехать 19 км. Дорога - предел безобразия, но по здешним понятиям –хорошая. Многих тошнит. Одна женщина, белая как бумага, просит остановить машину и, выйдя, во весь рост валится в траву, а шоферу машет рукой, чтоб ехал дальше. Мильне знакомо такое состояние и она ей очень сочувствует. Мильну спасает нашатырь, до рвоты дело не доходит, но голова разбалливается. Эх, прокатить бы по вологодским дорогам всяких правительственных тузов, а за компанию – Матвея Абрамовича. Может быть, от этой тряски у него мозги стали бы на место.

В деревне Ферапонтове устраиваемся роскошно! Снимаем на 5 дней сеновал в избе местной учительницы немецкого языка. Сеновал на уровне второго этажа, одна дверь – в сени, другая – на воздух; через нее подают наверх сено. Когда сидим у этой второй двери, смотрим на озеро и на монастырь по ту сторону озера – очень красивый вид. Вечером смотрим на закат солнца позади монастыря. Зрелище не уступающее сандальским закатам, но те были разнообразнее по краскам, а этот, сегодняшний, - весь густо малиновый. От облаков малиновые пятна лежат на поверхности воды там и тут, они

удивительно рельефны и кажется, что это - водонепроницаемая краска пролилась из проскользнувшей недавно лодки.

На сене устроили себе царское ложе. Запах – сказка, которая рвется в ваш нос! Внизу дышит и иногда вздыхает корова. Под утро начинают петь петухи и помекивать овцы.

Хозяйка ставит самовар; другие ее жильцы – ленингр. художники на костре варят картошку и коптят рыбу. Они очень милые – Володя и Лариса. Он – специалист по стеклу, она только что кончила школу Штиглица (по теперешнему – художественное училище им. Мухиной) – мила, проста, весела, женственна. Володя – страстный рыбовод. Кормит рыбой всю хозяйскую семью. Вечером едим вкуснейших копченых язей и лещей.

По монастырю ходим недолго – у Мильны болит голова, Надя тоже устала.

25/VII

Днем сидим у озера. Надя купается, Мильна обмывается.

В 4 часа идем, забрав Ларису и Володю, в монастырь. Там нам показывает фрески Дионисия Эвелина Константиновна Гусева. Она и ее муж художник Гусев два года живут в монастыре; он копирует фрески по заказу Третьяковской галереи, она пишет диссертацию о Дионисии. Показывала нам фрески с точки зрения их содержания и композиции, но о красках почему-то не говорила ничего. 2/3 фресок посвящены Акафисту Богородице. Все мы поразились, как Э.К. цитирует на память длинные тексты из Апокрифов, Евангелия и пр. священных писаний. Всего этого было так много (ходили мы часа два, минимум), что у меня, т.е. у Мильевны, в голове всё перемешалось.

Кое-что из истории Ферапонтова монастыря.

Монахи Кирилл и Ферапонт из моск. Симонова монастыря (ныне взорванного!) появились в округе Белоозера в 1397 г. «Место же оно, идеже Кирилл вселися - бор бяше велий, (могу себе представить, а ныне все повырублено) чаща и никому же от человек ту живущу. Место убо мало и кругло, но зело красно

208 – Север, путешествие 1963 года

всюду яко стеною окружено водою... И тако начаша копати келью в земли...»

В 1398 Ферапонт ушел от Кирилла за 20 км на Бородаевское озеро (где мы ныне живем на сеновале). Ферапонт происходил из рода бояр Поскочиных из города Волоколамска. Время основания монастыря совпало с передвижением крестьян из пределов московско-ростовских земель к северу. Волна переселения достигла и Белого озера, как наиболее безопасной окраины Ростовской земли. Ферапонт сразу приобрел братию. Умер Ферапонт 27/V – 1425 в Лужском монастыре 1км от Можайска (интересно, существует ли Лужский монастырь теперь?)

Ферапонтов м-рь взял под свое покровительство белозерский князь Андрей Дмитриевич и дал ему земли с реками и озёрами. Тесное сотрудничество верховной светской власти с духовной имело личный характер, повлиявший однако на государственные дела. К Ферапонтову м-рю были расположены московские великие князья Василий Тёмный, Вас. Ив. и цари: Иван Грозный, Мих. Фед. и Алексей Мих. Ферапонтов м-рь был в привилегированном положении.

В начале 17 в. Ферапонтову м-рю принадлежало: 2 погоста, да 4 села, да 2 сельца, да 52 деревни живущих, да 3 деревни пустых. Патриарх Никон был 10 лет в ссылке в Ферапонтовом м-ре, а потом в Кирилло-Белозерском м-ре с

1676 по 1681. Каменный островок на Бородаевском озере, сохранившийся доныне, сооружен по повелению Никона (зачем непонятно – точно земли было мало).

В начале XVII в. Ферапонтов м-рь пострадал от литовского разорения. Грабители в кельях держали лошадей, замучили до смерти многих окрестных жителей.

После шведской войны число монастырских крестьян увеличилось - сюда пригнали 52 семьи корелян (карел), которые долго сопротивлялись властям. (Посмотреть в Ленинской б-ке – Бриллиантов. Ферапонтов монастырь⁺). Вотчины Ферапонтова м-ря постепенно распространились на уезды: Дмитровский, Костромской и Галицкий. Оброк платили хлебом и деньгами, их собирали старцы и целовальники. При обилии озер и рек широко использовали рыбную ловлю. Князь Мих. Андр. разрешил монахам беспошлинно ловить рыбу во многих местах, где Ферапонтову м-рю принадлежали участки в «езах», торговать ею и сущем в Белозерске и всей княжеской вотчине. У монастыря были особые ловцы – крестьяне, для которых монастырь покупал все рыболовные принадлежности. Монахи же занимались плетением мерёжей и переписыванием книг.

В 1798 г. Ферапонтов м-рь был закрыт и обращен в приходскую церковь (Wagum?) Монахи переведены в Пенденский м-рь. В 1904-м Св. Синод восстановил Фер. м-рь, но сделал его женским.

В 1918 г, за якобы контрреволюционную деятельность, были расстреляны последняя игуменья Ферапонтова м-ря Серафима и архиерей Кирилло-Белозерского м-ря.

В 1960-х годах итальянец Скира, лучший издатель альбомов по искусству, изучил наше иконописное богатство, объехав ряд музеев и монастырей. Он предложил совместное издание альбома русской иконописи. Ему в этом было отказано. Этого мало. Третьяковская галерея, с одной стороны, и Троице-Сергиевская Лавра, с другой, независимо подготовили к изданию каталоги отделов древнерусского искусства и фондов Загорского музея. Недавно они были представлены в министерство культуры, и издание их было запрещено.

⁺ см. Дополнение после основного текста дневника, с.189.

26/VII

<Рукой Н.Г.:>

Утром в 9 часов провожали Ларису и Володю в Ленинград. Потом долго сидели у своего озера, - мылись, купались, блаженствовали. Во второй половине дня пошли в монастырь, там блаженно прохладно. Мильна переписывала историю м-ря, я – смотрела фрески. Когда жара спала, пошли за монастырь в бескрайние просторы. Вернулись с заходом солнца, спускавшегося как медный раскаленный блин. Спать, как обычно, ложимся часов в 10.

27/VII

Надя ходила на Цыпину гору за три км. Мильна сидела дома, т.к. ей нездоровится после вчерашнего неразумно долгого полоскания в озере. Написала письмо Федоровне и Татке^x.

С Цыпиной горы обширный вид на холмы, леса, озера. По дороге живописное озеро и деревянная церковь: три восьмерика друг на друге. Рядом заросшее кладбище. Там явно была усадьба, потому что за кладбищем остались аллеи: березовая, еловая, их несколько. Остался фундамент то ли церкви, то ли – дома господ Бриллиантовых (есть книга о Феррапонтовом м-ре, написанная Бриллиантовым).

На обратном пути Надя сидела и разговаривала «за жизнь» с тремя пастухами: двумя бабами и 65-летним мужиком. Он, между прочим, сказал: «раньше мужики работали день барину, а два себе, вот бы так теперь – все бы обрадовались. А нынче 9 копён отдай, а себе одну». Ну и т.д. – Надя не даёт записывать... А я Ник. Серг. не боюсь! Он бы понял и принял к сведению.

28/VII проходит очень грустно. У Мильны 37.9, и Надя лезет на стенку - ждёт всяких ужасов - вроде воспаления легких. Тем не менее, после горчичников и жаропонижающего Мильне

^x Л.Ф. Форш и ее дочь.

становится легче. Надя ненадолго уходит в монастырь к фрескам, а потом, сидя в дверях на сеновале, читает «Серебряную кошку» Аджубея.

С вечерним автобусом приезжают к нашей хозяйке Люб. Вас. Кутьиной новая пара жильцов – москвичи, студенты Архитектурного института. Они 6 дней посветили Кирилло-Белозерскому монастырю, побудут здесь и поедут в Соловки. Туда они едут второй раз, т.к. совершенно в них влюблены, и по силе впечатления сравнивают только с Кижами. Говорят, что здания Соловецкого м-ря 16 века настолько грандиозны, что невольно думаешь, глядя на них о работе циклопов. Одна из глыб в фундаменте весит 7 тонн.

Ныне на Соловках воен. морская база и остров хорошо снабжается («как в Москве»). Кругом леса, озера, много ягод. Словом, на будущий год едем в Соловки!!! Вечером за самоваром печальная беседа о памятниках архитектурной старины с нашими студентами.

29/VII Перепотевшей за ночь Мильевне лучше (t 36.0). День проходит тихо. Надя тоже мается, только животом (перепила молока). Она уходит гулять и спит под стогом. Мильна и Валя (студент, он – Валентин - что ли?) мучаются у самовара. Хозяйка ночь прокосила, спит, а без чая – разве возможно? В общем день проходит тихо.

Вечером идем с Надей на песчаную горку позади деревни Ферапонтово и с нее наблюдаем красивый малиново-лиловатый закат. Дома на сеновале продолжаем архитектурные воздыхания с Валею и Инной Скачковыми.

Написали пасквильную бумажку, которую собираемся сдать в Краеведческий музей в Вологде. Скачковы тоже её подписали и советуют сдать такую же в Вологодскую газету.

30/VII – возвращение на автобусе в Кириллов.

Посадка – кошмар! Свалка! Надя протиснулась одна из первых. Нахлынувшие мужики (шт.5) отшвыривают от дверей

женщин. Надю тянут за рюкзак, но она не поддается. Мильна уже в самой двери, уронила, но она упрямо лезет на четвереньках. В общем – сели! Поехали, дико трясясь. Мильна грустно прощалась со спелой, м.б. даже переспелой (бледно-желтой) рожью, с начавшим голубеть льном, с бескрайними озерами и озерками.

Жарко. В Кириллове благополучно устраиваемся в гостинице и идём в монастырь. Надя идёт раньше и умудряется примкнуть к каким-то важным дядькам, которых ведут в фонды. Там главным образом иконы, но вообще всё много беднее, чем в Троице Сергиевой лавре. С иконами здесь вообще творится безобразие – большая часть вывезена Москвой и главным образом Ленинградом.

Обедаем в столовой. <Затем> покупка часов «Кукушка».

Вечер на берегу Сиверского озера. Закат. Вода зеркальная и в ней четкое отражение монастырских башен.

Осматривали тюремный двор и несколько камер – каменные мешки. Некоторые узники сидели с деревянным кляпом во рту, который вынимали, когда узника кормили. В музее есть перечень сидевших (человек 25) и кратко сведения об их участии. Многие сошли с ума. Очень любопытна запись: Священник такой-то – «За запоздалый донос». Узники попадали сюда, уже имея московский приговор; но начальником тюрьмы все же числился игумен. Всё это относится, конечно, к 16, 17, а м.б. и 18 векам. Прелестна в монастыре небольшая шатровая церковь; стояла она раньше рядом с деревянными покоем патриарха Никона, но они - увы - не сохранились. Хорош келарский флигель.

Никон был здесь лет 5 - 6 и умер на обратном пути в Ярославле, переезжая в облегченную ссылку в Новоиерусалимский м-рь.

<Далее рукой Н.Г. довольно точная и подробная схема Кирилло-Белозерского м-ря, с обозначениями более чем 26 его объектов.>

Утро – в монастыре. Обед в столовой, но судака, о котором мы мечтали, на этот раз нет. Днём: Надя на пристани в очереди за билетами, М. ползает по монастырю, прощается с полюбившимися ей церквями – шатровой и, особенно – деревянной, которая лучше даже всех маленьких кижских или, вернее, - равноценна той, которая там на острове в Подъельниках. Эту церквушку в 1960-м году перевезли с Бородаевского озера. Она должна была войти в зону затопления, когда делали шлюз для спуска дров, потому монастырь сумел добиться разрешения и денег на перевозку к себе этой церквушки и ветряной мельницы. Теперь музей монастыря вошел во вкус этого дела, да еще вероятно Кижь их удают. Словом – они хотят привезти еще одну старинную избу с другого берега Сиверского озера. Пошли им Бог удачи! Ведь так трудно пробивать через тупые головы все подобные хорошие начинания.

В 6 вечера отплываем в Вологду на очень хорошем пароходе - «Ф.М.Достоевский», отвратительный, но громадный портрет которого висит в столовой. Удалось достать билеты в 4-х местную мягкую каюту. До смерти рады. Спутники: старая, но молодящаяся, хорошо одетая дама из Казани, внешне похожая на Каштанову, и мужчина лет 50-ти, инженер электрик⁺, озлобленный и жёлчный. Он отсидел 10 лет в Усольяге, и когда я запускаю пробный камень (Иван Денисович), крысится и отчаянно ругает Солженицына, который вывел в Иване Денисовиче мерзавца, кулака, имеющего только одно желание – пожрать. Словом, придерживается того же мнения, что и эта гнусная жаба Г.Серебрякова.

Очень долго стоим на верхней палубе, прощаясь с удаляющимися от нас необычайно красивыми с воды главами и стенами Кирилло-Белозерского м-ря. Сначала они - белые; потом, на фоне заката - серые и, наконец, силуэтно - черные. Из Сиверского озера входим в Кузьминский канал, а из него – в Покровское оз. При всех поворотах парохода Кир-Бел. м-рь виден в новом ракурсе, и каждый прекрасен по своему. В Покровском озере даже в бинокль перестаем видеть чудо-монастырь. Прощай!

⁺ С.И.Осёнов.

Наш желчный спутник свердловчанин, как и мы - болельщик архитектуры; проводит свой отпуск всё время плавая по рекам. Ему очень повезло. Когда он в первый раз пришел в Кирилло-Белозерский м-рь, по нему водили Баниге, переведённого в Вологду заведовать реставрацией Вологодского Кремля и вообще края. В Ростове Великом мы слышали о Баниге восторженные отзывы, как о человеке страстно преданном делу. Там в Ростове он сделал очень много. Удастся ли здесь? В Кир-Бел. м-ре реставрация начнется со стены, выходящей к озеру (южная?), т.к. она в аварийном состоянии. Потом перейдут к Успенскому собору и в третью очередь к надвратной Преображенской церкви.

Со слов нашего спутника, в этом м-ре работает реставратором Сергей Сергеевич Подъяпольский, он написал по м-рю путеводитель. М.б. это племянник Ек. Петровны?^x – Имя, отч., фамилия и специальность совпадают! Берегись Петровна! Вынесли единогласное постановление сделать из тебя блин за то, что не дала нам к нему рекомендации. Подумать только – сколько интересного он мог бы нам рассказать – ах, ах! Боги мои, почему среди моих перезрелых подружек столько растяп?

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, ЧЕТВЕРТАЯ

1/VIII 63

Сегодня вечером будем в Вологде. Спали на мягких, широких диванах роскошно, мертво. У Мильны, правда, очень болит левый бок, придавленный к стенке автобуса во время жуткой посадки в Ферапонтове. Тогда Мильне показалось, что у нее хрустнул какой-то хрящик, неужто в самом деле?

Погода продолжает быть прекрасной. А бедный Кирик^{xx} ехал здесь две недели назад в холоде и дождях.

^x Е.П. Раменская

^{xx} К.П.Собенникова

Ночью и отчасти утром проехали безболезненно Кубенское громадное озеро (59 км длины и 13 км шир.) – качки на счастье Мильевны не было. Рыбацкая поговорка: «Кубенское озеро не море, а плавать по нему – горе». Проезжаем мимо острова Каменного который под напором вешних вод постепенно разрушается, и ныне на нем | каменный дом, | полуразвалившаяся каменная церковь и | громадная, высокая, развесистая ива. Жалкие остатки древнейшего монастыря 1260 году, основанного белозерским князем Глебом Васильевичем в память избавления его от смерти во время бури на озере.

На Кубенском озере последний раз кормили чаек. Когда мы входим в Сухону, они от нас отстают и возвращаются на свои необъятные водные просторы.

Что Сухона река - скучная я знаю по своим поездкам по ней в 1935-м с Петей⁺ и в 1939-м с Каштановой. На Сухоне всё давно вырублено. Теперь две бумажные фабрики на пристанях «Сокол» и «Печатник» пожирают более дальние леса в районах Кириллова, Вытегры и далее. По всему долговому водному пути, который мы проехали, тянутся в пасть к этим двум молохам бесконечные гонки^х.

В 7 часов вечера приплываем в Вологду. Выскакиваем первые, берем единственное такси, едем в центр и благополучно приземляемся в Северной гостинице. Идём в бывший Кремль, но вход в него закрыт. Любуемся Софийским собором. Переезжаем реку Вологду на перевозе – большой лодке. Стоит это удовольствие 1 (одну!) копейку с человека. Выйдя на Армейскую наб., где есть насколько церквей, осматриваем их снаружи.

Сретенская (начало 18 в) - нарядная, с изразцовыми поясами, зубчатым, уступчатым фризом из белого камня. Изразцы желто-зеленые, нежного тона – хорошо сохранившиеся. Следующая ц. – Иоанна Златоуста с шатровой колокольней 17 в. Затем - Дм. Прилуцкого, в которой, говорят, сохранились интересные фрески (17 в). Все эти церкви

⁺ П.П.Арапов

^х Длинные связки плотов из брёвен.

216 – Север, путешествие 1963 года

заняты под склады, красиво стоят по берегу р. Вологды, но реставрировать их пока никто не собирается.

2/VIII

На кроватях с сеткой выспались лихо. Надя с утра хвостится в предварительной продаже и берёт билеты на Москву на Череповецкий поезд на вечер 3/VIII. Выедем в 7 вечера, приедем в 4 утра. Хорошо, что близко живем от вокзалов.

После завтрака в пирожковой идём к 11 ч. утра в Краеведческий музей. Он неплохой. Знакомимся с сотрудницей музея Ириной Александровной Пятницкой, и она любезно открывает нам Софийский собор, но его фрески после Дионисия, тем более сильно подновлённые в 18 веке, как-то не смотрятся.

Показываем ей наше заявление о состоянии церкви по Вологодской обл., советуем куда его подать. Ир.Ал. очень радостно принимает заявление и советует подать его в отдел культуры, а копии - в вологодскую газету «Красный север» и в отдел печати Обкома.

- «Бу... сделано!»

Во время нашего разговора нас настигает Серг. Ив. Осёнов (наш пароходный спутник) и мы втроём едем в Прилуцкий м-рь по асфальтовому шоссе 6 км на автобусе. Там, у остановки автобуса встречаем главн. реставратора Баниге и Миру Даен – сотрудницу Рублевского музея в Москве, которую мы уже встречали в Ферапонтове. К сожалению, Баниге не может провести нас в м-рь, т.к. там воинская часть, охраняющая какие-то склады, и сегодня дежурит офицер, который ни за что не пропустит. Баниге отсылает нас обратно в город за разрешением к воен. коменданту Вологды, едем уже вчетвером. Там разыгрывается отвратительная сцена. Комендант –кобель лет 40-ка, сытый, лоснящийся, с холкой и пузом, довольно приятной наружности, говорит с нами изымвательноски, желая показать какой он важный, (*er macht sich wichtig*). Говорит, что даже близко не может подпустить нас к тому, что там хранится. Затем, узрев у Серг. Ив. фотоаппарат, обрушивается на него и

грозится засветить ему пленку; напоминает нам, весьма тактично, о Пеньковском. Скосившись от бешенства, первая уходит Мильевна, чтобы не сорваться. В таком же состоянии через 5 мин. идут за ней Надя, С.И. и Мира.

Вечером смотрим чудесные деревянные дома на ул. Герцена. Два из них – деревянный ампир (ну – совсем дворянская усадьба!), взяты музеем под охрану (дом Левашова и бывш. купеческое собрание). На этих двух домах портики с колоннами увенчанными капителями (всё, конечно, деревянное) и окна в полукруглых нишах и украшения из дерева под лепку над окнами. На ряде других домиков балконы с колоннами, резными украшениями и наличниками. Кружева!

С ул. Герцена едем в сторону пристани, к так наз. домику Петра, где он ночевал у немки Гутман. Издали любуемся церковью Андрея Первозванного на противоположном берегу реки. Серг. Ив. и Мира решили на следующий день уехать с утра. У нее нет больше денег, а он не верит в успех нашего решения еще раз попытаться пробиться в Прилуцкий м-рь.

3/VIII

С утра упрямо едем в Прилуцкий монастырь-крепость – авось выйдет?

И «авось» выходит...

Когда сидим в Прилуках и ждём, что к 9 ч утра придёт к проходной будке Баниге, вдруг видим, что идет в монастырь вчерашний бурбон, вероятно, как и мы, приехавший из Вологды. Ну, думаем, - теперь-то уж всё пропало. Но через минут 20 появляется Баниге, шепчется с дежурным по будке и говорит нам: «Быстро проходите на мою территорию и на ней делайте что хотите: фотографируйте, рисуйте⁺, смотрите.» Мы быстро проскочили.

Вся территория м-ря разделена надвое высоким забором - здесь реставрация, там – военные склады, которых даже издали

⁺ Подействовало! В рукописи два рисунка обеих участниц экспедиции: более детальный – рукой Н.Г. и «панорамный» Мильевны; сюжет – галерея между собором и церковью.

не видно! Убеждаемся окончательно, что бурбон вчера над нами издевался.

Проводим в Прилуцком м-ре часа два. Церквей две: собор и домовая ц. при келарских палатах. Собор пятиглавый, а церковь – однокупольная (1537 г). Церковь белая, реставрирована и очень красива благодаря восстановлению позакомарных покрытий. Трапезная опирается на один столп, поддерживающий все своды. Очень интересные окошечки на разных уровнях, разного рисунка и с разными наличниками.

К собору от церкви идет как-то наискось, а потому очень красиво крытая галерея арками; эти арки раскрыты – вынут закрывавший их кирпич. Другая галерея опоясывает весь собор; она тоже раскрыта. К реставрации самого собора приступили тоже, купола готовы – низкие, шлемовидные, сейчас кроют железом закомары.

Помоги, Боже, Баниге и из Прилуцкого монастыря создать такую же белоснежную мечту, какую создал из Кремля в Ростове Ярославском!

Когда мы уходили, нам вслед смотрел бурбон, однако – ничего не сказал! Ах, болван, болван, может сегодня он встал с правой ноги?

Вторую половину дня провели с Ириной Александровной Пятницкой. Она любезно открыла нам церковь Иоанна Предтечи в Детском парке. Церковь петровского времени с фресками Федора Федорова. Они резкие, грубоватые, очень экспрессивны. Любопытно, что у автора в нескольких местах изображен архитектурный пейзаж: какие-то замки и крепости. Другая фреска тоже очень любопытна – это пиршество Ирода с пляшущей Саломеей и всеми прочими подробностями этого события изображено весьма по светски, так же как и фреска «Царь Соломон». Ирина Александровна сказала нам, что в литературе где-то упомянуто, что Петр I был весьма доволен федоровскими фресками. А я добавлю, – наверное даже хихикал от удовольствия, ибо и светскость содержания и динамичность в изображении движений были, конечно, по духу и темпераменту царя Петра.

После пошли смотреть деревянную гражданскую архитектуру. И.А. показала нам кое-что, чего мы не видели накануне. Всё это узорное волшебство – пленительно, и мы снова и снова взывали об отсутствии у нас аппарата. Ир. Ал. нежна с Мильной, а Мильна влюбилась в эту умную молодую женщину из народа (из Няндомы) – у неё и вкус и юмор. А бабушка её – пенсионерка, бывший шкипер, всю жизнь водившая пароходы по вологодским водам. Эта бабка так тоскует по работе на водном транспорте, что свои два рабочих месяца неизменно работает, хотя бы матросом.

В 7 вечера уезжаем. Жара отчаянная. Вся вода раскуплена, а Мильна её требует и воет... Надя носится и ищет. Покупает горчайшие Эссендуки, бррр! Когда поезд тронулся и подали чай, пьем его долго, много (6 стаканов), со вкусом.

В Москву прибываем в половине пятого утра и пешком идём домой по тихой, безмолвной, приятной Москве. Дивное путешествие закончено. Дома смываем с себя грязь – в ванне от нас плавает соус. Всё!

ДНЕВНИК 1967

Мильнин дневник за две недели надиного путешествия по Чехословакии

12/XII-1967, 9 веч.

Ты сейчас в Чопе, моя дорогая, и твой чемодан трясут... Лишь бы не вытрясли тебя саму! Сутки назад мы несколько минут ехали друг за другом – ты в автобусе на вокзал, я – в троллейбусе в Дом ученых. Потом пути наши разошлись на две недели.

Если б не я, Маша Го[льдман], Вомпе старший и Тьдман – вчерашнее собрание секции охраны памятников прошло бы нудно, скучно, благопристойно и трусливо. Но мы четверо это болотце расшевелили. Папа Вомпе великолепен: тихим голоском говорит черт знает что. Мы сидели кучкой и Ал-др Федорович подружился с Машей, а она им очаровалась.

Главный докладчик, какой-то проф. Евтихийев – склеротический старикан с волчанкой на носу (бедный!) - 1,5 часа тянул отчаянную нуду, жевал рукав, показал 24 диапозитива парков, объяснял содержание каждого снимка, хотя почти все были широко известны. Все зевали. Я злилась, п.ч. он ни слова не сказал об охране, а тема была – «охрана парков». После чего я выскочила на кафедру, как фурия, от злости забыв всякий стыд и женскую стыдливость, и минут 20 громко вещала про гибнущие парки Детского Села. Слушали напряженно, потом стали охать (присутствовали человек 35 – 40). Результат – постановление единогласно просить республиканский методсовет послать в Пушкин ревизионную комиссию. А ко мне подошел какой-то рыжеволосый пожилой дядька (Н. Шаховцев) и спросил - не могу ли я выступить на ту же тему в обществе охраны природы? Я согласилась.

Домой с Машей приехали в 12-м часу. Спали без задних ног. Утром Маша прочитала Даню[?] и уехала домой готовить обед Володе.

Днем меня навестила Кузя[?]. Просидела 2 часа, всё набивалась возить мне жратву. Я отказалась конечно. У Марчика[?]

[?] Материал и лица не установлены.

всё благо-получно. Написала 8 страничное письмо Чоку¹. Слушала шарманку², полила цветы и – ей богу – вытерла пыль. Сейчас поплю чайку – и на боковую. Целую.

Неужели вас не свезут в Дом ученых Словакии? Он помещается в древнем маленьком уютном замке красоты сказочной (вчера нам его показали).

Среда 13/XII

Ездил на Берсеневскую набережную в научно-метод. совет, чтобы выполнить завет Чока и пойти «по инстанциям», а не сразу писать в ЦК (совет вполне в стиле его организованной и дисциплинированной души).

Пробыла там полтора часа и – аж взопрела, рассказывая им всем о безобразиях в Пушкине. Осталось у меня впечатление, что вся эта «методическая» машина погрязла в бюрократически-бумажной волоките. Мне было сказано, что слова – ничто, нужна бумажка, которую они обсудят и ответят мне по почте. – Когда? – ну, м.б. в январе (а тем временем Гликин и К^о пусть еще рубят и ломают).

Пришлось написать.

Были любезны, милы, особенно рекомендованная Петровыми дама Харламова. Но она там, по-моему, не фигура и обедни не делает. Все они там, как и Вертинский³, сидят в очаровательном помещении, хорошо оплачиваются и потому не хотят ссориться из-за памятников с начальством. Помещается эта шарашкина контора в небольшой церкви Николы с Берсеневки 17 в. – очаровательной. Рядом розово-лиловатое чудо так наз. дом Аверкия Кириллова 17 в. - А разве не Малюты Скуратова?- спросила я. Мне ответили: м.б. в более ранние времена и Малюты Скуратова, потому что подвалы гораздо старше верха. Под церковью тоже глубокие подвалы, в которых сохранялись товары купцов, построивших церковь. Местечко это все чудесное и Ты там весной побывай с аппаратом – поснимай.

Некая архитектор Ольга Ивановна (сравнительно молодая) уверяла меня, что липы [в Детском Селе] снесены с благословения Дендрологического об-ва, как 200-летние и, значит, опасные для

¹ А.Н.Петров, его же рекомендация упомянута в след. письме.

² Зарубежное радио. ³ Родственник изв. певца, муж М.А.Фокиной

окружающих. Помню по нек. дворянским гнездам Боровичского уезда Новгородской губ. аллеи лип 3-сотлетних, и они никому на головы не падали и росли себе потихоньку. В общем, ну их всех на... etc. Стоило стараться в Доме ученых, который будет писать сюда - же.

На обратом пути доехала на 6-ом автобусе до Никитских ворот и, пересаживаясь на 15 троллейбус, ждала его минут 15, если не 20 (где-то что-то случилось и они не шли). На 12° морозе замерзла отчаянно (была в туфлях и тонких чулках). Дома выпила грогу, налила грелку и долго крутила шарманку [радио], чтобы разогнать тоску от неудачной поездки.

Забегал ангел – Юрочка узнать - не надо ли мне что-нибудь купить. Забрал Даню². С вечера (легла в 12) заснула, но через час проснулась и не заснула больше до 6 утра. Сегодня

Четверг. 14/XII

хожу как пьяная. Встала в час дня. Утром поспала, но все-равно свежести не обрела. Написала длинные письма Ивану¹ (про твое «ЧП») и Кате² к дню рождения 18/XII. Зойка^С взяла опустить.

Звонил Кир³ и спрашивал какую жратву принести завтра вместе с зряплатой? Звонила Madame⁴, говорила умирающий голосом (давлен. 230!) и сказала: «Я такая же сумасшедшая, как ты, Милюша, несмотря на тяжелую болезнь, ездила на такси в англ. театр смотреть Макбета, но со второго действия ушла в полубморочном состоянии, и на такси поехала к знакомой врачухе, чтобы она мне сделала укол...» Из дальнейшего разговора выяснилось, что Макбет показался ей отчаянно скучным (причина подлинная обморочного состояния) Какой же она непревзойденный вральман!!

12 ч. ночи: «Четверг» состоялся. Были: Мамочка⁵, Ник. Ив.⁶, Сергуша⁷. Первые двое пришли в 6 ч., С⁷. – в 8. Пили «чай с сахаром» и болтали неинтересно. Надо переезжать с гостями в Твою комнату!⁺ Сергуша сегодня громко просил меня, сидя рядом со стеной, «дать, наконец, для Ады 2-ю часть «Корпуса». Мужчины ушли - умники - в 10 час, а мамочка завела пластинку на тему

⁺ Подальше от соседских ушей.

13.XII: ¹ Вертинский – родственник известного певца, муж М.А.Фокиной (

14.XII: ¹ брат Н.Г., ²Е.П.Кригер, ^Ссоседка, ³К.П.Собенникова, ⁴А.К.Старкова, ⁵В.С.Волынская, ⁶Н.И.Маликов, ⁷С.В.Воронцов-Вельяминов

«Колька – Тёмка» и играла на моих нервах до 12 часов. Слава богу, не разогнала мой сон и спала я сегодня без единого просыпа до 9 утра.

А сегодня 15/XII

Звонки с утра. Должно состояться решающее заседание о «Доме Фамусова», и происходит какая-то отчаянная путаница. Глав АПУ говорит, что заседание будет в Моссовете, а Моссовет говорит, что заседание будет в Глав АПУ⁺. Я сама звонила в справочные туда и сюда, и получила такие ответы. Тьдман вне себя и орёт, что путают нарочно, чтобы поменьше народу попало. Допускаю.

Сварила себе мясное блюдо из телятины, которую вчера купила мне Мар.Ив.^С Она же принесла подсолнухов и синички с воробушками не слезают сегодня с кормушки. (Насыпала Нина^С).

Да, вчера вечером было два трогательных звонка с предложениями привезти продовольствие. Вуся¹ и Маля² – прямо душечки! Я, конечно, отказалась.

Сегодня сильно метёт и мороз. Звонила Кире³ и попросила ее сегодня не ездить – деньги мне пока не нужны.

Заканчиваю поздно вечером. Только что звонили: Маша⁵, Тьдман, Черный⁵, Ладыженский. Сегодня день по количеству телеф. звонков напоминает предвыборные дни. Итак, доложили мне, что заседание при большом количестве народа состоялось в Глав АПУ и в очень приличных тонах, которые задаёт Калашников – 2-ой секретарь МК <Мос. комитета КПСС>. Очень дельно и умно выступали архитекторы Верещагин и Максимов, литератор Глаголь и др. Результат: Калашников обещал сломку пока отставить, собраться еще раз через месяц и объявить конкурс на строительство с включением дома Фамусова. Если Промыслов <предс. Моссовета>, вернувшись из Голландии всё это росчерком пера не аннулирует – будет хорошо⁺⁺.

⁺ Главное архитектурно-планировочное управление.

⁺⁺ Дом «Фамусова» - особняк располагавшийся рядом со Страстным монастырём. О его обитателях подробно пишет М.О.Гершензон в очерке «Грибоедовская Москва». Теперь это место – выход из метро «Пушкинская - Чеховская - Тверская» слева от «Известей» на Пушкинской пл.

15.XII: ^Ссоседки; ¹ В.А.Петрушевская, ²А.П.Найда – сослуживица Н.Г. по библ. Ин. литературы, ³ К.П.Собенникова (и 16.XII), ⁴ М.А.Гольдман,

Суббота 16/XII

3/4 дня проплавала в море новогодних открыток и писем. Попробовала, ярмо, но подбадриваю себя тем, что не пишу ни к каким другим праздникам, но что 1 раз в год во имя друзей пострадать должно.

Доедала телятину. Спала ночь неважно.

К вечеру пришла Кира и пробыла у меня два часа. Уютно поговорили. Тыдманá (гл. образом она) рвутся в бой у нас побывать. Договорились на воскресенье. Заодно позвала Барановских, она^Б мне нужна как оценщица наших акварелей, а вообще-то я не из числа ее поклонниц.

Сейчас вечер. Собираюсь позабавиться с VEF`очкой, хотя я все еще плохо с ней справляюсь.

Воскресенье, 17-ое

Ездила в два магазина полуфабрикатов близ Зубовской. Накупила пахучих булочек. Дома 2.5 часа «варила» банку сгущеного молока. Наложила варений. Нарезала сыр и колбасу. Налила кагоры в хрустальный кувшинчик. Нарезала лимон. В общем стол получился шикарный.

В 7 час. явился Барановский^Б сказать, что Мар. Юр^Б. заболела. Не захотел раздеваться, плюхнулся на стул отдохнуть 10 мин и просидел час. С ног у него текло, но разве можно такому зубру что-нибудь сказать? Терпела! Со мной вдвоём он бы не просидел целый час, но Тыдманá ввалились через 20 мин после его прихода и оба старика сцепились по охранным делам насмерть; не в споре - нет - в единодушных проявлениях негодования. Владислав Петр. орал, Петр Дмитриевич^Б. – шипел. В общем, был очередной «цирк», и я пожалела о твоём отсутствии.

Потом приехали Маша и Ладыженский. Я очень просила Петра Дм. остаться чаевничать, но услышала: «оставьте меня, я человек упрямый, и ежели сказал “нет”, так и будет». Ну, думаю, бес с тобой – уходи.

⁵О.К.Черный - районный архитектор и председатель районного совета общества по охране памятников, в работе которого участвовала Н.М.

^Б Барановские: Петр Дмитриевич (архитектор-реставратор отказавшийся от обмера Васия Блаженного перед его планируемым сносом в 30-е годы) и Мария Юрьевна (искусствовед, сотр. Историч. Музея).

За столом было очень оживлённо, даже Ладыженский не дремал, а говорил. Он нам процитировал письмо-телеграмму, которую послал от Дома ученых в «Правду» и в ЦК насчет «Дома Фамусова». Письмо мы единодушно одобрили. Осторожный Ал-др Мих. даже употребил в телеграмме слово «варварство». Молодец. В 11 час все разошлись. И очень довольные. Тыдманá оставили большой пакет с вкусными и мягкими яблоками.

Маша осталась ночевать. Тыдманá ею пленились и очень звали к себе. Убирая со стола, мы с Машей разбили одну из черных чашек. Очень обидно!

Понедельник 18-го

До часу дня убирались, завтракали и болтали с Мутичкой¹. В час она уехала на работу. В 11 приходила за книжкой Лана². Посидела до 12-ти, и весь этот час мы с Машей¹ не переставая ржали, слушая ее рассказ о летнем путешествии по Узбекистану, Туркмении и где-то там ещё. В ней бездна юмора. Необходимо,³ чтобы она всё это рассказала нашим молодым парам. Киндера сразу включатся в этот тон и будет превесело. Боже, сколько же у нас докладчиков уже набралось!!

Надя – Чехо-Словакия

Алена⁴ – Турция

Беллочка⁵ – Париж

Лана² – восток.

В один вечер не уложиться, пожалуй.

Всю вторую половину дня писала окаянные новогодние поздравления. Отдохнула, слушая концерт пианистки Горностаевой: Шуман, Бах и др. – всё, что я приемлю.

Болит и дуется печенка. Это вчерашняя жирная гостевая колбаса.

18.XII: ¹М.А.Гольдман, ²С.Бениш, ³А.Н. и Н.Н. Ермиловы.

⁴ Елена Ефимовна Кузьмина – археолог, доктор наук. К нам ее привела М.Н.Тухачевская, с которой они учились в одном классе. Е.Е. первая из наших знакомых стала бывать за границей, и её рассказы, а рассказывать она умела, часто были для нас большим удовольствием и даже откровением.

⁵ Сослуживица А.К.Старковой,

Вторник 19-ое

- Никола зимний. Когда-то я в этот день пировала у дяди Коли⁺... В 20-е годы.

Ходила на ближнюю почту отправить уже написанные письма и, главное, - книгу и марки Коле⁺⁺. На обратном пути купила хлеба, литр молока... и сливок для кофе.

Ела только манную кашу, хочу, чтобы утихла печёнка. Вечером опять писала письма. Звонила Беллочке. У нее готовы парижские снимки и она готова в любой день выступить у нас.

Нина Вл.¹ закончила работу - молодчина. Написала в Хабаровск этой воскресшей родственнице – пуд с души!

Звонил Ник. Ив.² и спросил в 3-й раз – съела ли я капусту, оставленную Тобой.

Звонил Сергуша³, сказал, что празднуется 80-летие Н.И.Вавилова – «так и надо сволочи Лысенке» - «А когда 80-летие Надиного отца⁴? Ведь его тоже, вероятно, отметят». Душечка наш в своём репертуаре. В четв. оба явятся – предупредили. Сейчас 10 час. Во всей квартире М.И.^С и я (все на дежурствах). Ложусь – печёнка! Сегодня прогулка на нижнюю почту была не из приятных: - 10⁰, ветер. Заплатила 1.40 за два твоих звонка в Питер, а за Прагу пока счета нет.

Как приятно было услышать твой сияющий голос в телефон. Я сплю на твоём диване, мне на нем уютнее.

19.XII: ⁺ Н.Н.Аничков, см. указатель Аничковых; ⁺⁺Коля – сын Ивана Григорьевича, брата Н.Г.

¹Н.В.Морозова, ²Н.И.Маликов, ³С.В.Воронцов-Вельяминов, ⁴Г.А.Левитский, ^Ссоседка по квартире.

Среда, 20-ое

В 11 утра явилась Лана [?] и вернула книгу: Вот это темпы чтения – «что надо». А [неразб.] мусолил полторы недели. Принесла мне 8 диетич. котлет (мясных и капустных) и хлебов. Поболтали с часок. Она едет на неделю в Л-д. Она работает художницей-проверяльщицей на Мосфильме, и когда какой-нибудь фильм сдается в эксплуатацию, у художников образуется «окно», а по человечески выражаясь – простой. Тогда она зачастую уезжает в

Л-д, который очень любит и где у нее много родни; говорит, что днями сидит в Эрмитаже. Все это хорошо.

Сегодня день рождения нашей Нины Серг.^С и я подарила ей пару чулок за 2 руб - Ив. Константинович^С ездил и купил, несмотря на жуткий холод под 20°.

Я, конечно, сижу сиднем дома. Вечером у Нинки^С было большое пьянство. Я подарила ей еще литровую банку консервированного апельсинового сока, которую мне зачем-то принес в четверг Ник. Ив.¹ Мне не нужно, а Нинке для опохмеления очень подойдет.

Пришла телеграмма от Задульской²: «благополучна, здорова, работает». Это в ответ на мой запрос к ней о Нат. Ив.³

– Ох, и стерва ж Н.И.³!

Теперь бы еще от Осенчика⁴ получить весточку.

Звонила Тане Черепенниковой⁵: умерла бабка⁶ от рака легкого (докурилась). Таня Ч. была около нее почти до последнего вздоха. Удивительная эта Таня. И мне в свое время, видимо, не поверила, что меня очень обижают.

Вечером слушала концерт Баршя: Гендель. В отрочестве Генделя не понимала и играла его сквозь слезы – заставляли, а сегодня всё бросила и слушала как плелось это кружево. Кирёныш⁷ полёрся сегодня по морозу в Консерваторию, а Мильна сидела дома в тепле и слушала то же самое. Спасибо Надюшкú [за радио-приемник].

Продолжаю «погибать» с письмами. Написала Катеньке⁷ с Машей⁸, откр., Наташе⁹ с Тат. Бор¹⁰. – откр., Люсе¹¹ в Ригу – откр. и Тайке¹² длинное письмо. Если завтра осилю «тете Наде¹³» в Киев, то твои заказы будут выполнены все. Да, еще открытку написала Твоей Наде¹⁴ в Омск. – Умница Мильна.

20.XII: ^ССоседи, ¹Н.И.Маликов; ²Елена Станиславовна Задульская – сослуживица ³Н.И.Аничковой по Дарвиновскому заповеднику; ⁴С.И.Осёнов, ⁵Татьяна Андреевна Черепенникова и ⁶В.Г.Загорянская – одноклассницы Н.М. по Таганцевской гимназии; ⁷Е.Д.Болдырь; ⁸М.Г.Петрушевская; ⁹Н.Е.Букреева, – племянница ¹⁰Т.Б.Букреевой; ¹¹Л.А.Тюрина и ¹²Т.Я.Гринфельд – однокашницы Н.Г. по Латвийскому университету; ¹³Н.В.Линка; ¹⁴Н.А.Молокова.

Четверг, 21-е

Ура! Победа! Мне позвонили в 9 утра Твидманá и сказали, что в сегодняшнем № «Сов. культуры» на I странице подвал, в котором объявляется, что по «Дому Фамусова» будет конкурс на включение его в перестройку площади, и вообще впредь всякое строительство будет согласовываться с историческими моментами и ансамблями; что надо сохранить ряд домов на Тверском бульваре (сначала поносили, а теперь опомнились⁺).

Я позвонила Черному¹. Он помчался за газетой, закупил себе и мне, и тоже впал в большую радость.

Опять целый день звонки с поздравлениями. Пришлось объяснять всё Мар. Ив.^С, а то она ходила и пялила глаза и уши. Лучше уж объяснить. Она вообще-то очень мила и внимательна (сегодня принесла халу и семечек), но раздрается от любопытства, – что поделаешь!

Продолжаю погибать в письмах и открытках. Написано 40, остаётся 15. Кошмар непередаваемый!

Сварила себе капустного супу, ела его и котлеты. Сейчас сумерки, хочу полежать перед приёмом. Мороз около 20° – м.б. не придут?

Вечером в 7 час пришли Маша Го² и Валер. Иос.³ (моя лубянская балерина). В.И. стала поверять свои беды, говорила нервно и без умолку почти до 12 часов. Отчаянно утомила и меня и Машу. После ее ухода мы не знали – плакать или смеяться, повалились как подкошенные по своим кроватям, но от нервного возбуждения не могли заснуть – Маша до 2-х часов, а я еще дольше, пока не приняла целую таблетку нембутала.

⁺ «Жизнь показала», что не опомнились и газета не помогла, «дом Фамусова» снесли.

21.XII: ¹О.К.Черный (см. 16.XII); ^Ссоседка, ²М.А.Гольдман,

Пятница, 22-е

Пропал весь день. Ходила с головой – котлом, как всегда после снотворного. Ну, конечно, была из-за этого злая.

Но, все-таки, потащила на заседание своего районного совета, температура – 20°. Очень хотела встретиться с директором журнала «Юнеско» Мачавариани, обещавшего мне постараться выписать журнал на 1968 год. А он - сука - не пришел. Обсуждали бюджет и перевыборы. Назад меня трогательно привел Юрочка¹. Шел и дрожал, бедняга, мелкой собачьей дрожью в своем осеннем пальто.

Днем приходил Сергуша²; я только хотела прилечь перед заседанием, а он притащился. Сегодня заседали почти до 10 вечера. Я скверно отличилась и теперь сгораю со стыда – поругавшись с представителем от городского совета, который, возможно, приезжал посмотреть, что мы делаем и что из себя представляем. Наверное, Черный³ на меня обозлился - не звонит.

Суббота 23-е

Спала, как убитая. На улице 25°. Сижу дома. Занимаюсь хозяйством и жратвой. Читала солнышкину[#] переписку. Нашла одно изумительно интересное письмо от молодого стрелка из охраны.

Написала длиннющее письмо Над. Вл. Линке.

Получила " " от Чока¹

Вечером приехал Ник. Ив.² привёз диетических котлет и сыру. Он, ей-ей, трогателен. Говорила долго по телефону с Машей Ту³. Она так обрадовалась моему звонку, что верещала и пищала; она думала, что я её разлюбила. Жаждет приехать с Аленой⁴.

Звонили Ник. Дм.⁵ и Маруся⁶, говорили поочередно. Тоже рвутся к нам. Ну, это всё публика приятная и интересная.

Сейчас слушала рождественскую речь папы Иоанна 23-го, произнесенную им 7 лет назад. Сказано хорошо по форме, но по содержанию ничего особенного.

Ложусь, мысленно обняв мою дорогу. Остается два денёчка.

Звонила Лена⁷, спрашивала – не надо ли привезти какой-нибудь жратвы? Все твои близкие по работе на высоте.

Воскр. 24-е

Остаются суточка... Сейчас 5 вечера. Моя родная позвонила в 3 часа из Чопа узнать – жива ли я? После этого звонка совсем невозможно стало ждать. Только бы ночью заснуть! Ник. Ив. сказал, что придёт с тортом к 6 часам, а Нина Вл. – что если морозы хоть немного спадут (хоть бы до 15°) – она возьмет такси и приедет на часок, чтобы посмотреть на Надино выражение сразу по возвращении, пока не перебили другие впечатления - здешние.

И никакого-то я сюрприза Наденьке не приготовила, сижу как сыч дома из-за холодов. Пишу под концерт «Вальсы, только вальсы» - очень приятно.

Вечер, слушаю концерт Равеля.

<Явно ужасное волнение: почерк неразборчивый, размер букв увеличен, число восклицательных знаков достигло трех!:>

25-го /XII

Генеральная уборка перед приездом Начальства – мету, тру пыль, вытряхнула ковры, перемыла посуду. Всё делается очень медленно, п.ч. волнуюсь и всё из рук валится. А тут еще звонок Лены⁺, которая радостным голосом объявила, что обрушилась лавина приятных событий, и «Р.К.»⁺⁺ сдан в набор.

- Это всё милый пьянчужка⁺⁺⁺? - спросила я.

- Да, - ответила Лена – на него напал стих отваги, больше ничего не сказала, приедет к нам послезавтра вечером.

Вот это сюрприз Наде к приезду!!!

Всё!

4 часа дня.

22.XII: ¹Г.А.Вомпе, ²С.В.Воронцов-Вельяминов, ³О.К.Черный (см. 16.XII).

23.XII: # переписка А.И.Солженицына с читателями;

¹А.Н.Петров, ²Н.И.Маликов, ³М.Н.Тухачевская, ⁴Е.Е.Кузьмина,
⁵Н.Дм.Кучин, муж ⁶М.П.Александровой-Дольник, ⁷Е.Семенова.

24.XII: ¹Н.И.Маликов.

25.XII: ⁺Е.Ц. Чуковская; ⁺⁺«Раковый корпус»; ⁺⁺⁺А.Т.Твардовский

На даче Трувеллеров, пос. «НИЛ»
(наука, искусство, литература)
поблизости от Нового Иерусалима, 70-е

годы.

Письма А.Г. ВЕРЕЩАГИНУ

1.

Москва, 28/III-57

Андрюшка, посылаю Тебе для забавы доисторическую фотографию от 1916 г. Зри на ней своих двух теток: Агнию Верещагину и Наташу Аничкову, сидящих в сестринских костюмах одесную и ошуйю некой еврейской докторички. А вокруг венком – санитары. Место действия – фронт под Двинском. Приобщи ее к своей родственной фотоколлекции.

Есть шанс, что на будущей неделе я лягу в Боткинскую больницу недели на две, чтоб подбодрить свое никудышное сердце курсом глюкозы внутривенно. Тогда я Тебе брошу открытку и Ты наведишь бедную болящую, да?

Хочешь, пока я снова работаю в Менделеевском обществе, Тебе будут высылать повестки на все заседания? Или тебя химия в широких масштабах не интересует?

На днях смотрела в Метрополе в кино, где идут иностранные фильмы на иностр. яз., комедию «Monsieur Taxi». Наслаждалась выговором и всякими непереводаемыми междометиями и восклицаниями. Говорят, там чудесно идет «Пиквикский Клуб» на англ.яз. – Посмотри.

Нельзя ли у Тебя на работе достать пару билетов на венгер- ский балет на льду (в Лужниках). Он меня весьма прельщает. Если можно, я Тебе доставлю руб 40 – 50.

Целую Тебя

25-86-00

тетя Наташа

2.

6/XII-57

Соколиная гора

Дорогой Андрюша,

Твоей тетке не удастся 12/XII лично принести Тебе вернопод-даннические поздравления, потому что, волею судеб, она снова в больнице. На этот раз не в Боткинской, а у черта на рогах – на вышеуказанной горе (кстати, здесь абсолютно плоско, но таков уж московский стиль – ворота, которых нет, плоские горы – etc). У меня сейчас обострение моего пневмосклероза в связи с наступившим зимним временем и морозами, когда я нацело теряю способность дышать и превращаюсь в рыбу на берегу. Но в теплом помещении я пока человек...

Я крепко ругаю себя за то, что не вызвала Тебя недавно на вечер памяти Николая Ивановича Вавилова, на котором я имела честь быть 26/XI в старом Университете в обе естествоиспытателей (оно его устраивало). Этот вечер нигде, даже в самом помещении зоологического музея, не был анонсирован (таково, очевидно, было условие, когда его разрешали) и потому присутствовал узкий круг. Выступал генетик – чл. кор. Дубинин и ленинградский проф., по национальности казах, Бахтеев^x, оба ученики Н.И., первый из беспризорников. Д. говорил сердечно, мягко и в конце, задохнувшись от невылившихся удержанных слез, передал речь Бахтееву. Этот говорил долго, горячо, даже страстно и закончил доклад откровенными слезами, сначала на кафедре, а потом сошел с нее, повернулся к стенке лицом и были видны

^x Бахтеев Фатих Хафизович – генетик.

его подрагивающие от плача плечи. Видеть, как плачет взрослый мужчина, тяжело, а мысль о трагичной гибели Н.И. – еще тяжелее, и в результате среди публики тоже слышались всхлипывания, т.ч. вечер был весьма патетический, хотя одновременно внешне – очень простой. Словом, я благодарна судьбе, что пошла на него.

На днях я слышала, что будет еще один вечер посвященный Николаю Ивановичу, а именно 27/XII в Доме Ученых в белом зале в ½ 8-го вечера.

В прошлый раз оба доклада были посвящены в основном его биографии, а в Доме ученых будет другое: С.К.Чаянов будет говорить о научно педагогич. и общагрономической деятельности Николая Ивановича., а акад. Жуковский⁺ из ВАСХНИЛа сделает доклад «Вавилов, как генетик и растениевод». Будет выставка трудов. М.б. пойдешь? Устраивает этот вечер секция агрохимии и почвоведения совместно с секцией биологии.

Если б я была здорова, я бы тоже пошла, не столько из научного интереса, сколько *par principe*. Но бодливой корове Бог рога не даёт – вот и лежу!

Прости почерк – пишу лежа. Авось разберешь.
Ну, как стол? Встал? Приносит пользу?

Андрюшка, приезжать меня навещать не стоит – и далеко и правила зверские – *punctum* 15 мин. – только по губам помазать. Вот письмишко мне тисни обязательно – порадуешь больничную затворницу. Адрес Москва Е-118, 8-ая Соколиная ул. II - я инфекц.-клинич. больница., I корпус, 22 отд. 13 палата. Мне будет очень приятно. Если захочешь обо мне узнать, звони Наде К5-88-10, она приходит домой в половину 11-го, но позже 11 не звони, т.к. старик⁺⁺ в 11 ч. ложится спать.

⁺ Жуковский Петр Михайлович, биолог, ак.

⁺⁺ Краевский Михаил Николаевич и его жена Наталия Николаевна прописали меня, когда я из лагеря приехала в Москву, по просьбе Е.А.Тавастшерны. В их двух крохотных комнатках (одна – бавшая прихожая) в коммуналке в Хлебном переулке (дом снесён) я прожила до смерти Мих. Ник. Когда летом Краевские уезжали на дачу в Барыбино, Нат. Милюевна жила у них вместе со мной.

Привет и поздравление с именинами шлю и Тебе и Андрею Львовичу¹. Крепко тебя целую.

Любящая Тебя тетя Наташа

3.

Поляна, Закарпатская обл., Свалявского. р-на, до востр.,
мне

20/VII-58

Дорогой Андрюша,

был ли Ты в Поляне, во время своего пребывания в Закарпатье? Местечко прямо под Швейцарию! Я очень довольна. Вернее, все мы довольны. Это в 10 км от Свалявы, из которой мы удрали через 2 дня из-за всех ее районных прелестей вроде ряда учреждений, нескольких заводских труб и площадки для танцулек.

В Поляне неизмеримо тише, хотя она состоит из 2-х слагаемых: маленького санатория и большого колхоза, но здесь и дома и людей поглощает буйная зелень садов и лесов. Иной раз мы совершаем длинные прогулки, не встретив ни души. Это приятно.

Устроились мы удачно, главным образом благодаря протекции нашей свалявской знакомой^x, для которой, как для

¹ А.Л.Курсанов, академик, биохимик, муж приятельницы Нат.Милюевны – В.А.Левицкой (Врангель). По просьбе Н.М. стал крестным отцом А.Г.Верещагина в 40-х годах, когда это было небезопасно.

^x Гоголь Мария Ивановна врач-лаборант, наша с Н.М. сокамерница, обучившая меня своему ремеслу в 1-ой больнице Унжлага, после чего, её освободили по отбытии 2/3 срока, а я смогла последние 8 месяцев лагеря в облегченных условиях больницы жить и работать в лаборатории. После реабилитации ей удалось восстановиться в университете и закончить медицинский факультет. Её свидетельства о

местной, все двери (явные и тайные) открыты. Снимаем веселую светлую комнату у колх зоотехника (300 руб в м-ц с троих). Питаемся в столовой для обслуживающего персонала санатория (7 руб с человека в день за завтрак, мясной обед и ужин). Всё это нас вполне устраивает. По приезде налетели на черешню, чернику; теперь переключились на абрикосы, яблоки, груши, сливы, малину (в среднем 4-5 руб кило). Белые грибы носим сами.

Я здесь впервые познакомилась с буками и грабами. Чудесные деревья, только жаль, что их так безбожно валят. По склонам гор много «плешей», на станциях завалы бревен, часты ряды запавшей земли, обозначающей будущую балку. Все это грустно и, конечно, недаром была недавно в «Правде» или «Известиях» статья под заглавием «Карпаты должны остаться зелеными». Вряд ли она чему-нибудь поможет.

Как занятно, что буки местами поразительно стройны и уходят вершинами под небеса, а местами корчатся, переплетаются друг с другом, изгибаются, образуя арки, и тогда с верха этой арки растут новые молодые буки. Видел ли Ты такие фантастические экземпляры, напоминающие со стороны декорации к сказке?

Под одним окном нашей комнаты бежит говорливый горный ручей. Ложе у него каменистое. Мы построили плотину и от отчаянной жары лазаем по очереди лежать в этой «ванне». В лучшую речку ходим км за два; там есть водопадик, под который мы ложимся, и вода перекачивается через нас. Тоже неплохо. С неделю жара стояла 30 - 32⁰. Я изнывала; молодежь нет. С позавчерашнего дня стало легче - 24⁰ - и я ожила и 2 раза брала приступом очаровательную гору, которую до тех пор лицезрела лишь из своего окна. Ах, какой у меня вид из окна, благодаря тому, что мы живем в задах деревни. Речка, за ней мягкие холмы, переходящие в горы, на ближнем холме, довлея над деревней и ярким белым пятном выделяясь на

следствии в послевоенной Украине вошли в «Архипелаг ГУЛАГ» (ч.1, гл.3) А.И.Солженицына, с которым М.И. встретила у нас на Пироговской.

фоне зелени, стоит белая церковь. Я в ней была – сравнивала униатскую службу с нашей.

Ну, ладно, хватит. Вернемся 15/VIII и все расскажу в подробностях. Мне очень жаль Тебя, Андрюшок, что все лето будешь в городе. Ну, что ж – *á la guerre, comme á la guerre* – завоевывай свое положение, и дай Тебе Бог удачи.

От Нади и Алеши¹, черных как арапы, привет.

Черкни открыточку.

Любящая Тебя тетя Наташа

4. Суббота 28/II-59 г.

Андрюшок, Ты не жди моих специальных приглашений, а приезжай, как только захочется посидеть в уюте. Я допускаю, что такое желание может иногда возникать у человека, живущего в бедламе (это конечно не то слово, но Ты меня понимаешь).

Не скрою, что на меня оставили оба раза, что я у Тебя была, неизгладимое впечатление венигрет на Твоем столе: библия рядом с недогрызенным хлебом, носки etc. Спрашивать с Тебя нечего – Тебе никто не прививал навыков порядка, а жаль, п.ч., уверяю Тебя, жить и все успевать даже легче, когда все на своем месте.

(терпи, тетки для того и созданы, чтобы наставлять)

Так приезжай. Можешь даже брать с собой книгу и поглощать ее, усевшись на диван.

И на Гоголевском[#] нас ждут, и у Алеши¹. Я удачно закинула удочку... только как же быть с ручками? И Гугина² мать Анастасия Павловна, и Алешина – София Павловна привыкли,

¹ А.В.Кристан, наш спутник.

[#] Гоголевский бульвар, т.е. у Георгиевых-Воронцовых-Вельяминовых.

¹ А.В.Кристан; ² Г.П.Георгиев, см. указат. сёстры Воронцовы-Вельяминовы.

что все товарищи мальчиков (они у них общие) к их ручкам прикладываются.

Интересно, обсуждал ли Ты этот вопрос со своим arbitrum elegantiarum и что он по этому поводу изрек.

При надобности звони Наде Б 1-05-82, желательно ровно в 1/4 7-го, в другое время ей говорить менее удобно.

Целую

тетя Наташа

Бесхолестериновой жратвишки не обещаю, а с холестерином – пожалуйста!

5

Четверг 5/III-59

Дорогой Андрюша!

Если грипп в Тебе еще теплится, то побереги свою старую тетку и к ней не приезжай. С моим скверным сердцем этот тяжелый грипп нынешнего года очень страшен, и я всячески берегусь. Если же Ты поправился совсем – милости просим.

Я дней 6 уже тоже сижу дома; что-то шалит печень. Наверяд ли выйду раньше понедельника. Целую Тебя

Тетя Наташа

6

Фили, 12/IV, вскр /1959/

Дорогой Андрюша!

мне очень жаль, что Ты сегодня проехался зря в эту даль. Надо накануне звонить Наде на работу и предупредить о своем приезде.

Правда, это воскресенье мы никуда не собирались, но рок судил иначе. У новой соседки вчера в субботу было грандиозное новоселье. Одного пива было притащено с утра 25 бутылок, не говоря о крепких напитках. От такого «счастья» мы решили удрать. Мы боялись, что будут приглашать нас, что

отказаться будет нельзя, придется пить, слушать дурацкие песни и т.д. Сегодня вечером у них будет продолжение, но я, увы, заболела и <мы> вернулись днём (через полчаса после того, как был Ты), т.ч. придется слушать их гам и шум.

Ночью у меня был приступ астмы, довольно сильный, т.ч. теперь я три дня полежу. Ах, если б мне этот озонатор или ионный ветер, или как там его зовут!! Я уж даже надумала написать Андрей Львович <Курсанов> с просьбой достать мне его. Ведь все мои беды сосредоточены в легких и бронхах. Эта машинка безус-ловно мне поможет... Поскольку от этого зависит мое здоровье, а м.б. и жизнь, я думаю, что А.Л. поймет меня и не осудит.

Приезжай будущее воскресенье или когда хочешь; вечером поедем на Гоголевский или к Кристманам.

Целую крепко, от Нади привет, Твоя НА

7.

Ленинград 13/6-59

Дорогой Андрюша!

Шлю привет из несравненного, упоительного, божественного Питера. И зачем только я из него уехала 35 лет назад?

Я здесь по тоскливым кладбищенским делам. Спасая могилы предков на Смоленском (им грозило срытие) и обсаживаю цветами тети Надину могилу на Серафимовском кладбище. Занятие бес-перспективное, но необходимое для спокойствия моей совести.

Я Тебе звонила перед отъездом, но Ты обедал. Тебе передавали?

Вернусь числа 28-го или около. Вчера была на о-ве Голодай, на месте казни декабристов. Попутно с делами буду, конечно, осматривать разные интересные места.

Целую Тебя

тетя Наташа

8. 26/X-59 г

Андрюшок, это что же такое? Старая тетка сильно болеет, того и гляди на тот свет отправится, а Ты пропал... Даже Н. в библиотеку не позвонишь!

Вчера Алеша <Кристан> меня выслушал, остался очень недоволен сердцем и велел еще лежать – тоска собачья! Пожалуйста, покажи свой светлый лик... А то купил колымагу и возгордился!

Ты нашу телеграмму из Крыма получил? А отчего ушел до конца Гугиной защиты? А Твоя когда же? Предупреди заранее, чтобы я могла приготовить соответствующий туалет.

Ну, словом, целую

тетя Наташа

От Н. привет

9. Фили 11/XII-59 г

Дорогой Андрей

Поздравляю тебя с днем именин.

Пожелание оставляю при себе.

Если соберешься поздравить бедного старика Андрея Федоро-вича <Марница>, передай ему, что меня очень огорчает невозможность его навестить, т.к. я сама со дня возвращения с юга 10/X без перерыва хвораю, что у меня плохи дела с головой (небольшие спазмы) и кровью (повышенная густота), что, конечно, довольно серьезно, т.ч. пусть не обижается - в городе не бываю совершенно, да и в Филях гуляла не больше 3 - 4 раз за 2 м-ца.

Целую Тебя. Насильно мил не будешь, т.ч. к себе не приглашаю. Будь здоров.

Любящая Тебя тетя Наташа

Надя просит Тебя

поздравить.

10. 30/XII-59

Дорогой Андрюша, с новым годом! Желая и даже очень сильно кое-чего, о чем поговорим при свидании, а пока целую Тебя.

;

Любящая тетя Наташа

11. 22/I-60

Дорогой Андрюша!

очень благодарю Тебя за то, что исполнил мою просьбу и навестил Ек. Ал. <Тавастшерну> в больнице. Теперь уж ее, бедную, никто не навестит из-за карантина, да и сколько он еще протянется?

В сегодняшних «Известиях» маленькая статьяшка Светланы Бениш об Андрее Рублеве.

И что Наде позвонил – спасибо; я успокоилась насчет К<атиного>. слуха; значит, она не слышала только в первые дни болезни; это возможно.

Не пропадай! Тетя

Наташа

12. 25/V-60

Дорогой Андрюша!

в Подлипках неплохо; громадный парк, разделанный лишь вокруг корпусов, т.ч. вроде и лес. В нем шт. 15 - 20 полуручных белочек, которые берут орехи из рук, садятся смешным столбушком, едят и снова приходят за подачкой, взбираясь на плечо и колени. На днях в наш лесопарк забрел лось, вероятно из заповедника в Пушкино и, представь, один мерзавец и идиот из поселка убил его из двустволки. Зачем? Теперь милиция ищет виновного, но может и не найдет.

Я окрепла, сердце не колет; по утрам часа 2 занимаюсь окучиванием многолетников тяпкой – это моя лучшая процедура – делаю это не спеша и получаю громадное удовольствие. Кормят на убой, я съедаю половину. Обстановка комфортабельная. Приличная библиотека, всякие игры и ежедневно киносеанс. Видела шт. 5 фильмов, из них один великолепный французский. «Мари Октябрь». Прочитала интересную книгу «Жизнь Эйнштейна», автор Влад. Львов. Погода две недели была хорошая, а последние три дня перепадают дожди и прохладно.

Целую Тебя. Надя 28-го едет на полтора дня в Ярославль осматривать его старину. Привет на Гоголевский.

Тетя Наташа

13.

Фили 15/IX-60

Дорогой Андрюша!

Поздравляю с днем рождения (хоть Ты этот день и не любишь, но я уж держусь старой традиции). Если будет настроение, приезжай 17/IX вечером с нами отужинать; постараюсь сделать что-нибудь повкуснее, ну, а не будет настроения – не приезжай - неволить Тебя не хочу.

До чего ж мы с Тобой в воскресенье славно прокатились в Архангельское и Николо-Урюпино! Я до сих пор пережёвываю всю эту красоту.

Целую крепко молодчину осторожного водителя и поздравляю Тебя с этим достижением.

Тетя Наташа

Поздравление и от Нади

P.S. Перерыла все свои «закрома» в поисках талисмана для Твоей машины, но ничего кроме мраморного маленького белого яичка не нашла, к сожалению.

14.

Воскресенье 11/XII-60

Дорогой Андрюша!

поздравляю с днем Ангела, желаю самое главное – поскорее и удачно защитить работу.

Ты 13-го наверняка будешь у Андрея Львовича <Курсанова> – так передай ему от кумы поздравление и лучшие пожелания по поводу именин и наступающего нового года.

Целую тебя. Тетя Наташа

15. Фили, Четверг, 2/III-61

Дорогой Андрюша! продолжаю маяться и с сердцем и кровяным давлением, которое нет-нет и подскочит за 200. Очень всё это надоело! Мечтаю, что весна и хороший воздух поставят меня на ноги. Мне назначено 30 в/мышечных инъекций и, кроме того, при частых болях делается подкожная инъекция. Словом, очень нужно то, что Ты мне давно обещал. По возможности, забрось.

Тетя Наташа

Не пропускай мимо ушей любопытные имена, как придуманные, так и древние православные. Вчера у меня был тот старик <Н.А.Петровский>⁺ из Казахстана, который составляет Словарь имен и для которого я работала над английским словарём имён. Он бывший доктор, но теперь совсем чокнулся на лингвистике. Занятный.

16. Фили 5/VII-61

Дорогой Андрюша, мой сезон в Удельной, слава Богу, кончился и я вернулась домой. Но вещи остались там, а поскольку Ты сам предложил вывезти меня обратно по окончании «санаторного месяца», прошу Тебя, если ничего не изменилось, съездить со мной туда за «манатками».

Когда – мне безразлично. В любой вечер. Могу приехать к Тебе на работу и прямо оттуда двинем. Я с удовольствием посмотрю Твой дворец науки.

Удельнинские сосны принесли мне несомненную пользу – дышу и двигаюсь нормально (надолго ли?), но тощица там была смертная; я едва-едва дотянула месяц и теперь еще больше ненавижу дачные места.

⁺ составитель «Словаря русских личных имён», М. Энциклопедия, 1966

демонстрация и не действовал транспорт, уезжали на пригородном автобусе за 18 км в Карабиху – усадьбу Некрасова. 8-го вернулись и вчера я отлеживалась после своих подвигов.

Когда же пойдём с Тобой в Ленинскую б-ку, чтобы Ты мне все объяснил насчет работы? Свой пропуск в научный зал я продлила до 1/II-62. Если я до Тебя не дозвонюсь, позвони Наде.

Пьяные филёвцы за праздники перепортили все до единого телефоны-автоматы.

Итак, или «до звонка» или до – свиданья

Тетя Наташа

20. Фили 16/II-62

Дорогой Андрей,

Екат. Ал-др. Старицкая¹ согласно давать урок на Серпух. пл. - этот р-н её устраивает, но сообщи имя, отчество и фамилию Твоей сослуживицы, её адрес, телефон, чтобы Е.А. могла с ней сговориться о свидании.

Тебе не придется опрокидывать рюмочку на «вышке» с Вас.Ив.² Там опять смерть. Во сне, от ангиоспазма скончался Вас. Ив. 21/II, через сутки после А.Ф. <Марница> «Вышка» отшла чужим. Никаких подробностей не знаю. В.И. чрезмерно работал (оперировал в 3-х больницах), да и пил порядочно – вот и результат. Жаль беднягу. Ему было лет 56.

Надя получила 14 м комнату на Русаковск. ул. Прописалась постоянно. Мытарства ее кончились. Я решила, что переедем туда, а здесь оставим декорум. Хочу, чтобы уже были вещи на месте, а то ведь тоже могу отдать концы. Как только мне будет лучше, там произведут ремонт, - переедем. У меня опять очень сильно подскочило кровяное давление, и я лежу, дабы снизить его до 180, когда у меня перестает болеть затылок.

Е.А. очень часто бывает в доме у родных с т. Г6-99-18; Твоя сослуживица может попытаться найти ее там. Если ее не будет, пусть вызовет Марию Марковну <Фокину>⁺ и узнает, когда она будет. Пожалуй, - это самое простое.

В ближайшие дни не приезжай, мне надо отлежаться еще дня 3 - 4 в полной тишине.

Целую Тебя, от Нади привет.

Любящая Тебя тетя Наташа

¹ Екатерина Александровна Старицкая училась вместе с М. в Таганцевской гимназии классом старше. После революции эмигрировала. Кончила университет в Англии, в конце 50-х вернулась в Москву и оказалась теткой моей сослуживицы М.А.Фокиной. В библиотеке иностранной лит. ее в просторечии называли «парижская тетя». Она зарабатывала переводами на англ. и франц. языки. Когда ей понадобилась машинистка, М.А. порекомендовала ей (через меня) Мильевну. Договорились о встрече на определенный день, в конце которого М. сообщила мне: «Мы с парижской тетей на ты, полдня вспоминали нашу гимназию». + М.М.Фокина – мать М.А.

² В.И. – врач, солагерник брата Е.А.Тавастшерны в Норильске, иногда жил у Марницев.

21. 30/IV-62?

Дорогой Андрюша,

напомни мне, пожалуйста, твой бывший ленинградский адрес, т.е. Средний пр. угол какой линии, № дома и № квартиры. Он мне очень нужен, а я его начисто забыла.

Дело в том, что Нат. Ив.<Аничкова>, по всей вероятности, получит реабилитацию. Когда я осенью подавала за нее в прокуратуру заявление о пересмотре, я дала для ответа свой адрес, чтобы в случае отказа, её лишний раз не травмировать. И вот вчера я получила из Ленпрокуратуры извещение о том, что они получили из Моск. прокуратуры опротестование дела Н.И.Ан[ичковой], в свою очередь его опротестовали в Ленгорсуде, т.ч. теперь предстоит ждать утверждения горсуда. А это, как известно, уже формальность, которая длится около месяца.

Вчера от радости за Н.И. я так сразу обмякла и ослабела, что не могла несколько часов двигаться. После получения бумажки из Горсуда она сможет ехать в Ленинград и встать в очередь на комнату. Первое, что ей надо будет, это пойти в

домоуправление, где она была прописана (т.е. в бывшее Твое) и взять выписку для жилотдела.

На днях уехал на месяц в Ленинград Сергей Викторович <Воронцов-Вельяминов>. Я хочу, чтобы он сходил и узнал сохранились ли записи прописок от конца 20-х гг (от 28 - 29 гг) и есть ли Н.И. там, п.ч. если не сохранились, ей придется искать двух людей, которые смогут письменно засвидетельствовать тот факт, что она в том доме жила.

С Тобой в квартире не жил кто из очень старых жильцов от 20-30 годов? М.б. они получили новые квартиры, но их можно разыскать, тогда нужны от Тебя их имя, отчество, фамилия и возраст. В Москве, я знаю, почти везде сохранились прописки от очень древних годов, но в Ленинграде во время блокады могли домовые книги сжечь. Пожалуйста, откликнись сразу, чтобы С.В. успел выполнить мое поручение.

Меня оторопь берет при мысли, что Н.И. на старости лет проживет в цивилизованной обстановке. Это после 33-летнего антракта.

Целую Тебя, от Нади привет. Тетя Наташа

А когда будем читать папин архив?

22. 22/8-61 [Воронежский заповедник]

Дорогой Андрюша, пока все идет удачно. Машину выслали. Поместили в благоустроенную гостиницу и хозяйка взялась готовить. Управление заповедника расположено в бывшем мужском монастыре на большой поляне, а кругом стеной знаменитый Усманский бор (32 тыс га), который еще Петру I давал материал для постройки флота при Азовских походах.

Дубы и сосны вековые, нам с Надей некоторые не охватить красоты, а местами радующая сердце глухомань. Усманка неширокая темноводная речка, затянутая шелковой ряской и в ней белые кувшинки. Над водой, выискивая рыбешек, вьются очаровательные синие птички зимородки, голубым пятнышком отражаясь в воде. Очень интересно на бобринной ферме, но об этом рассказ долгий - при свидании. Благородных оленей под 1000 голов, но пока видели только ручных на базе, а вот с кабанами, перекочевавшими сюда во время войны из брянских

лесов, Н. повезло – напоролась на группу и, убоясь их страшных клыков, бежала 2 км, сверкая пятками.

Погода хорошая. Н. купается.

Продовольствие достаем на кардонах у лесников (птицу, дыни, арбузы), сыты вполне. Сердце покалывает, но не так, как в Москве, я на него плюю и наслаждаюсь всем (особенно лесом) в полной мере; на днях потихоньку прошла 9 км!

Надеюсь, Твой доклад на съезде прошел очень хорошо – иначе не должно быть!

От Нади привет, от меня поцелуй.

Любящая Тебя тетя Наташа

23. 8/8-62 [Воронежский заповедник]

Дорогой Андрюша, шлю тебе привет из роскошного Усманского бора – обиталища оленей, бобров, и др. зверья. Мне здесь также хорошо, как и в прошлом году и, слава Богу, погода благоприятствует. Дожди, правда, перепадают, но это только способствует росту грибов. Тепло, тихо, о возврате в московский шум и непогодь страшно думать. Постараюсь побыть здесь как можно дольше.

На днях ездила в г. Воронеж (за 45 км от заповедника). Он оказался очень культурным, чистым и красивым городом. Старинной архитектуры нет совсем (было мало, но и та погибла в войну), а современные 5 эт. дома выстроены со вкусом (не то, что наши москские коробки на окраинах), каждый дом имеет свое особое лицо и многие разного цвета. Хорошо обихожённые скверы с фонтанами и памятниками Петру I, Кольцову и Никитину. Музеи краеведческий и исторический - бедные, а картинная галерея неплохая, и еще дом-музей Никитина.

Ежедневно хожу по грибы и за этим блаженным занятием вспоминаю Тебя - Ты ведь это тоже любишь. Жаль - сушить негде.

Целую Тебя

тетя Наташа

24.

16/VII-63

Дорогой Андрюша,

шлю привет из недр Карелии, из деревни Ерши на озере Сандал, где 42 года тому назад я работала в так наз. «ОНЭ» (Олонецкая научная экспедиция), возглавлявшейся Твоим отцом. После посещения Кижей встал вопрос ехать на Кивач или на Сандал. Надя и ее сослуживица Кира <К.П.Собенникова>, догнавшая нас в Кижях, хотели на Кивач, но я так страстно ратовала за Сандал, что они мне уступили, и об этом не пожалели. Красота здесь несказанная, а тишина умиротворяющая. Полуразрушенные дома, как декорация к граду Китежу. Питаемся ухой, молоком и земляникой, которой здесь среди скал множество. Церковь на о-ве Лычный 1620 г. увенчивает собой пейзаж.

О Кижях писать некогда и лень, и трудно найти нужные слова, чтобы описать эту Карельскую Атлантиду, вынырнувшую из глубин Онежского озера.

Отдохнув на Сандале поедem в Вытегру и далее. Пока всё идет хорошо – я здорова, погода теплая.

Целую Тебя, от Нади привет.

Любящая Тебя тетя

Наташа

25.

15/IX-65

Дорогой Андрюша!

Шлю привет и ряд несомненно хороших пожеланий к дню Твоего рождения 14/IX. Боюсь открьтка моя малость запоздает. Я сейчас у Нат. Ив. <Аничковой> в Дарвиновском заповеднике на Рыбинском море. Приехала сюда отдохнуть после весьма авантюристических разъездов по Каргопольщине. После 20-го вернусь в Москву и тогда обменяемся рассказами –

я о севере, а Ты о склонах Эльбруса. В заповеднике много интересного, напр. глухорятник, где искусственно разводят этих лесных красавцев. Целую Тебя.

Тетя Наташа.

26.

14/II-66

Дорогой Андрей,

прошли не только «ближайшие дни», в которые ты обещал быть, но и ближайшие к ближайшим. А тебя все нет – Was soll es bedeuten?

А я все лежу (почти лежу) и «плыву» в отчаянной слабости; что и на душевное состояние действует - пребываю на грани депрессии. Приезжай и расскажи мне что-нибудь о дельфинах...

Всё ещё перевязываюсь, проклятый шов продолжает сочиться. - А сплю, сплю – неприлично: дни и ночи.

Не звоню, п.ч. стоять перед телефоном мне трудно, а кроме того для меня ты же по телефону неуловим.

Если книга «Понедельник начинается в субботу» (или что-то в этом роде), а также другие вами уже заглотаны, то захвати.

Целую Тебя. Твоя развалюга тётка Н.А.

27.

.../сент/-67, Печоры

Дорогой Андрюша,

спасибо за привет к 8-му, а Тебя буду вспоминать на день рождения.

В Риге были 4 дня. Город хорош, но интересен менее Таллина. Самое сильное впечатление – братское кладбище.

Сюда ехали на автобусе до Изборска и в фургоне (типа «воронок») из Изборска до Печор.

Погода фантастическая, сказочно хороша! Самое невероятное – тишина; деревья стоят, как замороженные. Ну, и теплынь. Разве можно было это ожидать? Здесь край белых и маслят. Носят их десятками и даже сотнями. В «городе» все ошалели от заготовок и скупили всю посуду. Мы берем ровно столько, сколько надо Наде на завтрак, и с заготовками не связываемся.

Спасибо Тебе /неск неразб. слов/ Целую крепко, от Нади
привет.

28.

5/VII-68 [Печоры]

Дорогой Андрюша!

Привет с нашего драгоценного хутора. Три дня нас морил холод в Печорах – 14⁰, поливал дождь и изводили ветры, но со 2/VII июль смиловивился и сделался нормальным. По дороге сюда на такси проезжали старый Изборск, и я в который раз думала о том, что это одно из самых замечательных мест Руси. На хуторе нас ждали: были вымыты полы, расставлены букеты и стол заставлен снедью. Это каждый год неизменно трогательно. С нашей горы прекрасный вид на лесные дали по холмам. Пересеченная местность всегда живописна, а здесь еще эти уютные хутора. Луга еще не скошены, жаворонки еще звенят и я, слава Богу, их более или менее слышу. В июньскую жару засохли завязи земляники и черники. Немножечко (1 стакан за 2 часа) земляники собрать можно, но черники не будет совсем. Зато ожидается обильный урожай лесной малины; только не знаю – дождемся ли мы её? В тихий день доносится к нам благовест печорского монастыря. Я с каждым днем гуляю всё дальше. Надя купается. Словом, все хорошо. Целую Тебя, привет Вале <Холодовой>.

Тетя Наташа

29. /1969/ [Литва, Друскеники]

Спасибо. Все в порядке. С большим удовольствием собираюсь в ближайшие дни в Вильнюс и в Каунас. А в сказочном Тракае уже были с заездом в трагический Пирчупис,- деревню, которую немцы сожгли вместе со 119-ю жителями.

Погода выправилась. Цветет и дивно пахнет жасмин.

До звонка в начале июля!

Целую т.Н.

30. 2/VI-70 [Литва, Друскеники]

Дорогой Андрей!

Спасибо за проводы. Доехали благополучно; устроились очень хорошо – в самом центре, на красивой улице, в домишке с прелестным садом, в котором и липы, и один могучий дуб, и много цветов, а сирени – крупной, темнолиловой – море-окиян, и дух от нее, как в раю. Пионы уже с набухшими почками, а в парке цветут рододендроны и распускаются Д/В маки. Комнаты подорожали, многие хозяйки берут по полтора и два руб с носа, но наша милая старушка не хочет быть хапугой и берет по 1 р. Комната ~ 16м, обставлена уютно по старинному, спим на каких-то сказочных мягкостях. Диэтстоловая напротив, ванны и пр. процедуры в 5 мин ходу. Я уже была у врача, и мне, как и в прошлом году, отказано во всех процедурах по состоянию сердца.

Целую Тебя и желаю «подстрелить» где-нибудь денег, чтоб не пропустить машину. Т.Наташа

31. 26/VII-72 [Новый Иерусалим]

Дорогой Андрей!

я буду в Москве 3-го вечером и всё 4-е: пенсия, ванна и пр.

Если Ты в эти числа будешь в Москве, не можешь ли 5/VIII в субб. доставить меня обратно в «НИЛ»? Было бы это очень хорошо для меня, т.к. два пути на автобусе, электричке и по московскому транспорту мне не осилить.

Я совершенно потеряла Тебя из вида и понятия не имею, где Ты есть. Пишу на всякий случай. Здесь мне хорошо, но зной очень расслабил.

Целую Тебя, теть Наташа
32.

«НИЛ[#]», 19/VI-74

Дорогой Андрюша,

поджидала Тебя 16-го в свое рождение, но, как и в предыдущие годы, не дождалась. Мне, естественно, не нужны ни поздравления, ни презенты, ибо – куда уж там поздравлять с дряхлостью, но под-линную причину Твоего пренебрежения очень бы хотела узнать.

У нас неважно.

Я задыхаюсь изо всей дурацкой мочи. Ника Александровна¹ уверяет, что я с трудом акклиматизируюсь, но это – чепуха. Просто болезнь шагает довольно крупным шагом.

Плохо то, что болеет Надя. Опять, как в 1970, кровотечения – следствие нескольких лет физической работы сверх сил (катанье баланов, погрузка вагонов и пр.) она уже 3 раза на бюллетене, сегодня опять поехала продлевать; вероятно, как в 70-м, не обойдется без операции. И вот, когда пригодился Б.Г.²! Он и в магазин за 1 км ежедневно ходит, и воду приносит, и грядку поливает. Старается бедняга!

Если соберешься к нам, захвати самое тяжелое, т.е. овощи: свеклу, капусту и пр., картохи не надо. На июль думаем отправить Б.Г. куда-нибудь к другим друзьям, т.к. Наде необходимо как следует отдохнуть в тишине и без лишних нагрузок по хозяйству. Иначе ей не вытянуть зимы.

Вл.Ив.Кризмана опять кладут в б-цу и он сказал Наде в телефон, что не уверен – вернется ли на этот раз. Как грустно!

До своего отъезда в отпуск обязательно верни мне книгу Акселя Мунте (без нее не являйся!) – она мне нужна.

¹ Н.А.Трувеллер, хозяйка дачи в поселке[#] «Наука-Искусство-Литература», в 4 км от ст. Новый Иерусалим. ² Б.Г.Меньшагин.

Надеюсь, Ты продуктивно работаешь и продвинул свои дела.

Целую Тебя

Т.Нат.

Доцветает черемуха

(дальше

оборвано)

СЕ-СЛАВИНО †

1969

Приехала на дачу 22/XI днем^{††}.

Стива обаятелен своей добротой, простотой, веселостью, выдумками («трактир[#]»), и он и С¹. страшные непоседы и крикуны. Когда они вместе, то штукатурка с потолка осыпается от их крика. Вскрикивают, бегают по комнате, обнимаются (друг друга обожают).

Стива сказал мне, что «Саня¹ – колоссальный художник и на этом держится и нечего ему лезть в политику. Я третий раз читаю «Круг» и не могу начитаться».

Примерно то же самое говорит Саня о Стиве: «он – артист волею Божьей, даже – гениальный, а вы, Мильна, пожалуйста, не рассказывайте ему ни о каких политических моментах; он и так достаточно знает и многое сердцем понимает».

28/XI-69.

Вместе недолго походили по саду, главным образом – посидели на лавочке. Страшно лезли скоты. «Кузю»^{##} он отпихивал ногами, а коту дважды выпустил в нос табачный дым, после чего кот обиженно удалился. Мягко, но упорно, ругал меня за неуважительное обращение с телефоном, говорил, что невозможно, чтоб у приютившего нас всех Стивы были неприятности. Дважды назвал Стиву Моцартом – и по душе, и по гениальности. Для него, говорил он, существует только искусство, он ничего в политике не понимает и не знает о многом. Пусть с тем и остается, а насчет меня Стива

† «Се - Славино» - так ¹А.Солженицын называл дачу Ростроповича в Жуковке в том смысле, что это место – Славино, а не еще кого-то.

†† Эпизод переезда на дачу, см. с.20 настоящего сборника.

Огромная комната на всю длину и ширину дома на мансарде, причудливо обставленная старинной мебелью, широкими диванами и богатым баром с разнообразными, для нас экзотическими, напитками.

Нью-фаундленд.

ошибается – я всегда помню о 45 млн погибших лагерниках и з/к з/к в тюрьме, и я не могу и не должен оставаться в стороне.

Н.М. с Александром
Исаевичем на даче у
Ростроповича, 1969

– Хотя Вам, Мильна, и Стиве не нравится письмо¹, которое вы называете истерическим, но я доволен, что написал его и тем самым вступил в фазу открытой борьбы. Надо подготавливать молодежь к восприятию А. и Ленки². Стива не прав, предлагая мне написать нейтральный исторический роман, который напечатали бы. Мне этого не надо. Их может убедить только сила, и во мне они ее чувствуют. По этой причине, боясь окончательно скомпрометировать себя перед Западом, они меня в психиатричку не упрячут.

– /я:/ Ну, крушение «Дениса»³ учинят.

– Это возможно. Будем ездить с оглядкой.

– /я/ А вот Пер Гюнта⁴ упрятали же...

– Что вы сравниваете! (- с возмущением). Он политикан и только, я - писатель, к которому прислушивается весь мир.

Сегодня 13/XII

Уже 22 дня я на даче. Н.А.⁵ десять дней была в Рязани, и тогда я 2 раза в день видела Самого – он приходил рапортовать, что жив и благополучен.

11/XII был день рождения – 51 год. Вечером вчетвером пили чай, Надя привезла яблочный пирог и бутылку коньяка от Левидовой⁶. Сам был мил и добр.

На след. день мы с Нат. Ал.⁵ сидели, работали над папками с перепиской самого (у него тысячи писем). Вдруг он врывается весь взбаламученный и с криком: «где моя Мильна, которая не хочет научиться владеть приемником!.. На - те! Слушайте!»

- Держит в руках «япончика» с выдернутой антенной (так и бежал) и мы слышим, что БиБиСи передает его письмо – слово в слово его читает. Читает театрально, с выражением – верно заранее разучили все интонации.

«САМ» был в восторге, сиял.

А вчера вечером БиБиСи поздравляет с днем рождения «Александра Исаевича», не сказав фамилии, так что совсем интимно. Молодцы. Опять сиял.

Как-то сказал: «Вяло писать нельзя. Главное - динамика. Надо писать короткими главами с выпуклыми яркими стыками».

¹ Открытое письмо Секретариату союза пис. РСФСР от 12.11.69.

² Сначала в разговорах слово «Архипелаг» заменялось на «деда Архипа и Лёньку», а потом – просто «Лёнька».

³ Автомобиль Москвич, купленный на деньги за «Ивана Денисовича».

⁴ Петр Григорьевич Григоренко.

⁵ Инна Михайловна Левидова – сослуживица Н.Г. по Библиотеке ин.лит.

⁶ Решетовская.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ МЕНЬШАГИН

Н.Г.Левитская

О Борисе Георгиевиче Меньшагине мы узнали из «Хроники текущих событий» в 1971 году. Там сообщалось, что он освобожден из Владимирской тюрьмы, где 25 лет отсидел в одиночке, и направлен в дом престарелых в пос. Княжъя губа на Белом море. Наталия Милюевна Аничкова, с которой вместе я жила после лагеря, тут же написала ему по указанному в «Хронике» адресу, приглашая приехать к нам летом на дачу, которую мы снимали в пос. НИЛ под Новым Иерусалимом. Завязалась переписка, и в конце мая 1972 года Б.Г. появился у нас в Москве на Большой Пироговской в сопровождении Гарика Суперфина и Веры Лашковой^х.

Несмотря на возраст (ему было тогда 70 лет) и годы, проведенные в тюрьме, он был еще довольно бодр, только некоторая скованность движений и глаза свидетельствовали о страшном прошлом: глаза были пустыми, потухшими и смотрели не на собеседника, а мимо, поверх него, что видно на фотографии, приведенной в книге его воспоминаний (Paris, YMCA-Press, 1988^{xx})

На прямой вопрос, почему он смотрит мимо собеседника, Б.Г. ответил: «25 лет меня окружали нелюди, враги, от которых можно было ожидать только зла. Они смотрели на меня с ненавистью, злорадством, с издёвкой или лицемерно-сочувственно, в лучшем случае - отсутствующе-безразлично. И инстинктивно, из чувства самосохранения, я разучился

^х Вера Иосифовна Лашкова преследовалась за помощь А.Гинзбургу в распространении материалов по делу Синявского и Даниэля, позднее она была участником издания «Хроники текущих событий».

^{xx} один из составителей и комментатор Г.Суперфин.

смотреть в глаза общавшимся там со мною. С годами это стало привычкой». Позже, когда он проводил по два-три месяца у нас в Москве и в поездках к старым и появлявшимся новым знакомым, он постепенно «оттаял», стал свободнее в движениях, стал допускать собеседника заглянуть себе в глаза, а некоторых допускал и в душу.

С 1972 Б.Г. приезжал к нам каждый год до своей смерти в 1984-м. Обычно он появлялся в мае, чтобы 9 мая среди друзей праздновать свой день рождения. Первые 3 года с июня месяца мы уезжали на дачу, где у Б.Г. была отдельная комната. После смерти Наталии Милюевны в начале 1975 дачи уже не было, и мы вдвоём жили в Москве. В течение лета он ездил к своим друзьям Светлане Николаевне и Диме Григорьян в Ростов-на-Дону, к знакомым еще по Владимирской тюрьме Е.М. Зарицкой и Д.Гусяк^{xx} в Волочиск (Украина), в пос. Брянка (уже забылось к кому). В последние годы его регулярно приглашал к себе митрополит Саратовский и Волгоградский Пимен (Дм. Евг. Хмелевский).

Это старое знакомство было восстановлено следующим образом. В бытность свою смоленским бургомистром Б.Г. выручил одного из своих сотрудников Г.И.Дьяконова, которому грозил расстрел или голодная смерть в лагере. При отступлении немцев семьи Б.Г. и Дьяконова уехали вместе и под конец остановились в Карловых Варах, где Б.Г. был арестован американцами, а впоследствии сдался советским властям, считая, что семья его находится в их руках.

В действительности же Дьяконовы с женой и дочерью Бориса Георгиевича уехали на Запад и оказались в США.

К 70-м годам один из сыновей Дьяконова стал художником и познакомился с советским художником А.П.Цесевичем. Освободившийся к этому времени Б.Г. нашел в Москве семью своего умершего шурина Н.К.Жуковского, где ему дали адрес Дьяконова, который в течение всех прошедших 25-ти лет

^{xx} Зарицкая Екатерина Мироновна и Гусяк Дарья Юрьевна - 25-летницы, сидевшие во Владимирской тюрьме одновременно с Б.Г.Меньшагиным.

неоднократно справлялся, - нет ли каких сведений о Б.Г.? Теперь Б.Г. сам написал Дьяконову, получил от него ответ с вопросом – как и чем он мог бы ему помочь? Вот тут-то и пригодилось знакомство с Цесевиичем. Сын Дьяконова регулярно посылал дорогие альбомы с произведениями интересовавших Цесевиича художников, а тот ежемесячно выплачивал Б.Г. 20 руб, что по тем временам было немало (колхозники получали пенсию в 12 руб). У Цесевиича были знакомства в церковной среде. Каким-то образом в разговоре с владыкой Пименом он упомянул имя Б.Г., оказалось, что владыка запомнил его еще по военным временам в Смоленске. Тогда он, юноша 17-ти лет, потерял обоих родителей и, собираясь стать монахом, обратился к Б.Г. за советом. Как рассказал нам Б.Г., он тогда посоветовал Хмелевскому еще испытать себя в жизни, а уже потом решаться на такой ответственный шаг. И вот, через 30 лет они опять встретились.

Изголодавшись по общению с обычными доброжелательными людьми, Б.Г. при любой встрече с новым человеком, в новой компании увлеченно рассказывал о пережитом, особенно о процессах 30-х годов, в которых он участвовал, о своей деятельности в качестве бургомистра Смоленска во время войны, о годах заключения, своих эпизодических сокамерниках Мамулове и Штейнберге, об организаторах убийства Троцкого Этингоне и Судоплатове, с которыми некоторое время встречался на тюремном прогулочном дворе. Он рассказывал со вкусом, взхлеб, не давая себя прерывать.

Мы старались предоставить ему возможность познакомиться со всеми нашими многочисленными друзьями, а те в свою очередь приглашали его к себе, чтобы еще в другом кругу он мог выплеснуть переполнявшие его воспоминания. В одном из домов, куда его пригласили, его рассказы записали на пленку, которая легла в основу издания Б.Г.Меньшагин. Воспоминания: Смоленск... Катень... тюрьма... - Paris, YMCA-Press, 1988.

Рассказывая много раз об одном и том же, Б.Г. выработал для каждого эпизода определённую форму, которая повторялась из раза в раз со всеми деталями, точными датами, фамилиями действующих лиц, названиями мест и учреждений. При первом знакомстве с Б.Г. и его рассказами слушателя

буквально ошарашивала его память на все эти казалось бы мелочи, подробности. Но в этом проявлялась его профессиональная добросовестность, сказывалась привычка юриста, адвоката к точности каждого упоминаемого факта, ответственности за все приводимые сведения.

Б.Г. не только помнил бесчисленные даты крупных и мелких исторических событий и событий собственной жизни, статьи кодексов, названия и географическое расположение городов, стран, местностей на карте, но и практически в реальной действительности. Он хорошо ориентировался в местностях, где ему доводилось бывать. Попав в Москву через 30 лет, он не только без труда перемещался по городу, но лучше многих старых москвичей знал, где расположена та или иная церковь, на каждый праздник ехал именно в ту, где был престол, отстаивая долгую службу на больных ногах. И бывал недоволен, когда священник допускал сокращения, замечая любую погрешность в чтении, пении, богослужении. Неколебимая вера была основой жизни Б.Г. Именно она, по его собственному признанию, помогла ему не только выжить, но сохранить себя как человека в годы одиночного заключения. Главным делом своей жизни Б.Г. считал открытие осквернённого при советской власти смоленского Троицкого собора. После войны большевики уже не посмели его закрыть.

В первый год появления у нас Б.Г. Наталия Милиевна приступила к нему с настойчивой просьбой записать все свои рассказы. Он не очень решительно отговаривался тем, что уже раз писал во Владимирской тюрьме, и всё отняли, а теперь уже многое и позабылось, а главное для него сейчас рассказывать, - это доставляло ему несомненное удовлетворение.

В конце концов Наталия Милиевна всё же усадила Б.Г. за воспоминания, и за годы, пока она была жива, и мы проводили лето на даче, где общение со слушателями ограничивалось субботаами и воскресеньями, Б.Г. успел записать всё, что относилось к его деятельности в качестве бургомистра Смоленска, вплоть до эвакуации города при отступлении немцев.

Записанное составило 7 тонких ученических тетрадей. После высылки А.И.Солженицына, с которым мы были связаны довольно тесно, многих его сотрудников, и меня в том числе, вызывали в КГБ. Боясь обыска и конфискации рукописных материалов, мы рассовывали все сомнительные с точки зрения власти материалы у знакомых. Многое из укрытого не единожды перемещалось. В результате, когда настало время собирать рассеянное, оказалось, что из 7 тетрадей вернулись только 5. Отсутствуют тетради 2 и 3.

ДОПОЛНЕНИЕ

В последнем из писем Наталии Милюевны к А.Г.Верещагину упомянут Борис Георгиевич Меньшагин. Исключительность личности и судьбы этого человека заслуживают пересказа по крайней мере некоторых эпизодов из его жизни. Ниже для этого использованы три источника: отрывки из книги издательства YMCA Press [I], из неопубликованных воспоминаний Б.Г. (ученические тетради, о которых сказано выше [II]) и моя краткая запись после длительного, часа на три, рассказа Б.Г. о своей жизни [курсив, III]). Это пунктир, которым хотелось бы прояснить и личность Б.Г. и мое отношение к нему.

Молодым человеком (год рождения 1902) Б.Г. служил в красной армии в службе мат-технич. обеспечения авиац. части. В конце 20-х он был демобилизован, так как не скрывал, что является верующим, хотя уже предполагалось его направление на учебу в военную академию. Учась и работая, ему удалось получить юридическое образование.

«Адвокатской деятельностью я стал заниматься начиная со 2 июня 1928 года» Это время «больших» процессов – «Шахтинское дело» и «Промпартии», время отката от непа и вскоре – раскулачивания. Выполняя роль защитника в составе выездного суда по делам о невыполнении «твердых заданий», Б.Г. насмотрелся такого, что «... долго не мог заснуть, отчаянное было у меня настроение. Ставил вопрос перед собой: как работать дальше? Куда-нибудь надо деваться еще. Подыскивать другую работу... придется уходить из этой коллегии, потому что невозможно работать». [1]

Спустя несколько лет произошла встреча Б.Г. с человеком, который эту встречу запомнил и засвидетельствовал. Рассказ Григория Кравчика помещен в качестве приложения там же, [1], откуда с небольшими сокращениями:

«Вернувшись в Москву в 1935 году, я бродил по городу, всматриваясь в объявления, которые вывешивались на стендах предприятий и учреждений, о найме работников. Я обратил внимание на объявление, висевшее на воротах грузового автопарка...

Я вошел в помещение конторы на второй этаж, прошел по длинному коридору, сам еще не зная – обращусь ли в отдел кадров. На одной из дверей я прочел «юрист автопарка». Я постучал в дверь и вошел. В полутемной комнате, отгороженной от другой перегородкой, за столом сидел интеллигентного вида человек лет сорока, аккуратно одетый, в галстуке. Весь его вид не вписывался в окружающую обстановку.

...Подняв голову и посмотрев на меня, он предложил мне сесть. Я стал рассказывать..., что имею юридическое образование, что работал в институте на Украине и показал свою трудовую книжку с записью о том, что уволен как «враг

народа». Как мне показалось, эта формулировка его не испугала, а наоборот, вызвала более пристальное внимание – я почувствовал его доброжелательное отношение...

Он сказал мне, что у него много судебных дел по взысканию задолженности по перевозкам, что ему действительно нужен помощник, но с моими документами идти в отд. кадров безнадежно. Попытаемся... обойти кадровика: пишите заявление о временной работе, подпишем трудовое соглашение пока на 6 месяцев...

Человек, который протянул мне руку помощи, был Борис Георгиевич Меньшагин. Мне не долго пришлось с ним работать. С его слов я знал, что он давно хочет вступить в моск. коллегия адвокатов, но ему в этом отказывают. Он был опытный юрист. Его знания в различных областях права меня поражали... В какой-то момент он мне сказал, что собирается уезжать в Смоленск – там ему обещали, что он будет принят в коллегия адвокатов...

Будучи адвокатом в Смоленске, он сумел «вызволить» своего бывшего сослуживца, ставшего уже генералом, и обвиненного в намерении бомбить Кремль, порче зарубежных авиамоторов и вербовке людей в (антисоветскую?) организацию. Авиатор был уже осужден, когда его жена пришла к Б.Г. с просьбой помочь. Б.Г. написал апелляцию, которая рассматривалась в Москве. Тогда сняли Ежова и на его место заступил Берия, отменивший «тройки». Защитник должен был подавать кассацию лично в Москве, [III].

Отзвуком этой истории в [I] стал такой отрывок:

«У нас в Москве жена одного адвоката московского, Молчанова, по нашим поручениям наводила справки. Потому что, если выступать – вот того же летчика я должен был защищать в Верховном суде РСФСР, а Верховный суд повесток не посылает, а вывешивают в коридоре объявления: такое-то дело слушается тогда-то, такое - тогда-то... Вот она ходила и проверяла. И когда увидела дело, которое мы ей поручили, она давала нам телеграмму...».

Дело пересматривалось, вызвали механиков из той воинской части как свидетелей – оказалось, что моторы в

порядке, лежат на складе. Остальные обвинения проверить было уже невозможно, а второго подельника успели расстрелять. Пересмотр привел к отмене обвинения во вредительстве (моторы), отмене расстрела и назначении срока – 10 или 15 лет. Б.Г. снова обжаловал приговор на том основании, что обвинение (бомбить?!) не доказано. Совсем незадолго до войны этого человека оправдали, выпустили! Между тем, пока шли хлопоты, его жена (гораздо моложе осужденного генерала) пришла к Б.Г. советовать: какой-то артист хотел на ней жениться. Б.Г. советовал подождать окончания дела: если оправдают, то ему будет легче перенести развод, женщина согласилась, и позже они оба пришли благодарить Б.Г. не только за успешные хлопоты, но и за мудрый житейский совет. В время оккупации мать этого военного стали притеснять соседи, угрожая донести немцам, что ее сын служит в красной армии, хотя он ушел в гражданскую авиацию после завершения всех злоключений. Б.Г., как власть имеющий, будучи бургомистром Смоленска, цыкнул на этих прытких соседей, [III].

Перед войной Б.Г-чу удалось выиграть дела о вредительстве. Рассказывал о двух: на хлебозаводе и у животноводов. Это были открытые показательные процессы, о них писали газеты, говорило радио, судебные заседания шли в клубном помещении (с криками, как тогда водилось: смерть вредителям!) Однако дела готовились при неколебимом убеждении, что ни малешего «сучка-задоринки» в судебном заседании быть не может. Эти эпизоды есть в [I].

И вот странный, ни на что не похожий, случай - «казённый» адвокат на процессе спрашивает: обвинение утверждает, что... А имеется ли в деле результат экспертизы, который позволяет утверждать, что... (ну, например, как в случае с ветеринарами, что прививки, которые они делали, были губительны для скота)?

Это нисколько не мешает ходу показательного процесса и вынесению предрешенного осуждения. Участники суда и зрители расходятся в полной уверенности, что так тому и быть. Но...

Родственники осужденных умоляют защитника подать апелляцию. Его коллеги реагируют на его колебания так: «- Вы что, Борис Георгиевич, ехать хотите? Вы что, о двух головах? Разве вы не понимаете, что это за дело? Вся область! Вы что, не видели – какой том⁺ с протоколами?... - помню, всю ночь не могу заснуть. Что делать? С одной стороны – защитник обязан, а с другой – правы те, кто говорят, что страшно, да я сам понимал, что страшно. ...Страшно. Все требуют казни!.. в то время каждую ночь забирали людей. По области были забраны у нас, в Рославле двух адвокатов забрали, еще в каком-то районе забрали...» [I].

Тут пропустим два месяца – для сказки срок ничтожный:

«Я пошел в тюрьму, попросил вызвать их. Дежурный спрашивает: - как их по одиночке или всех сразу? Я говорю, - всех сразу давай... Вызвали их. Говорю им: вчера дело рассматривалось Верховным судом, который определил: обвинение квалифицировать по 111-й как халатность, меру наказания... считать отбытой, из-под стражи освободить. Кадетский заплакал... Райхлин улыбался, слезы капали... Ну, правда, и я тоже заплакал с ними вместе. Это я считаю самым лучшим своим делом. Именно потому, что было опасно, что поборол страх, в сушности, с самим собой справился.» [I].

/потом в заключении/ «я часто вспоминал это, и самому становилось радостней. Были и потом случаи с отменой смертного приговора, но это - нормальные судебные дела, а это дело в такой ситуации,... что очень боялся я сам.» Окончательные приговоры по обоим процессам ограничивались обвинениями в халатности и сроками в 1,5 - 2 года, которые обвиняемые уже отсидели за время следствия. По какому-то из этих дел жен обвиняемых посадили за эти 1.5 - 2 года; их удалось освободить с большим трудом незадолго до войны.

В войну, оставшись в Смоленске⁺⁺, Б.Г. был назначен немцами бургомистром города.

⁺ Протоколы собраний коллективов трудящихся с требованием смертной казни вредителям.

⁺⁺ Война застала его в Москве с очередной кассацией. С большим трудом он сумел вернуться в Смоленск, где находилась его семья.

Вопрос о сотрудничестве с оккупантами до сих пор решается однозначно, а значит – демагогически. Однозначное решение вытекало из известной установки вождя: «Земля должна гореть под ногами оккупантов». А как она горит под ногами старух, детей, всяких немощных и вообще у оказавшегося в зоне оккупации гражданского населения? Как это бывало – читайте у Василя Быкова. Ну, а Б.Г., не изменяя себе, старается утихомирить власть, осуществляющую свой порядок крутыми мерами (цитирую по запискам, составленным под напором Наталии Милиевны, [II]):

«1 марта 1943 г. М.П.Андреева пришла к моей жене в очень расстроенном состоянии и рассказала... о передаче дела всех арестованных работников гор. отдела снабжения и немецкого «Заготзерно» из городской полиции в SD с заключением о необходимости всех расстрелять. Она просила о моем вмешательстве...

Я немедленно написал письмо в SD, в котором указал, что Н.П.Андреев, Степочкин, П.Н.Калитин, Баландин и Воронков работают в Городском управлении с августа 1941 года, т.е. с момента его организации, что в крайне тяжелых условиях зимы 1942 г. благодаря их самоотверженной работе удалось избежать перерывов в снабжении населения продовольствием; что, хотя Андреев и допускал незаконные выдачи соли, но значительная часть этих выдач производилась низшим сотрудникам Гор. управления, обремененным семьями, старухам и т.п. – без извлечения для себя какой-либо выгоды. Я просил все это учесть при решении участи арестованных^x.

3 марта, когда я приехал домой обедать, я застал там Н.П. и М.П. Андреевых. Оказалось, что на основании моего письма начальник SD Торман распорядился освободить всех арестованных по этому делу, а дело передать для разрешения в 7-й отдел комендатуры. Там его поручили рассмотреть ассесору

^x Скорее всего, эта история была затеяна соотечественниками, чтобы навредить Б.Г-чу и убрать его от должности, чем с благими намерениями навести порядок в снабжении.

Бесселю, а тот направил его ко мне для заключения. Я написал, что считаю достаточным ограничиться отбытым ими предварительным заключением. Это мнение мое и было принято комендатурой.»

На допросах после войны его спрашивали: вот вы освободили такого-то (еврея и коммуниста) - какое задание вы ему дали? <Подразумевалось, что просто так этого не могло быть, что немцам нужна была подсадная утка для борьбы с подпольем, и Б.Г. выполнял задание немцев.> Б.Г. пояснил мне, что освободить конкретного человека было нетрудно, для этого нужно было чье-то поручительство. Рассказал он и о своем соприкосновении с Катынью. Еще до всякого пропагандистского шума, немцы неожиданно предложили городской управе поехать и посмотреть на разрытые могилы. По манере расстрела Б.Г. понял, чья это была работа.

Казалось, что «судьба» назначила Борису Георгиевичу уйти на Запад, как это сделали миллионы соотечественников. Но он сам распорядился иначе...

Встреча союзного и советского фронтов застала его в Чехии, перед этим длилась довольно неопределенная полоса - каждый день, особенно утром, - неясность: кому принадлежит территория: немцам, союзникам или красным. Так однажды его задержал американский патруль. Американцы просеивали массы задержанных и сортировали в специальных лагерях; тех, кто для них не представлял интереса, они спрашивали – куда он хочет добратсья (домой), группировали партии, давали паек, и развозили на грузовиках. Он добрался туда, где его задержали, но своей семьи уже не нашел. Хотел повеситься, но пока возился с веревкой или выпрашивал ее, какой-то чех успокоил его и отговорил. Тогда Б.Г. пошел и сдался русским, т.к. думал, что семья арестована красными. Через 25 лет выйдя из тюрьмы, он узнал, что жена и дочь спокойно живут в Штатах.

На Лубянку он попал совсем не сразу. На допросах следователи особенно интересовались обстоятельствами, связанными с брошенным в Смоленске архивом НКВД. Он объяснил, что именно интерес (внутренние интриги) КГБ к этому делу стал причиной того, что Б.Г. не был уничтожен сразу. <Еще

можно думать, что долго еще наше государство боялось разоблачения по Катыни, в таком случае им совсем не лишним было иметь специального обработанного живого свидетеля для своих оправданий.> С момента ареста он пробыл 6 лет на Лубянке, без суда ему был назначен срок в 25 лет и одиночное заключение во Владимирской тюрьме.

После смерти Сталина ему стали давать газеты. Однажды Б.Г. прочитал в газете Декларацию прав человека и написал Хрущеву, что является чемпионом по одиночному заключению. Тогда его участь «облегчили» и к нему в камеру поместили видного бериевца Мамулова. К его соратникам Этингону, Судоплатову он присмотрелся на совместных тюремных прогулках. Можно сказать произвольно Б.Г. сопоставляет себя и этих совсем недавних вершителей судеб не то что людей, а народов...:

«Прежде всего, с детства как-то у меня сложились такие христианские воззрения, убеждения. Поэтому вот, ну, я считал, что раз Христос терпел и мучился, должны терпеть и мы нужду и всякий голод. Вот я когда их видел: они ж страшно озлоблены были – они друг на друга были злы...», [1].

Вот еще «Новелла об искушении», [1]:

... но так, по нек. догадкам, один был из комитета гос. безопасности в Москве, а второй – из такого же комитета в Минске, - который помоложе был.

- Ну, как вы тут живете?

Ну, я откровенно: как можно в тюрьме жить, так и живу.

- Да, мы думаем, что вам достаточно уже.

Я говорю: а я давно так думаю.

- Вот мы попросим вас выполнить нам одну работу, после которой мы вас с благодарностью отпустим.

Я говорю, что я работать начал в 15-летнем возрасте и никогда от работы не уклонялся, но посильна ли мне эта работа будет?

- Посильна, посильна!

Я говорю: что же это за работа?

- Вам придётся поехать в Минск. Ну, конечно, не этапом, а на легковой машине. Здесь очень хорошая дорога от Владимира до Москвы и от Москвы.

- Я знаю, я ездил по этим дорогам – и по этой, и от Москвы до Минска. Знаю, что дорога действительно хорошая.

- Ну, вот видите. Вы сами знаете, что за удовольствие будет...

- Пожалуй, с этим можно согласиться, действительно, поездка будет удовольствием.

- Ну, там, правда, придётся немного посидеть... с одним человеком, и то, что он будет рассказывать, вы потом нашему представителю будете передавать.

- Я думаю, что мне эта работа не подойдёт.

- Почему?

- ...вы сами посудите: вот я уже 18 лет сижу один. Совсем не вижу людей. Отвык даже, можно сказать, от человеческого голоса. А тут... может быть, человек отнесётся ко мне похорошему, сердечно отнесётся, а я ему гадости буду делать.

- Нет, нет, никаких гадостей. Только то, что он скажет.

- Ну, - я говорю, - ведь он скажет не для того, чтобы я передавал кому-то, а просто по-товарищески.

- Вот как вы смотрите. Ну, не надо тогда этого. Тогда вы просто уговорите его, чтобы он сознался.

- А он мне скажет: вот ты сознался, так после 18 лет потом в одиночке просидел.

- А нет, этого нельзя говорить. Надо легенду придумать.

- Я с детства не люблю врать и боюсь, что если буду врать, то я запутаюсь.

- Ну, хорошо, мы завтра к вам зайдём, а вы подумайте.

На этом разговор кончился. Меня обратно – во 2-ой корпус, в свою камеру... На другой день они пришли ко мне, уже в наш корпус... В кабинет старшего вызвали меня.

- Ну как, вы думали?

·

- Думал, всю ночь не спал.

- Вот это хорошо. Это показывает, что вы серьёзно отнесётесь к делу. Ну, и что же вы решили?

- Я решил, что мне эта работа не подходит.

- Мы благодарим вас за то, что вы нам откровенно сказали. Было бы хуже, если бы вы взялись и получился бы такой...- словом - неувязка. Мстить мы вам не будем.

Цена этого эпизода около семи лет (1963 – 1970!)

Так случилось, что в майские дни 1969 года я оказался с Наталией Милиевной в Смоленске вместе с экскурсией московского Дома ученых. В трехдневном пребывании в городе намечены были несколько экскурсий, но в какой-то момент возник вопрос – не хотят ли товарищи экскурсанты побывать на месте массового уничтожения польских офицеров немецко-фашистскими оккупантами? Милиевна проявила настойчивую и убедительную заинтересованность, и как бы там ни было, но экскурсионный автобус покатила в западном направлении - туда, где теперь сооружен скорбный мемориал, а тогда - крест, которым полякам разрешили отметить это трагическое место. Соответственно – надпись на кресте совершенно не отвечала истине и польскому пониманию виновника этого преступления.

Не будь Милиевны – не видать бы мне этого свидетельства безумия эпохи, государства и партийного преступления. Важно, что это не было делом исключительным, из ряда вон. Это был «стиль» руководства, которое считало себя утвердившимся на века, а штамп «совсекретно» - надежным замком на все времена и эпохи. Конечно для того, чтобы это было так, надо было распространить свои порядки за пределы железного занавеса, но им мечталось и это: «Лагерь(!) социализма – это уже 2\3 мировой системы!».

Примерно через год Наталия Милиевна напишет приглашение Борису Георгиевичу и откроет перед ним немалую и сочувственную аудиторию, и что важно – людей следующего

поколения, для которых советская история была тайной за семью печатями.

Поклонимся незаметному святому XX века, которому удавалось более чем в меру его сил противостоять всеобщему помешательству.

Даты: 26 апреля (9 мая) 1902 – рождение;

19.07.19 – 17.05.27 – служба в красной армии;

1928 – 1937 – работа в различных юридических службах;

1937 – 1941 – работа в облколлегии адвокатов

Смоленска;

1941 – 1943 – бургомистр Смоленска;

28.05.45 – арест (добровольная явка);

28.05.70 – окончание тюремного срока заключения;

25 апреля 1984 – скончался в г. Кировске.

Надежда Григорьевна Левитская и Валентин Николаевич Костин побывали на могиле Бориса Георгиевича и установили крест.

Наталия Ивановна Аничкова:

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Большая часть Аничковых, упомянутых Наталией Милиевной в ее воспоминаниях «Четыре прабабушки и их потомство» помещены на схеме, между с. 53 / 55, объясняющей её ближайшие родственные связи. Ниже за некоторыми исключениями раскрываются имена, встречающиеся более двух раз.

Составила Левитская Надежда Григорьевна

Аничков Василий Иванович, ниже и 250
после революции эмигрировал, в 1927 г. нелегально вернулся, был арестован и расстрелян. Его сестра узнала об этом, когда она сама была арестована, но подробности ей остались неизвестны.

Аничкова Наталия Ивановна, 8,15,200,218,221
родственница Наталии Милиевны, с которой она всю жизнь была в близких дружеских отношениях. В 1920-е годы (фото: Н.И. в лабора-тории) была исключена из Ленинградского университета как дворянка. Арестована в 1929 г. Во время следствия узнала о судьбе брата Василия, но так и не рассказала о его гибели матери. Жила в ссылке в Астрахани, Красноярске, Иркутске. Работала в различных экспеди-циях и на Байкальской лимнологической станции у Г.Ю.Верещагина. После войны работала в Клязьменском, а потом в Дарвинском заповедниках (на Рыбинском вдхр.) в качестве гидрохимика.

Упорно не хотела подавать заявление о реабилитации, считая это безнадежным. Такое заявление за нее написала Наталия Милюева, и Н.И. была реабилитирована, но уже не было сил и энергии на возвращение в Ленинград.

Аничкова Татьяна Евгеньевна, 78,79

дочь Евгения Вас. Аничкова (известного филолога-медиевиста, 1861-1938, † в эмиграции). Художница, эмигрировала. Была связана с белыми организациями. Именно она подбила Василия Ив. нелегально вернуться в СССР, чего ей не могла простить двоюродная сестра Нат. Ив.

Аничкова Елизавета Евгеньевна, 79,250

сестра Татьяны.

Аничков Сергей Викторович, 45

(1892-1981), академик АМН, фармаколог, автор воспоминаний «На рубеже двух эпох», Л., 1981; в них есть краткая история рода Аничковых с XIV века

Аранович Матвей Абрамович, 158,170,177

сосед Н.М. по квартире на Русаковской, экономист советского толка, с которым она водила дружбу.

Арапов Петр Петрович, 8-10,84-91,103,107,114,121,126,129,130
муж Наталии Милюевны.

Араповы, 34.

Архипелаг

ГУЛАГ,

12,15,18-

21,60,79,208,226,243,244,246,250,252

Бениш Светлана - сотрудник Третьяковской галереи, 198,213

Болдырь Екатерина Дионисьевна, 200

двоюродная сестра моей мамы, единственный родной человек на воле после ареста всей нашей семьи Левитских. Она давала деньги Нине М. Звонков (врачу, которая жила в Новгороде в одной комнате с мамой до ее ареста) для посылок мне, о чём я узнала через много лет после освобождения из лагеря, думая, что посылки идут от Нины, и уже не смогла поблагодарить Ек.Д. Приехав в Ленинград из

лагеря, я не хотела идти к ней, поскольку ни мне, ни Ивану она не писала.

Брюлловы, сёстры, 8,12,50

Вера Павловна Шевелева и Евгения Павловна Струмилло до революции жили в Петербурге и по приглашению Милия Адриано-вича Аничкова преподавали в опекаемом им приюте для девочек. С тех пор завязалась их дружба с Наташей, дочерью М.А. После революции В.П. и Е.П. оказались на положении вечноссыльных. Н.М. переписывалась, посылала им посылки, как могла подбадривала. В 50-е гг, когда Н.М. оказалась в лагере, сестры «Брюлловы» из своих грошовых пенсий собирали посылки для нее. Освободившись без права жить в Москве, Н.М. поехала (вместе со мною) в Ростов-Великий к старушкам Брюлловым, которые без всяких разговоров прописали ее в своей единственной комнате, без каких-либо удобств, в старом-старом доме рядом с Кремлем, на самом берегу оз. Неро. Здесь мы провели десять сказочных дней, первых дней нашей свободной жизни в ноябре 1955 г.

Букреева Татьяна Борисовна, 153,200, 250

Верный друг моих деда, бабушки и мамы. Всю жизнь прожила в Киеве, работая в одной из городских библиотек. Муж ее Толпыго Б.Н. был моим крестным, но в том же году его посадили как члена кадетской партии, так что всю жизнь он провел в заключении и ссылках, и я его никогда не видела. Т.Б. тоже всю жизнь поддерживала его, а с 1938 года еще и сосланного в Казахстан моего деда Е.М.Кузьмина. Во время войны, когда мы потеряли кров и жили в постоянном страхе быть разлученными, мама заставила нас с братом выучить наизусть киевский адрес Т.Б. После войны, когда нас всех посадили, Т.Б. была связующим звеном: ей мы писали письма, она нам: маме, брату Ивану и мне – регулярно отправляла посылки. После лагеря мы с Н.М. провели неделю в её доме – огромной профессорской квартире с надписью на двери «Проф. Букреев» с ятем и твердым знаком в конце. Приезжая в Москву к своим друзьям-теософам, Татьяна Борисовна останавливалась у нас.

-

Верещагин Глеб Юрьевич, 7,9,29,95,100,106,164,220,241.
(1889-1944) – ак. гидробиолог, лимнолог, автор теории морского происхождения байкальских фауны и флоры. Его именем названо (1964) экспедиционное судно (530т) Байкальской лимнологической станции. См. также схему между с..

Витковский Дмитрий Петрович, 18
(1901-1966) автор воспоминаний «Полжизни». У нас встретился с А.И.Солженицыным. К нам он попал через А.К.Старкову (см), сослуживицей которой была его жена Л.Н.Натан. Имя Дм. Петр. встречается в «Архипелаге ГУЛАГ» несколько раз, и прежде всего – на одной из первых страниц, сразу за ссылкой на 227 имён, для которых «не настала та пора, когда я посмею их назвать».

Владимирова Татьяна Константиновна, 11,134,144,147,150
машинистка, работала в редакции фронтовой газеты. Солагерница Н.М. по 1-ой женск. больнице Унжлага, ее партнер в самодеятельных спектаклях «Трактирщица» Гольдони и «Девушка с кувшином» Лопе-де Веги. Освободилась раньше нас без реабилитации и права жить в Москве. Ночевала в собственной комнате, где жила её мать, но до 6 утра, когда появлялась лифтерша, уходила из дома и до 8 ездила по кольцевой линии метро, а потом шла к В.Шкловскому, для которого работала машинисткой, печатая тексты с голоса на трёх европейских языках. После 12 ночи возвращалась домой. Через год получила реабилитацию и продолжала работать на машинке уже дома. Через её руки прошло несчетное число всяческого самиздата.

Волынская Вера Сергеевна, 175,195
друг Н.М. еще с довоенных времён, когда она возглавляла географические экспедиции, а Н.М. пристраивалась к ним, чтобы проведать кого-либо из своих ссыльно-лагерных друзей. Когда Н.М. после лагеря и года скитаний получила, наконец, реабилитацию, только В.С. безоговорочно прописала её у себя.

Вомпе

оказались родственниками А.Штробиндера, студента, погибшего в Петрограде в начале 1918 г., знакомого Нат. Милиевны накануне революции, 251

– Александр Федорович, 193

химик-органик, докт. наук, знаток литературы и искусства,

– Георгий Александрович, 195,202, 232,250

наш общий друг и помощник, особенно по части фоторепродуцирования: для выставки памяти погибших, «Архипелага» и «Красного колеса». Один из изготовителей этого сборника.

Воронцов-Вельяминов Сергей Викторович, 195,199,202,218,247²
дальний родственник, вернее – свойственник, но близкий друг Н.М. еще с детских дореволюционных времен, когда он учился в кадетском корпусе в Петербурге, а по праздникам приходил к вдове своего дяди Н.А.Воронцовой-Вельяминовой (тётке Н.М.). Участник I мировой войны, был ранен, а после революции, по его выражению, «без конца строил каналы для советской власти».

Воронцова-Вельяминова Надежда Адриановна (ур. Аничкова),
8,9,90,91,99-115, 249, [в следующей записи]
всю жизнь прожила в Петербурге-Ленинграде, до революции – в доме своего брата Милия Адриановича Аничкова, любимая тётка Нат. Милиевны.

Воронцовы-Вельяминовы, сестры, московские племянницы (по мужу) – Надежны Адриановны Воронцовой-Вельяминовой, друзья Н.М.:

– Анастасия Павловна (Георгиева), 210

– Мария Павловна (Александрова-Дольник), 202

– София Павловна (Кристан), 210.

Георгиев Георгий Павлович, 210,212

биолог, ак., сын А.П.Воронцовой-Вельяминовой.

Гольдман Мария Александровна, 144,193,196-198,201

литературовед, сотрудница библиотеки им. Ленина, наша солагер-ница, много способствовала моему образованию и просвещению.

Грецова Зинаида Митрофановна, 11,148,155

-

наша солагерница, художница в КВЧ 1-ой больницы Унжлага. После лагеря окончила институт, приезжая на каждую сессию в Москву; затем преподавала черчение и рисование в школах Кадиевки на Украине.

Гринфельд Таисья Яковлевна, 200, 250

моя однокурсница по Латвийскому университету. Перед арестом я оставила у неё все свои пожитки, которые она потом переслала мне в лагерь. За переписку со мною имела большие неприятности по партийной линии. Кончила аспирантуру в Риге, позже переехала в Ленинград. В Риге её третировали как русскую, хотя по паспорту она была латышкой, а из Ленинградского ун-та выжили как еврейку. Она уехала в Сыктывкар, и я потеряла её из виду.

Ермиловы Артур Николаевич и Наталья Николаевна, 158,161,198

наши друзья и помощники во многих делах со времени путешествия в Кизи 1963 г.

Загорянская Виктория Генриховна, 10,200

одноклассница Н.М. по Таганцевской гимназии. После смерти Петра Петровича несколько лет жила с Н.М., и одновременно с ней арестованная. Лишенная курева и кофе, за подачки активно «сотрудничала со следствием», рассказав многое, что усугубило положение Н.М. В частности, только от нее стало известно о том, что в 1917-18 гг. Н.М., работая на поезде-бане, который курсировал между Петроградом и Псковом, помогла многим вырваться из Петрограда и перейти границу.

Каштанова Александра Григорьевна, 50/,152,175,183,185

знакомая Н.М. (с 30-х гг.) и спутница в её путешествиях и поездках.

Карпова Татьяна Дмитриевна, 4

моя сослуживица по Библиотеке ин. лит. Забылось, какие самиз-датские воспоминания послужили поводом для стихотворения.

Кригер Екатерина Петровна, 195

солагерница Н.М., немка с Нижнего Днепра, 25-летница, освобо-дившаяся одной из первых. Опер Рябчиков не хотел верить, что ее вызвали на свободу. После лагеря сначала жила в леспромхозе под Кинешмой, куда «под комендатуру» были сосланы её родные, потом переехала в Казахстан (пос. Мартук), где жил её старший брат, а после 7 отказов (7 лет) вырвалась таки в 1987 г. в Германию. Живя в Казахстане, Е.П. каждый год приезжала в отпуск к нам в Москву, а теперь я ежегодно навещаю ее в Германии.

Кристаны

– Алексей Владимирович, 209,210,212,214

детский врач, один из «племянников» Н.М., сын С. П. Воронцовой-Вельяминовой, наш спутник в поездке на Карпаты.

– Владимир Иванович Кристан, 224

его отец – долгие годы «лейб-медик» Н.М. Когда в лагере я попала на курсы медсестёр, Н.М. попросила его прислать мне учебник, что он и сделал.

Кузьмина Елена Ефимовна, 198⁺,202
стр.

+ Выделены

Курсанов Андрей Львович, 207⁺,211,214
ссылка

подробных

Ладыженский Александр Михайлович, 196 - 198

юрист, знакомый Краевских (с.207), член Дома ученых, автор инте-ресных воспоминаний, активный защитник памятников старины.

Левитские, семья:

- Надежда, дочь, составитель этой книги.

- Григорий Андреевич, отец, 14,199
ближайший сотрудник Н.И.Вавилова;

- Н.Е.Кузьмина, мать, 242, 243, 247

- Иван, сын, 195, 247

после заключения кончил институт, преподавал и жил в Хабаров-ске. Цитируется в кн. «Архипелаг ГУЛАГ», ч.1, гл.1.

-

Ливеровский Алексей Алексеевич, 16,60

сын М.И.Ливеровской. Когда срочно понадобилось надежно спрятать в Ленинграде машинописный экз. «Архипелага ГУЛАГ», Н.М. отвезла его к А.А., который жил в отдельном коттедже на территории Лесотехнического института. Рукопись была закопана в садике под окном квартиры, пролежала там четверть века и уже после смерти А.А. была передана его вдовой Еленой Витальевной Бианки в Пушкинский дом, где хранится архив А.А.

Линка Надежда Владимировна (ур. Геппенер), 200,202

искусствовед, троюродная сестра моей мамы Н.Е.Кузьминой. Связь с ней после лагеря установилась через Т.Б.Букрееву. Ей принадлежат очень произвольно и не документировано написанные воспоминания, в частности о семье моего деда Е.М.Кузьмина.

Маликов Николай Иванович, 155,195,199...203

дальний родственник С.В.Воронцова-Вельяминова.

Марниц Александр Федорович, 8,212,217

второй муж Верещагиной Н.В.,50/52

Молокова Надежда Антоновна, 200

Солагерница и покровительница Н.Г. с её первых дней лагерной жизни. Отбыв полных 10 лет, почти сплошь на общих работах, уехала к тётке, сосланной из Белоруссии в Омск, куда звала и меня, когда мне засветило досрочное освобождение. Работала в горячем цеху на Сибзаводе. Тяжелым инвалидом ушла на пенсию и умерла, не дожив до 60 лет.

Морозова Нина Владимировна, 155,199

дальняя свойственница С.В.Воронцова-Вельяминова, неутомимая помощница Н.М. при счетке, корректуре, перепечатке всяческого самиздата и писем А.И.Солженицыну.

Осёнов Сергей Иванович, 17,183,186,200

Петров Анатолий Николаевич, 156...,193...,202

Ленинградский искусствовед, автор альбомов-монографий об архитектуре дворцов в пригородах Ленинграда. В конце 60-х – начале 70-х мы провели несколько отпускных месяцев на его даче-хуторе (с.222) в 3 км от монастыря в Печёрах.

Петрушевская Варвара Александровна, 15,151,196
давняя знакомая Н.М. В её доме, с согласия ее мужа (с.15) много лет хранились различные рукописи А.Солженицына.

Петрушевская Мария Георгиевна, 200
Моя троюродная сестра, дочь Е.Д.Болдырь, доктор биологических наук. Мой брат И.Г.Левитский в 1956 г. отправил на её имя телеграмму о своём освобождении из лагеря в Норильске. Отец М.Г. запретил принять телеграмму, и её отправили назад с надписью «адресат отказался принять».

Раменская Екатерина Петровна, 155,184
приятельница Н.М. с давних времён.

Реформатский Михаил Александрович, 8,57...,132,133,143,250

Священник в Тегеране, 10, 119

Собенникова Кира Павловна, 161...165,184,195...197,220
моя сослуживица по Библиотеке ин. лит. Неизменная спутница в поездках и походах, помощник в распространении самиздата.

Солженицын Александр Исаевич, 13...,183,233,245,250,252

Старицкая Екатерина Александровна, 176,217

Старкова Анна Константиновна, 198, 243
давняя, еще с довоенных лет очень близкая приятельница Н.М., преподаватель английского яз. в МГУ.

Стерлинг Ольга Альфредовна, 11,144,148
преподаватель английск. яз. в ленинградских вузах, солагерница Н.М., режесёр и ведущая актриса в постановках самодеятельной труппы 1-ой б-цы Унжлага.

Тавастшерна Екатерина Александровна, 8,141,142,207,213,217
правнучка прабабушки Агнии Аркадьевны, давний большой друг Н.М. Все годы заключения посылала Н.М. посылки и письма.

- Трувеллер Ника Александровна, 204,224
наша дачная хозяйка в 1972-74 гг и большой друг. На её даче в посёлке НИЛ («наука, искусство, литература») под Новым Иерусалимом многое хранилось и многое говорилось. Здесь был безоговорочно принят и три лета жил Б.Г.Меньшагин (228-240).
- Тухачевская Мария Николаевна, 198,202
Дочь друзей Н.М. и П.П.Арапова – Н.Н. и М.В.Тухачевских. После гибели Н.Н., нашего и М.В. освобождения из лагеря, а Марии Ник. из детского дома, куда её сунули после ареста родителей, - наш общий близкий друг.
- Тыдман Владислав Петрович, 193,196,197,201
«старый большевик», ожесточенный и отчаянный борец за сохранение памятников старины.
- Фокина Мария Анатольевна, 176,195,217
сослуживица Н.Г. по Библиотеке иностранной литературы.
- Мария Марковна (ур. Любошинская, 217) – мать М.А.
- Форш Людмила Федоровна, 94,180
сослуживица Н.М. по Байкальской лимнологической станции в годы войны. С нею связан забавный эпизод из нашей первой после лагеря поездки в Ленинград в декабре 1955 г. Когда Н.М. была в лагере, ее тетушка, Н.А.Воронцова-Вельяминова, чтобы посылать посылки в лагерь, продавала ее вещи. Среди них было 6 маленьких антикварных тарелочек с пасторальными сценами, на каждой тарелке свой рисунок. Навещавшие Н.А. сослуживицы Н.М. по Байкалу, к тому времени вернувшиеся в Ленинград, решили купить эти тарелочки на память о Н.М., в возвращение которой мало кто верил. А оно вдруг состоялось! И вот «байкальцы» устроили Мильне приём, и каждая принесла на него свою тарелочку, и все шесть вручили Н.М. Я в тот вечер была у О.Дм.Форш и видела, как ее дочь Тамара Борисовна судорожно ищет что-то, прежде, чем уйти на встречу с Н.М., и я не могла понять что бы это было. Она тоже была обладательницей одной из этих памятных тарелочек и в тот вечер должна была принести свою.

С тех пор все 6 тарелочек занимают у нас почетное место и называются «байкальские».

Холодова Валентина Павловна, 18,222

биолог, сослуживица А.Г.Верещагина, помощница А.И.Солжени-цына, один из изготовителей этого сборника.

Шаповалова Нина Герасимовна, 155

сокамерница Н.М. на Лубянке, где они на всю жизнь подружились. После лагеря Н.М. долго через знакомых-знакомых искала Нину, у которой не было постоянного московск. адреса. Она жила то там, то здесь, кончая филологич. фак. МГУ. Максимов Л.Ю. – её муж.

Ювак Тамара Васильевна, 138, 139

врач-заключённая, солагерница Н.М. После освобождения соби-ра-лась ехать в Мелитополь с пересадкой в Киеве. Н.М. попросила её зайти в Киеве к моей знакомой Татьяне Борисовне Букреевой (242) и передать ей довольно увесистый пакет. А в пакете серебряные чайные и столовые ложки, два уполовника, сундучок-сахарница и большая сухарница. Всё это богатство я получила в посылке от своей сокурсницы Т.Я. Гринфельд (245), которой перед арестом отдала все свои вещи. Когда в университете стало известно, что я осуждена, что мои вещи у Т.Я., и она поддерживает со мною отношения (по моей просьбе она прислала посылку с тёплыми вещами, сахаром и мылом), её взяли в оборот на партийном собрании. Сначала обвинили в краже моих вещей, потом приказали прекратить сношения с лагерем, а все вещи отправить мне.

Так я получила серебряный клад, с которым при каждом шмоне не знала что делать и с радостью отдала Н.М., когда она собралась в больницу, откуда надеялась найти возможность переправить всё за зону. Татьяна Витальевна согласилась взять пакет, передала его в Киеве Татьяне Борисовне, от которой я всё получила после освобождения.

Когда я отдавала свои вещи Нат.Милюевне и потом, когда Н.М. отдавала их Тамаре Витальевне, все вокруг считали нас наивными дурами и единогласно пророчили – что не видать нам их во веки веков.

«Шесть фотографий,

данных Мильевой из их мартовской выставки», 20

В «Архипелаге ГУЛАГ», т. I, фотографии сопровождают только имена и даты гибели. Почти все они упоминаются в настоящем сборнике:

- Покровский Виктор Петрович, с. 60
студент, знакомый Н.М., † Москва, 1918.
- Аничков Василий Иванович, † Москва, 1927, с. 241.
- Аничкова Елизавета Евгеньевна, † лагерь на Енисее, 1942, с. 79.
- Реформатский Михаил Александрович, † Орел, 1938, с. 248.
- Свечин Александр Андреевич, † Москва, 1937, с. 18
проф. Ак. Генштаба. Первый арест А.А. произошел в 1931, он был осужден на 5 лет и освобожден досрочно – через год, тогда же издан его труд, что не помешало его скорой гибели. Имя А.А. Свечина теперь хорошо известно. В 1999 в издательстве «Русский путь» вышел труд А.А.Свечина «Постижение военного искусства», подготовленный Военным университетом при содействии общества Клаузевица и др. организаций ФРГ. В 2003 издан его труд «Стратегия», ИЦ «Кучково поле», М-СПб.

Вне сборника:

- Штробиндер Александр, † Петроград, 1918, с.244,
знакомый Нат. Милиевны, сохранившей подробности его гибели.

В годы, предшествующие революции, старшие Штробиндеры преподавали, а их дети учились в Гатчинском сиротском институте. Между семьями Штробиндеров и Гинглейсов (директора института), сложились дружеские отношения. К началу 1918 Гинглейсы собрались покинуть Россию. Не они одни – население Петрограда бежит из города (террор, голод, холод, развал нормальной жизни). В начале марта 1918 молодежь собирается на прощальный вечер, состоявшийся на Миллионной ул. По городу бродят

«красногвадей-ские» вооруженные патрули, проверяют «подозрительные квартиры». М.б. о «сборище» донес кто-то из прислуги. Патруль заходит, видит большую группу молодежи, юноши во всяких там мундирах (молодёжь, конечно, вырядилась). Юношей увели, хотя девушки вязались за ними, но их прогнали. На следующее утро для журналистов загадка – около моста к Александро-Невской лавре 6 или 7 изрубленных и расстрелянных молодых людей, среди них и Александр.

Н.М. что-то помешало придти на прощальную встречу, но она сохранила обрывок газеты, где демократическая печать изливает свое удивление:

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ

Сегодняшние и вчерашние газеты принесли нам сведения о расстреле нескольких заговорщиков, арестованных на Миллионной улице. Для нас непонятно, каким образом сведения об этом расстреле могли появиться в газетах прежде, чем появились в правительственных органах официальные сведения о происшедшем. Немыслимо медлить с подобного рода сообщениями. Абсолютно недопустимо, чтобы демократические и революционные круги только из случайных источников... получали в скомканном виде сведения о происходящих расстрелах без суда. Результат получается тот, что даже неизвестно точно количество расстрелянных лиц, ни их имена и фамилии, ни звание (одна газета говорит об офицерах, другая – о студентах), ни подлинная суть и характер содеянных ими преступлений. Такое положение не может не волновать глубоко революционного общественного мнения. Немыслимо положение, при котором орган одной из правительственных партий, сообщая о факте расстрела, удовлетворяется сообщением о том, что «лица расстрелянных установлены», фамилии же остаются неизвестными.

• • •

БИБЛИОГРАФИЯ:

А.И.Солженицын

– Бодался Теленок с Дубом, см с.13 настоящего издания.

– Архипелаг ГУЛАГ

О «Мартовских выставках» Александр Исаевич пишет в главе 11:

«В одном моем знакомом доме, где бывшие зеки, есть такой обряд: 5 марта, в день смерти Главного Убийцы, выставляются на столах фотографии расстрелянных и умерших в лагере - десятков несколько, кого собрали. Весь день в квартире торжественность - полуцерковная, полу-музейная. Траурная музыка. Приходят друзья, смотрят на фото, молчат, слушают, тихо переговариваются, уходят не попрощавшись... Вот бы... – хоть какой рубчик на сердце мы вынесли из этих смертей. Чтоб – не напрасно всё же!..»

– Красное колесо

Густонаселённая эпопея вместила в себя и «Рассказы Наташи Аничковой» - так отчасти названа глава 574-я. Эпизод с её участием продолжен в главе 580-ой и связан с возвращением Ярослава из отпуска на фронт. Ярослав втискивается в купе, где среди прочих, едет «круглолицая сестра, очень открытая в обращении и с весёлыми, даже дерзкими глазами». Естественно, что в дороге она занимает случайного спутника рассказами о своей жизни, всяких весёлых случаях и даже историей своих предков. Здесь очень хорошо узнаются блёстки извлеченные из «Четырёх прабабушек», и тут же, вполне вероятно, мы можем узнать о Наталии Милиевне нечто сверх того, что представлено в этом сборнике, не записанное ею в воспоминаниях, но рассказанное Александру Исаевичу в период совместной жизни с ним в Жуковке-Сеславине:

«...и как курсы она окончила, обманывая родителей (шла будто в университет, а в портфеле белый халат)... и как в виленском госпитале по коридору ездил на велосипеде, за что и отчислили...».

Встреча происходит на очень тревожном для поручика фоне: он возвращается на фронт в другой стране или среди другого народа... В любой момент эти отнюдь не добродушные солдаты могут потребовать у него оружие и тогда... (известно, что после таких столкновений многие офицеры не могли продолжать жить – и стрелялись, если не гибли при сопротивлении). Это середина марта 17 г, когда приказ №1 уже проделал свою работу, потому что совпал с умонастроением солдатских масс. Тревожное ощущение поручика, находится в контрасте со спокойствием Наташи Аничковой: «Солдаты всё потдалкивлись к сестре, она всё тараторила и задабривала их, ещё достала угощение, - а Ярослав послала взглядом не только не призыв о помощи, но успокаивающий знак не вмешиваться». Ярослав в смятении думает: «что же такое наша родина, если не наш народ? вот эти самые солдаты? И как можно в них увидеть врагов?... Миновал один перегон, другой. Расчёт сестры оказался верен: солдаты подобрили, не хамили, размягчились чайком, рассказывали о своих семьях. Наконец, ласково звали и поручика идти с ними попить». Естественно вспомнить рассказ Н.Аничковой «Солдатики».

– Среди других имен: Сборник – М.: Моск.рабочий, 1990. С.364-373

12 стихотворений, помеченных(#) в настоящем сборнике.

– Письмо 1 М.И.Ливеровской // Дом Остроухова в Трубниках
Альманах, М-СПб, «Златоуст», 1998, с. 417-419.

– То же // Миль А. На дорогах жизни.- М.Профорбита, 2007, - С. 197-201; о ней 155, 160, 168, 187-189, 191, 196-197; фото 178.

– Милая, обожаемая моя Анна Васильевна М.,. Прогресс: Традиция: Русский путь, 1996.

Упоминание Наталии Милюевны связано с похоронами Е.К.Пешковой: «говорили речи о той работе, которую она вела,... замалчивая, еле касаясь Политического Красного Креста, точно это запретная тема, неловко её касаться. И только один голос произнёс:

– Спасибо, Екатерина Павловна, от многих тысяч заключенных, которым Вы утирали слёзы. - Я обернулась, старая женщина посмотрела на меня, - я не могла этого не сказать. (с.102). Пояснение в примечаниях к основному тексту (с.136): Это была Наталия Милюевна Аничкова...

– Четыре прабабушки и их потомство // Китеж: Проза, поэзия, воспоминания: М.: Возвращение, 2006. – С.355-377, 378-381.

